

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ**

ФИЛОЛОГИЯ

(Коллективная монография)

Книга первая

ЕРЕВАН 2015

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԵՎ
ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ)
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

(Կոլեկտիվ մենագրություն)
Գիրք առաջին

ԵՐԵՎԱՆ

ՀՌՀ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

2015

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ**

ФИЛОЛОГИЯ

**(Коллективная монография)
Книга первая**

ЕРЕВАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАУ

2015

УДК 80
ББК 80/84
Ф 547

*Печатается по решению Ученого и
Редакционно-издательского советов РАУ*

Ответственные редакторы: А.П. Григорян, А.Г. Саркисян

Редактор: А.В. Меликсетян

Редакционная коллегия:

Ф 547 Филология. (Коллективная монография). Книга 1. – Ер.:
Изд-во РАУ, 2015. – 144 с.

Коллективная монография состоит из двух разделов – «Литературоведение» и «Языкознание». Авторы книги – сотрудники Института русской совесности Российско-Армянского (Славянского) университета.

Статьи, вошедшие в коллективную монографию, обращены к современному состоянию филологической науки и отражают её сегодняшнее состояние.

УДК 80
ББК 80/84

ISBN 978-9939-67-122-2

© Издательство РАУ, 2015

О КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАННИХ ПЬЕСАХ У. САРОЯНА

Л.С. Меликсетян

Каждый раз, говоря о представлении и осмыслении конкретных периодов, исторических деятелей или коллизий в художественном творчестве, мы неизбежно имеем дело с толкованием реальности или того, что принято считать таковой, в парадигме вымысла, фикции – тем, что и как творится индивидуальным и коллективным сознанием людей из переживаемой ими истории, какими смыслами она облекается, то есть метаисторией [1]. Однако парадоксальным образом в своем ретроспективном восприятии и оценке исторических реалий мы зачастую опираемся именно на метаисторическую фикцию – в частности, созданные литературой образы и трактовки, в чем-то, безусловно, искажающие реальность, но и выступающие ее дистиллятом.

Чаще всего осмысление истории требует именно ретроспекции – то есть временной и/или пространственной отдаленности, дистанции, позволяющей выстроить относительно неискаженную перспективу. Нас же в данном случае интересует попытка художника увидеть конкретный исторический период изнутри, давая его синхронный слепок, одновременно встраивая и осмысляя его в надвременном, метаисторическом контексте.

Проблема художественного времени – одна из важнейших в литературоведении. Она становилась предметом пристального внимания на разных этапах развития литературоведения, но, пожалуй, концептуальным в исследовании этой проблемы стало введенное М.М. Бахтиным понятие хронотопа («время-пространство»), определенное им как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. В продолжение бахтинской традиции наибольшее внимание литературоведов привлекает хронотопическая классификация преимущественно романного пространства. Между тем изучение особенностей пространственно-временной организации драматургии выявляет ряд существенных особенностей «драматургического» хронотопа. В частности, разворачивая перед гла-

зами зрителей картины прошлого и таким образом перенося их в настоящее, драматург создает эффект присутствия, сопричастности и делает зрителя свидетелем происходящего на сцене, тем самым достигая особого эмоционального воздействия, особой временной и пространственной организации сюжета и его восприятия. При этом само сценическое пространство становится существенно новым – по сравнению с эпическими жанрами – хронотопом, учитывая два его пласта – пространство художественного текста и пространство сценического воплощения.

Картина еще более усложняется при нарастающем «разветвлении» ясперсовского осевого времени, его распаде на поливариативность и размытость времени и пространства постмодернистского мира или если иметь в виду «перебивку смысла» в сюрреализме или своеобразии хронотопа в театре абсурда. Между тем некоторое предвосхищение этих процессов можно наблюдать в творчестве американского писателя и драматурга У. Сарояна.

Драматургия У. Сарояна, вообще отличающаяся редкой многогранностью и разнообразием, представляет значительный интерес и в плане наложения парадигм реального и художественного времени, и в смысле создания особой, сугубо сарояновской, пространственно-временной ниши. Именно Сароян на излете 30-х – начале 40-х годов прошлого века стал знаковой фигурой для целой эпохи в истории американского театра, создав свой собственный театральный язык.

Говоря об особенностях американской драматургии 30–40-х годов XX века, литературовед Кетрин Ван Спанкерен отмечает, что драматурги того времени неоднократно изображали трагедию, ожидающую тех, кто живет в мире грез [2. Р. 69], однако для Сарояна подобное мировосприятие глубоко чуждо, для героев его ранних пьес органична только и именно жизнь в мире грез. Позже он заметит: «Каждый драматург творит свой собственный мир», но уже первые пьесы писателя со всей очевидностью продемонстрировали сотворение сарояновского мира. Уже в первой пьесе Сарояна выбор места и времени действия в чем-то окажется определяющим для всего дальнейшего *хронотопа сарояновской драматургии*.

Написанная в конце 1938г. пьеса “My Heart’s In The High-lands”¹ в 1939г. была поставлена одним из наиболее известных и

¹ Оговоримся, что первый опыт Сарояна в драматургии – “The Subway Circus” – датируется 1935г.

интересных театральных коллективов США того времени – «чувствительным к политике, но более сосредоточенном на художественных идеалах» [3. Р. 11] Group Theatre, руководимым выдающимся деятелем американского сценического искусства Хэролдом Клерменом. Пьеса имела большой успех и оказалась в центре внимания критики, причем «театральные критики были к Сарояну щедрее литературных» [4. Р. 155] и откликнулись на его дебют десятками восторженных рецензий. Хотя некоторые рецензенты (такие, как Сидни Уипл и Бернс Мейнтл, позднее выпускающий ежегодные списки «лучших пьес года» и постоянно упоминающий в них имя Сарояна) требовали от писателя большей строгости замысла, внятного развития сюжета, интриги и проч.², по мнению других рецензентов, театр оказался даже более сродни таланту Сарояна, нежели проза³. Однако ведущие театральные критики США того времени были единодушны в своих оценках. Так, Брукс Аткинсон, обладавший непререкаемым авторитетом в области театральной критики, заявил, что хотя «фантазмагорическая поэма Сарояна... многим покажется тарабарщиной», однако «ни одна из пьес этого театрального сезона не принесла столько радости, как «В горах мое сердце». <...> Это – образец свободного творчества, вызывающий восхищение и не следующий каким-либо драматургическим образцам. <...> Фантазии этого вида часто населяют царство чистого искусства» [7. Р. 126]. Более того, Аткинсон приводит в своей рецензии выдержки из отзывов благодарных зрителей, считающих, что «Сароян создал чудо поэзии... столь необходимое в эти беспокойные времена». Ему вторит обозреватель “The New York Journal”, писатель и драматург Джон Андерсон, называя пьесу «сюрреалистическим рывком в ваши глубочайшие чувства» [8. Р. 16], а писатель, критик и литературовед Джозеф Крутч⁴, ставший позже автором известных монографий о Торо, По и Сэмюэле Джонсоне, отмечает, что «В горах мое сердце» – «слишком оше-

² Сароян ответил на эти претензии в предисловии к напечатанной версии пьесы: «Многие театральные критики выразили искреннее сожаление, что не смогли понять эту немудреную пьесу. Немало было и таких, кого она вогнала в скуку. ...Себя же он (критик), путем великодушного усилия собственного воображения, не сочтет при этом ни ненормальным, ни тупоголовым. Я бы порекомендовал ему, однако, отдохнуть, развлечься и почитать» [5. С. 7].

³ “He is more naturally at home in the theatre than in fiction” [6. Р. 47].

⁴ В русскоязычных изданиях его часто называют Кратчем, но, как отмечается в энциклопедических статьях о нем, “his last name rhymes with «rooch»,” not “crutch”.

ломительна», и он был среди того «значительного меньшинства, которое наслаждалось пьесой» [9]. Среди этого «значительного меньшинства» были и корифеи театральной критики США Джордж Джин Нейтен – законодатель бродвейской моды⁵, постоянный театральный обозреватель «The American Mercury», писавший также для «The Saturday Review of Literature» и “The Nation” и многих других изданий, и Джон Мейсон Браун, единодушно признавшие «В горах мое сердце» лучшим спектаклем 1938–1939 гг. Браун, бывший штатным театральным критиком “The New York Post”, в рецензии на спектакль отмечал, что «эта пьеса «расширяет горизонты театра» [10. P. 193], театровед Эдмунд Гэйги сравнил пьесу со «средневековой мистерией», а обозреватель “The New York Times Book Review” Роберт Ван Гелдер в предисловии к большому, на всю страницу, интервью с Сарояном называет писателя «великим» [11. P. 12].

Чем был обусловлен этот своеобразный культурный шок? Сам Сароян в предисловии к печатной версии пьесы высказался вполне определенно: «Конечно, с моей стороны дерзко думать, будто великий и настоящий американский театр зародился только после появления и из-за влияния этой пьесы, но, прости Господи, я в это верю»⁶. И эта вера была небезосновательна: творчество серьезных драматургов США находилось под заметным влиянием европейского театра, и именно в тридцатые годы XX века стало остро осознаваться фактическое отсутствие собственно американской драмы. Так, Театральная гильдия (The Theatre Guild), куда входили Хэролд Клермен, Ли Страсберг, Черил Кроуфорд, Стелла Адлер и другие известные театральные деятели США, принципиально отказывалась ограничиваться функцией развлечения публики и объявила о насущной необходимости «хорошей драмы способного американского писателя», а Group Theatre и вовсе декларировал своей целью «спасти американский театр и изменить мир»⁷, поэтому неслучайно, что премьера пер-

⁵ Как сообщается на сайте Британской энциклопедии, “U.S. author, editor, and drama critic, George Jean Nathan (1882–1958) is credited with raising the standards of play producers and playgoers alike”.

⁶ Заметим, что в осуществленном Я. Березническим русском переводе сарояновских пьес авторские предисловия к ним сокращены, так что приводимую цитату можно найти только в оригинале [12. P. 7].

⁷ См. [13, 14, 15].

вой сарояновской пьесы состоялась именно в этом театре: «Сцена развивающегося американского театра жаждала новой драматургии и Сароян... создал выдающиеся пьесы; <...> Сароян открыл американцам Америку» [10. Р. 181]. Сам Сароян в предисловии к одному из переизданий «Пути вашей жизни» заявил о своих пьесах 1939–1943 гг.: «Это была явная декларация недоверия к популярным ценностям культуры, находящейся на грани банкротства: я – здесь, но если вы хотите знать правду, моего сердца здесь нет, мое сердце в горах»⁸.

Уже название пьесы отсылает нас к эпохе Просвещения и предромантизма, к знаменитому одноименному стихотворению Роберта Бернса. Представляется, что связи между творчеством Сарояна и идеями Просвещения, а также ответ на вопрос, почему именно с Бернсом Сароян любил «встречаться и разговаривать», – это предмет отдельного разговора. Знаменательно, что тема утраченных «гор», поиска «места в мире, которое можно назвать своим домом», является одной из доминирующих не только в творчестве Сарояна, но и в целом для всей литературы и культуры XX века, причем поиск этот заведомо обречен на неудачу, так как для Сарояна, как и, в частности, для Т. Вулфа, «домой возврата нет»...

Однако герои первой сарояновской пьесы – люди горные и горние, романтики и фантазеры, верящие в возможность найти эти самые горы, обрести родину – пусть и вне временных и пространственных координат. Хотя в то же время они отдают себе отчет, что человек может «попасть домой» только после смерти:

Джонни. Неужели человек только так может попасть домой?

Отец. Только так.

Главные действующие лица пьесы, наиболее полно выражающие авторскую позицию, – актер Мак-Грегор и поэт Бен Александер. Два горца, два мечтателя, объединенные поисками не утраченного, но никогда и не существовавшего, лишь *воображаемого времени и места*. Вместе с тем создаваемый Сарояном воображаемый мир убедительнее реальности. Играющие на трубе старые шекспировские персонажи появляются в нашей обыденной жизни не так уж и часто, поэтому их появление так чудесно и потому-то так горько, когда это чудо находит объяснение, и человек, чье сердце в горах, оказывается актером, сбежав-

⁸ Цитируется по: [16. Р. 75].

шим из дома престарелых. «Величайший в наше время исполнитель шекспировских ролей», – говорит о нем такой же гений, «самый великий поэт среди непризнанных поэтов» Бен Александер, стихи которого, по определению Сарояна, «прекрасны, ибо прекрасен человек, их написавший». И не случайно, что два таких гения – шотландец и армянин (точь-в-точь как Бернс и Сароян) – не только нашли общий язык, но и общую родину, родину сердца, ибо сердца обоих – в горах.

Еще один герой пьесы – мальчик Джонни. Он начинает и заканчивает пьесу. Как неоднократно отмечали исследователи творчества Сарояна, дети – любимые герои писателя, так что ограничимся лишь цитатой из уже упоминавшегося предисловия к рассматриваемой пьесе: «Детям свойственны свежесть и наполненность чувств, заинтересованность, наивность, живое воображение; они не испорчены и полны веры. У взрослых же чувства по большей части выдохлись, воображение угасло; они утратили веру...». В данном случае Джонни – не только дитя, открывающее для себя «взрослый» мир. При всей своей детской непосредственности и наивности Джонни в чем-то мудрее и уж точно практичнее своего отца. Однако он не только остро чувствует дисгармонию, неправильность мироустройства, но и осознанно выбирает себе путь поэта в этом не самом лучшем из миров, отвергая реальные и конкретные место и время ради времени и места поэтического вымысла.

В определенном смысле пьеса «В горах мое сердце» – история «воспитания» юного героя. Он знает, что «где-то что-то неладно», но его экзистенциальный выбор – быть поэтом, он принимает своеобразную эстафету романтика, ответственного за этот мир. Неслучайно пьеса заканчивается фразой: «Джонни и его семья идут по улице». Под звуки музыки, навстречу новому, неизвестному будущему, на поиски гор, где находится родина сердца человеческого, отправляется не Бен Александер и его семья, а семья Джонни – пусть речь идет о тех же людях, но, думается, выделение именно имени Джонни в начале нового пути в неизвестность символично. До рождения Джонни мир «завоевывал» его отец, в ходе пьесы они пытаются завоевать его вместе, а в финале главным «завоевателем мира» становится мальчик, так много понявший и почувствовавший за это время.

Поэтическая «аранжировка» происходящего, расширение и уточнение художественного пространства пьесы Сарояна не представимо без еще одного «персонажа» – самого автора, точнее его ремарок, играющих огромную роль в создании особого настроения и напрямую связанных с выражением пресловутой романтической иронии. Изменения, своеобразная динамика ремарок, относящихся к одному и тому же персонажу, делают его многомернее, глубже, привносят в пьесу дополнительные элементы игры в игре. Автор восхищается и любит своими героями, но вместе с тем иронизирует, мягко подтрунивает над ними. Диалоги в пьесе выстраиваются не только посредством реплик, но и на уровне ежесекундно меняющихся «образов», обрисованных в ремарках. В коротеньком эпизоде встречи Джонни и Бена Александра с Мак-Грегором Джонни, согласно ремаркам, поочередно то Романтик, то Сама Искренность, то Голос Рока; Бен Александр – Аристократ, Наполеон, а Мак-Грегор – Разочарованность, Творимая история, Реалист, Актер и т.д. Однако Сароян не ограничивается этим нетривиальным определением постоянно меняющихся «образов» своих неизменных по сути персонажей. Герои говорят что-то «ради увеселения самого Господа Бога» или «ради увеселения самих себя», «наслаждаясь тем, что живут», или же «наслаждаясь тем, что еще живут», но неизменно восхищаясь солнцем, жизнью и «легендой человеческого бытия», непоколебимо веря, что несмотря ни на что, вопреки безумию войн и насилия «в мире всегда будут поэты», в глазах которых – «пламя вызова, горечи, упрямства и силы».

Поэтическая «аранжировка» пьесы сопровождается музыкальной. Чистый, высокий звук трубы, исполняемые на ней мелодии обретают здесь символическое, даже сакральное значение. Слушая музыку, второстепенные, иногда даже безымянные герои сарояновской пьесы, названные им с всеохватной лаконичностью «люди», «плачут, преклоняют колена, поют хором и расходятся» или же «благоговейно молчат и чувствуют, что где-то что-то неладно». Звук трубы – безусловно, не архангельской – тем не менее будит в людях самые добрые и высокие чувства, дает им надежду. Как говорит Бен Александр, «люди любят поэзию, только сами не знают об этом», и музыка помогает им «услышать» что-то выходящее за рамки обывательских представлений, что-то, что *уносит их сердца в горы*, пусть даже ненадолго. И хотя Мак-Грегор в начале пьесы,

выступая воплощением Разочарованности, говорит, что «песни – далеко не самое главное, самое главное – хлеб», слова эти неоднократно опровергаются как самим Мак-Грегором, так и всем ходом и смыслом пьесы. Златоголосая труба не замолкает даже после смерти Мак-Грегора, герои по-прежнему слышат ее звук – пусть слабый и далекий, но бессмертный, а потому и конец пьесы, при том, что с точки зрения здравого смысла он достаточно безрадостен, сопровождается той же музыкой, звучащей уже громче, зовущей в путь поэтов – завоевателей мира.

Тема жизненного *пути и времени*, в котором проживается человеческая жизнь, стала главной во второй пьесе Сарояна, написанной в мае того же 1939г. за рекордные 6 дней, – ставшей «классикой современного американского театра» [17. Р. 475] «The Time of Your Life». Практически ни одна книга или сайт, посвященный истории американского театра, не обходится без восхищенного упоминания этой пьесы, «постановка которой в 1939 году была одной из величайших и, уж конечно, наиболее серьезных театральных сенсаций, которые когда-либо знала история американского театра» [5. С. 547].

Пьеса действительно стала сенсацией. История присуждения Сарояну одновременно Пулитцеровской премии и Премии театральных критиков⁹, а также принципиального отказа от первой из них широко известна, однако нас интересует «сенсационность» иного рода. Цитировавшееся выше мнение Сарояна о том, что с него начинается новый американский театр, и убежденность в собственной «адамической» – как ее называет Н. Балакян – функции первопроходца не могли не эпатировать театральную критику и настроить ее заведомо на скептический лад, так что успех «Пути вашей жизни» дорогого стоил.

В русском переводе пьеса названа «Путь вашей жизни», между тем Сароян выделял в ее названии именно *тему времени* – «The Time of Your Life», хотя времени, понимаемого опять-таки не кон-

⁹ Более того, в опубликованном 6 января 1940г. списке лиц, включенных за выдающуюся деятельность в «Национальный круг чести» – “The Nation’s Honor Roll for 1939” – наряду с общественными деятелями, политиками и учеными были и три писателя: Стейнбек за «Гроздь гнева», Карл Сэндберг за фундаментальное исследование о Линкольне, и Сароян – «за написание восхитительной сценической фантазии» «Путь вашей жизни». Позже Сароян напишет Сэндбергу одно из замечательных писем с улицы Тейбу. [18. Р. 125].

кретно исторически, что проговаривается уже в предисловии к пьесе: «Путь вашей жизни пройдите так, чтобы жить – чтоб на этом прекрасном пути ни к вам, ни к кому-либо, с кем вы на нем столкнетесь, не прикоснулись ни грязь, ни смерть. Ищите везде добро... Оберегайте и растите даже самые мельчайшие крупички человечности... Путь вашей жизни пройдите так, чтобы жить – чтоб на этом чудесном пути не увеличивать страдания и горести мира, но улыбкой приветствовать его безграничную радость и тайну» [5. С. 60].

Это предисловие стало своеобразным «категорическим императивом» Сарояна, его проповедью и символом веры, причем сам писатель утверждал: «My church is the whole blooming universe...» [19, р. 50]. Впоследствии Фредерик Карпинтер, в целом достаточно скептически относившийся к творчеству Сарояна и называвший его пьесы «аморфными», вынужден был признать страничное предисловие к «Пути вашей жизни» «действительно первоклассной вещью» [20. Р. 178]. Но «первоклассным» в этой пьесе было не только вступление.

Брукс Аткинсон в рецензии на «The Time of Your Life» вспоминает, что перед премьерой своей первой пьесы Сароян разослал телеграммы всем ведущим театральным критикам с кратким, но ошеломляющим текстом: «Поздравляю! Я написал великую пьесу» [21. Р. 29]. Но для Аткинсона ошеломительно в первую очередь не поведение «необузданного армянина», а его творчество. По словам критика, Сароян – «взрывная комета» на небосклоне американской театральной жизни: «Действительно ли его пьесы бессмертны, волнует нас в настоящий момент меньше всего. Факт в том, что Сароян обладает необыкновенным даром писать о людях, и «Путь вашей жизни» – оригинальная свежая и глубоко эмоциональная пьеса... столь же непосредственная, как импровизация. <...> Главное, что необходимо признать, – совершенство его работы. На сегодня это самая свежайшая вещь в театре» [21. Р. 129].

Даже Эдмунд Уилсон, причислявший Сарояна к «парням из задней комнаты», оценил способность Сарояна «брать вас с собой в бар и создать для вас мир ... полный дружелюбия, пьяного восторга и нежной сентиментальности», его дар «опьянять без использования алкоголя, лишь посредством искусства» [22. Р. 26]. А неутомимый Дж. Крутч говорил о том удовольствии, с которым «каждый принимает населенную эксцентриками безумную вселенную Сарояна» [23].

В 1946 г. известная писательница Мери Маккарти в критической рецензии, посвященной О'Нилу, поместит Сарояна в ряд виртуозов американской сцены [24. Р. 54], но в начале 40-го года она подчеркивает именно беспрецедентность Сарояна и говорит о нем как о «естественном человеке», оказавшемся в бродвейском водовороте и сумевшем сохранить «невинность». В объемной рецензии с красноречивым названием “Saroyan, an Innocent on Broadway” [24. РР. 46–53] Маккарти пишет о незахваченности Сарояна «литературным рэкетом» и о его удивительной способности «смотреть на мир глазами восприимчивого и впечатлительного мальчишки-рассыльного и видеть его вечно новым и удивительным, вглядываться в него, как в нечто чудесное». По мнению же современного сарояноведа Девида Кэлонна, эта пьеса не просто не имела precedентов, но и сама стала толчком для дальнейшего развития театра: «Лучшая пьеса Сарояна – «Путь вашей жизни» – представляет собой попытку перевести в драматургические формы его видение мучительной комедии жизни. Она была написана в 1939 году и предвосхищает театр абсурда, описывая путаницу и парадоксы современного мира» [16. Р. 84].

Что за «эффекты» определили феноменальный успех «Пути вашей жизни»? Прежде всего, именно отсутствие внешних эффектов: «Путь вашей жизни» разыгрывается по законам джазовой импровизации (или, говоря словами Уилсона, «спонтанной песни»), воспроизводя на сцене «настоящую жизнь», во всем ее многообразии. Драматургической доминантой становится принципиальная хаотичность сценического повествования, объединенного, однако, пульсом, ритмом основных мотивов, скрепляющих, организуящих это повествование в единое целое. Выбрав местом действия бар Ника, куда заглядывает кто угодно – от проституток и полицейских до джентльменов и бродяг – Сароян создает целую эскизную галерею человеческих судеб¹⁰, при этом «осколочные фрагменты» биографий героев пьесы образуют своеобразный коллаж, фреску, во всей полноте отражающую дух времени и его содержание. При этом историческое, реальное время скорее угадывается, нежели обозначается, опять-таки «сдавшись» поэтиче-

¹⁰ Как заметил современный театровед Арам Куюнджян, «Saroyan crafts a gorgeous mosaic of humanity flowing through the saloon, which makes “The Time of Your Life” more of a lovely mood piece – funny, heartbreaking, and redemptive – rather than a strictly plot-driven narrative» [25].

ской факции, игры, которая для него не просто важнее реальности, но сама определяет и в чем-то предопределяет реальность.

В своей статье “The Two Theaters” [26. Р. 209] Сароян говорит об отсутствии «игры» в американском театре, о необходимости представлять на сцене неупорядоченную жизнь, мгновения жизни в их кажущейся бессвязности и вместе с тем в глубоких переключках и контрастах, высвечивающих смысл бытия – все то, что собственно и определяет природу сарояновского театра.

Между тем, Дж. Крутч в свое время заметил, что «не самые горячие поклонники драматурга Уильяма Сарояна любят настаивать, что, независимо от того, что он, возможно, талантлив, он не знает, как писать пьесы. Всем известно, и критики имеют в виду именно это, что обычно у пьес достаточно жесткая структура, в то время как Сароян, вслед за романтиками, склонен к фрагментарности и бесформенности. Но плотность формы – не единственная и даже не наиболее важная из характеристик, отличающих хорошие пьесы от плохих» [27]. Сароян предложил собственные драматургические «характеристики». Как отмечает современный театровед Кристин Сэмшен, Сароян создал в драматургии собственный стиль: «чистый, ясный, спонтанный, с отчетливо американским ритмом и широким охватом американской культуры» [28].

Темп у Сарояна действительно впечатляющий. Всего за три года (1939–1942) Сароян создал более двадцати пьес, среди которых “The Great American Goof”, “Opera, Opera», “Radio Play”, “Love's Old Sweet Song”, “The Ping Pong Players”, “A Special Announcement”, “The Beautiful People”, “The Hungerers”, “Across The Board On Tomorrow Morning”, “Talking To You», “Hello Out There”, “Coming Through The Rye”, “Elmer An Lily”, “Sweeney in the Trees” и другие. Однако, несмотря на минимальный срок, отделяющий пьесы друг от друга и при бесспорной узнаваемости сарояновского голоса в каждой из них, писателю удалось представить удивительное разнообразие драматургических форм и ходов, и создать – при всей условности жанровых определений в отношении сарояновской драматургии – и притчи (“The Hungerers”), и «сюрреалистические эксперименты» (“Sweeney in the Trees?”), и «пьесы-репортажи» (“Hello Out There”), обозначить эстетику театра абсурда (“Elmer An Lily”), возможности развития американского балета (“The Great American Goof”, “Bad Men in the Wes”) и т.д., не случайно тот же Джордж Нейтен – в свое время задавший вопрос,

подхваченный всеми недоброжелателями Сарояна (Is Saroyan crazy?) [29] – считал, что по оригинальности замыслов Сароян сопоставим «с дюжиной других драматургов» [10. Р. 281]. Нона Балакян назвала соотнесенность драматургии Сарояна с его временем «радикальным общением» и объединила ранние пьесы Сарояна в «театр поэтического опыта», ставший «отправным пунктом для дальнейших экспериментов» [10. Р. 256].

Между тем, сам Сароян настаивал на том, что его пьесы, как и театр вообще, представляют собой именно видение *современности*.

Одним из таких видений можно считать и пьесу, написанную Сарояном все в том же 1939г., – «Голодные» (“The Hungerers”). Дата написания пьесы проговорена нами неслучайно: тридцатые годы прошлого века знаменуют собой эпоху Великой депрессии, когда глубокий экономический кризис в США, с одной стороны, буквально лишал людей куска хлеба, а с другой – вызвал настоящий расцвет зрелищ, развлекательных шоу, призванных если не утолить голод, то, по крайней мере, отвлечь от него. Впрочем, в те же тридцатые в США сформировалась целая школа так называемой «социальной драмы», посредством «зрелища» остро и жестко ставящая тему «хлеба»¹¹.

Примечательно, что А. Зверев дает как раз такую, как нам кажется, неоправданно суженную трактовку рассматриваемой нами пьесы «Голодные», сводя ее все к той же социально-политической, ситуационной детерминированности: «В тогдашней жизни голод был слишком заурядным фактом. Требовалось лишь чуточку заострить ситуации, почерпнутые из повседневности, чтобы выступило в них нечто важное, имеющее отношение к сущности эпохи» [30. С. 166].

Любопытна параллель с совершенно иной оценкой поэтики Сарояна Дж. Крутчем: «Интересно, указывалось ли когда-либо,

¹¹ Подробнее об этом см., в частности, Malcolm Cowley. *Think Back on US: A Contemporary Chronicle of the 1930s*. Southern Illinois University Press, 1967; Kathryn VanSpanckeren. *Outline of American Literature*. New York, Published by the United States Department of State, 1994; Alfred Kazin. *Starting Out in the Thirties*, Atlantic, Little, Brown and Co, 1962; Edmund Gagey. *Revolution in American Drama*. New York, Books for Library Press, 1947; Barret Clark, George Freekley. *A History of Modern Drama*, New York, 1947; Glenn Hughes. *A History of the American Theatre 1700-1950*, New York, 1957; Joseph Wood Krutch. *American Drama since 1918*, New York, Braziller, 1957; Gerald Weales. *American Drama since World War II*, New York, Harcourt, Brace and World, 1962 и т.д.

что... свойственная Сарояну тенденция указывать максимально неопределенное географическое или другое местоположение своих пьес, стремление поместить своих героев в своего рода пустоте является сознательно или подсознательно частью его протеста против степени, в которой большинство его современников интересуется “обществом”» [27].

Нам же представляется, что Сароян не был бы Сарояном, если бы довольствовался одним из проторенных путей: и в своей прозе, и в своей драматургии он ни в коей мере не игнорирует тему голода и хлеба насущного, но куда как далек от какой-либо социально-политической ангажированности. Взамен он предлагает нечто принципиально иное – используя особые средства художественной выразительности, широко и раскованно экспериментируя с театральными формами, он создает новый тип *притчевого* зрелища и соответствующую этой притчевости театральную форму.

Заметим, что Сароян первым в американской драматургии использовал тип «поэтического эксперимента, когда жизнь как она есть и жизнь, преображенная воображением, встречаются в одном произведении» [31]. Оговаривая в предисловии к пьесе «Голодные» время действия («Все описанное произошло, вероятно, в 1937 году. А может быть, и в 1938-м») и отмечая с предельной точностью дату написания предисловия («Сейчас, конечно, 1939 год. Октябрь. Точнее, 27 октября»), Сароян тут же провокативно «раздвигает» хронологические границы: «Но время здесь ни при чем. Годы не имеют никакого значения» [5. С. 174]. Такая же провокация поджидает нас и при попытке определить место действия: на первый взгляд, это Нью-Йорк, называемый в начальных ремарках пьесы, но одновременно он выступает в пьесе неким фантазмагорическим *неместом*: «Нью-Йорк очень далеко, даже когда ты находишься в нем»¹². Мало того, в уже упоминавшемся предисловии к «Голодным» сам Сароян назвал эту пьесу «американской притчей», но вместе с тем историей, «которая не может произойти где-либо еще, кроме человеческого сердца» [32. Р. 317]. Таким образом, говоря о пространственно-временной организации пьесы «Голодные», мы сталкиваемся с выраженной амбивалентностью этой организации: в пьесе достаточно очевидны и узнаваемая конкретика времени и места, и «сгущенный символический колорит», характерный для жанра притчи.

¹² Здесь и далее русский текст пьесы цитируется по [5].

Не меньшая неоднозначность заложена Сарояном и во внешне простой сюжет этой притчи: на улице дождь, в комнате писателя – разумеется, величайшего и, разумеется, не публикуемого – поочередно появляются укрывающиеся от дождя «молодой капиталист», девушка, старуха, практически лишенные выраженных индивидуальных характеристик. Все голодны. Голодны настолько, что, когда не удастся продать пишущую машинку писателя, все действующие лица, включая рабочего сцены, умирают. Потом «комментируют» свою и чужую смерть и умирают снова, чтобы вновь попытаться воскреснуть.

Персонажи сарояновской пьесы лишены не только имен, но и характеров в привычном понимании слова: Сароян находит «новую энергию для движения драмы взамен иллюзии развивающихся характеров и естественно текущей жизни», и здесь можно увидеть вольную или невольную переключку с брехтовским театром. Более того, игнорируя сложившиеся уже в XX веке театральные традиции, Сароян посягает и на почти канонизированное к тому времени понятие «четвертой стены», когда, по словам К.С. Станиславского, «актер, находящийся на сцене, словно не принимая во внимание присутствие зрителя, должен перестать играть и начать жить жизнью пьесы, становясь ее действующим лицом», а зал, в свою очередь, должен поверить в эту иллюзию правдоподобия. Сароян сметает не только пресловутую «четвертую стену», но и три оставшиеся: по ходу действия, с появлением каждого нового персонажа в комнате писателя рабочий сцены одну за другой убирает стены комнаты, «раздвигая» сценическое пространство вовне, делая его практически неограниченным.

Стремясь показать «живых, умирающих на каждом шагу», Сароян не дает никаких объяснений тому, почему в комнате писателя вообще оказываются эти люди, каким образом они умирают и оказываются при этом живыми-в-смерти. И в этом плане нельзя не заметить переключку сарояновского театра с эстетикой абсурда, справедливости ради оговорив, что Сароян ее несколько предвосхитил во времени¹³.

¹³ Далеко не случайно ведущий современный американский сарояновед Тигран Куумджян заявляет, что в «50–60 гг. европейские драматурги начали использовать сюрреалистическую, экзистенциальную и абсурдистскую технику, подобную той, которую Сароян использовал за два десятилетия до них» [33, р. 3]. См. также: [16, р. 84; 34, р. 29].

Абсурдной (и абсурдистской) может показаться и мотивация поступков действующих лиц, совершающих самые алогичные поступки. Однако вопреки ауре иррациональности, Сароян даже ожидание неминуемой смерти описывает, утверждая возможности человеческого духа, и здесь его принципиальное отличие от эстетики абсурда. Сароян показывает, что то, что кажется нереальным, – следствие человеческого бытия, изображенного средствами абсурда¹⁴, но само человеческое бытие для него полно высокого смысла. Используя методы, приемы эстетики абсурда, он наполняет их безошибочно узнаваемым, сарояновским содержанием. Герои его пьесы встречаются, как в сказке, где «можно сразу и навсегда полюбить кого-то и немедленно признаться в этом чувстве, и где печаль об утраченной любви никогда не забывается» [25]. Они находят высшую красоту и гармонию в прибрежной гальке или грозди винограда, обретают смысл бытия в любви и приятии жизни и смерти и, уже умерев, делятся мечтами «оказаться в Нью-Йорке до смерти», одновременно понимая и несбыточность мечты (как несбыточна мечта чеховских героинь переехать в Москву) и, если можно так выразиться, *несбыточность* Нью-Йорка, его осязаемую *смертность*. В самом конце пьесы на сцене никого нет, и в полной темноте слышен только голос мертвого писателя, рассказывающего мертвой возлюбленной про Нью-Йорк: «Он огромен, он больше, чем что-либо на свете, даже когда вглядываешься в него. И, кроме того, это самое угрюмое, самое безжизненное место на свете. Зимой весь город покрыт снегом. И все умирают точно так же, как и летом» [5. С. 191].

Однако вопреки этому всеобщему умиранию пьеса не оставляет впечатления безнадежности или обреченности. Писатель сам дает исчерпывающее объяснение своей «очень тихой» пьесе, полной драматизма и одновременно лишенной «нервозности, восклицаний, метаний и неразберихи»: «Голод таких голодных – это не просто голод по куску хлеба... это жажда бессмертия. Того бессмертия, которое наступает... когда они познают любовь и не

¹⁴ Заметим, что автор замечательного предисловия к русскому изданию пьес Сарояна переводчик Ян Березницкий считал проведение аналогии между сарояновской драматургией и театром абсурда «рискованным»: «при всей новизне и необычности формы <...> Сароян всегда остается верен таким старомодным, с точки зрения некоторых из абсурдистов, понятиям, как «человечность», «оптимизм», «надежда». [5, с. 549].

ведают страха, даже страха смерти, когда они убеждаются, что любовь сильнее смерти» [5. С. 175].

Игнорируя внешнее правдоподобие, пресловутую «тьму низких истин», и используя созвучную брехтовской манере *эстетику очуждения*, т.е. своеобразный «прорыв за объективную видимость к подлинным, лишь намечающимся, лишь угадываемым в сегодняшнем дне законам», Сароян – представляя на сцене неупорядоченную жизнь, мгновения жизни в их кажущейся бессвященности и вместе с тем в глубоких переключках и контрастах, высвечивающих смысл бытия – вводит нас в особый мир *не этического, но поэтического театра*, где все возможно и все скреплено воедино именно магией поэтического понимания и приятия действительности.

«О чем собираюсь я поведать людям? ...Я прибегну к волшебной магии искренности – этой роскоши, которую позволяют себе лишь короли да поэты. Я собираюсь восславить духовные силы в их безграничной противоположности механическим силам и механической философии нашего времени. Мне нужно найти утешение для исполненных мужества страстотерпцев, которые не видят конца своим страданиям, пробудив чувство глубокого оптимизма, дремлющее в груди каждого человека» [35. С. 448] – под этими словами замечательного американского философа Ральфа Уолдо Эмерсона, оказавшего огромное влияние на формирование культуры США, вполне мог подписаться и Сароян.

Еще один отклик на современность – “Hello Out There”. Она была написана в августе 1941 г., а уже в сентябре состоялась ее премьера в Lobero Theatre, в Санта-Барбаре. «Маленький шедевр» [5. С. 551], «одна из лучших пьес Сарояна» [16. Р. 164], «классика, признаваемая даже отрицательно настроенными критиками» [17. Р. 472], – современные литературоведы проявляют редкое единодушие в оценке этой пьесы. Но и в 1942 г. ее смогли оценить по достоинству. Уолкот Гиббс из “The New Yorker Magazine” назвал ее «компактной, рациональной и исключительно трогательной» [36. Р. 30], Брукс Аткинсон заявил, что это было «лирическое представление, вызывающее огромный восторг». Джордж Нейтен, насмешничая по обыкновению над игрой актеров и декорациями, о самой пьесе отозвался с восхищением: «Это маленькая драма, с замечательной силой... написанная с прямоотой, до сих пор не ассоциирующейся с ее автором, это образец сильного эффекта и вместе

с тем пьеса, которая гораздо красноречивее полдюжины многословных попыток на эту же тему» [37].

Примечательно, что трагическая пьеса, написанная «без полутонов», с моментально опознаваемым временем действия («время... опознается здесь сразу, оно входит в спектакль вместе с персонажами, заполняя весь сценический рассказ» [30. С. 162]), с «почти репортажной точностью» подчеркивающая «социальное значение разыгрывающихся событий», воспринимается Крутчем как *антисоциальная драма*. По его словам, «социальное сознание героев пьесы настолько невелико, что внешний мир для них едва реален, а общество, вместо того, чтобы быть наиболее хорошо известной и знакомой им вещью, является лишь чем-то, что проявляет себя в данный момент и разрушает их стремление к осмысленной жизни, приносящей удовлетворение» [27]. Если для американца А. Зверева то, что герой «колесит с места на места, только бы переломить невезение» – узнаваемая примета времени, то для американца Крутча бродяжничество, бездомность Сарояновских героев – особенность поэтики писателя: «Сароян вообще изображает своих героев бродягами, чтобы освободить их от любой связи с обществом, и затем, подобно сильному интроверту, показать их внутреннее возрождение, основанное на свойствах их собственной индивидуальности». Представляется однако, что в данной пьесе достаточно очевидны оба пласта: и узнаваемая конкретика времени и места, и «сгущенный символический колорит».

Практически вся пьеса состоит из диалога Парня и Девушки, перерастающего в «любовную сцену», но любовь героев странным образом обезличена. По ходу пьесы выясняется, что Девушку зовут Эмили Смит, Парень намерен звать ее Кейти («Ты первая девушка, которую я могу назвать Кейти» [5. С. 201]), но это никак не отражается на авторских ремарках – герои все равно остаются Парнем и Девушкой, и их желание любить – скорее отражение страха и гнетущего одиночества (в тюрьме ли, в техасском ли городке Матадор, во всем мире – конкретное место неважно), нежели страсти, попытка выстроить для себя некую иллюзию возможности счастья. Однако «утопия взрывается реальностью»¹⁵, Парень гибнет, и теперь уже Девушка безнадежно кричит в застенке: «Эй, кто-нибудь».

¹⁵ Выражение Я. Березницкого, использованное при анализе «Пути вашей жизни».

В “Hello Out There” с несвойственной для ранних пьес Сарояна однозначностью и резкостью противопоставлены добро и зло. И зла так много, мир так страшен, что герои отчаянно ищут если не диогеновского человека, то хоть «кого-нибудь». Даже притом, что Девушка откликнулась на отчаянные, безнадежные крики Парня, а он – на ее невыкрикнутую тоску («ты больше не одна, слышишь!»), здесь нарушено «хрупкое равновесие между отчаянием и надеждой». Значительно позже Уильям Фишер отмечает, что «пьесы и романы Сарояна становятся странным полем битвы между верой и скептицизмом» [38. Р. 336], но для «раннего» сарояновского театра трагический финал пьесы, отсутствие в ней даже тени юмора, делают ее беспрецедентно мрачной. В 1942 г. Уит Барнет предпринял издание сборника “This is My Best” [39], в котором «93 величайших ныне живущих американских писателей» представляли свои лучшие произведения. Сароян считал таковым “Hello Out There”.

Сароян, используя детали именно американского обихода и обрисовывая, пусть гротескно, узнаваемые реалии конкретной эпохи, дает свою, метаисторическую, даже архетипическую канву разрешения конфликта между диктатом эпохи и требованиями человечности. Бесприютности мира, его катастрофичности («мы попали в беду, мы все попали в беду») он противопоставляет столь важную для него тему семьи, дома.

Сароян постоянно ощущает свою принадлежность к племени нонконформистов, изгнанников, беженцев, осколков некогда могучих цивилизаций, «древняя сторона» которых мешает им приспособиться к новой жизни. Как художник, Сароян создает мир, в котором не чувствует себя таким бездомным, таким «исключительным». Грубой, хаотичной правде реальности противопоставляется поэтическая истина, благородство и гармония, что позволяет создавать приемлемую для существования нишу, пусть даже утопичную или идеализированную.

Уже в сороковом наряде с пьесами “The Beautiful People” и “Sweeney in the Trees” представит еще одну пьесу, которая абсолютно не укладывалась в «реалистический формат» и существенная взаимосвязь художественно освоенных «временных и пространственных отношений» [40, с. 234] был для того времени шокирующе своеобразен – “Across the Board on Tomorrow Morning”. Понимание экспериментаторской “Across the Board on

Tomorrow Morning”¹⁶ пришло не сразу: «Моему брату Генри пьеса понравилась, но большинству критиков – нет» [19. Р. 107]. Сароян называет свою пьесу «грустным произведением искусства», «грустным не потому, что пьеса плохо написана, а потому что такова нынешняя реальность». Эта оценка «нынешней реальности» повторяется и в пьесе, один из главных персонажей которой заявляет, что «это не тот год, когда следует родиться, и не тот мир, в котором стоит это делать» [19. Р. 128].

Место действия пьесы – нью-йоркский бар, список действующих лиц традиционно представлен вначале. Хотя в данном случае определение перечня персонажей, времени и места действия несколько неправомерно. При том, что само сценическое пространство априори существенно новый – по сравнению с эпическими жанрами – хронотоп, в изначально нацеленной на «расширение сценического пространства» пьесе имеет место и вовсе уникальная трансформация хронотопа. Категории времени и места играют здесь особую роль, поскольку с самого начала пьесы заявляется, что время действия – «это не тот год, когда следует родиться», а место действия – «не тот мир, в котором стоит это делать». Однако столь широкие хронотопические рамки (мир-год) сводятся к характерному для Сарояна замкнутому локусу бара, впрочем, совмещающего в себе сразу несколько хронотопических типов: хронотопа гостиной-салона, где создаются завязки, часто совершаются и развязки, происходят диалоги, приобретающие исключительное значение в раскрытии характеров и идей героев; хронотопа дороги как места случайных встреч, где пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути самых разных людей; хронотопа порога, заявленного в самом названии пьесы и в сюжетном ходе наступившего и затем «отмененного» «конца света». Более того, за счет того, что пьеса в определенном смысле «интерактивна», в ней участвует и зрительская аудитория, «вводимая» драматургом непосредственно в ход действия (по ходу пьесы к аудитории не раз обращаются напрямую, в том числе объявляя всех сидящих в зале умершими), – за счет этой интерактивности происходит

¹⁶ В названии игра слов, переключаясь с содержанием пьесы и затрудняющая его перевод: с одной стороны, речь идет о предстоящих скачках с участием лошади Tomorrow Morning (завтрашнее утро), с другой – об объявленном в «завтрашних» утренних газетах конце света.

множественное «наложение хронотопов»: пространственно-временная организация сюжета не только включает в себя «хронотоп реальности» (зрительский зал во время конкретного представления), но и подразумевает взаимообратимость составных частей классической дихотомии «мир-театр» и «реальность-иллюзорность». При очевидных параллелях со «сценической фантазией» «Путь вашей жизни» “Across the Board on Tomorrow Morning” подчеркнуто сюрреалистична: «Я – иллюзия официанта в Нью-Йорке, <...> каждый из вас – иллюзия человека, со своим именем, прошлым... вне этого ресторана – иллюзия мира. Здесь, в ресторане, иллюзия нашей реальности» [19. Р. 131].

То есть имеет место еще и «виртуализация» времени и пространства, позволяющая Сарояну объявить «во всех завтрашних газетах» о том, что «мира больше нет»: единственная реальность – помещение бара. Однако для большинства персонажей мало что меняется: за исключением Гарри Мэлори, все остальные персонажи практически одинаково «живы-в-смерти» и «мертвы-в-жизни». К концу пьесы апокалипсис отменяется, его объявляют временным «оптическим эффектом», после чего родившийся непосредственно во время пьесы и успевший повзрослеть «не по дням, а по часам» юноша идет домой, чтобы стать новорожденным, таксист Фриц радуется тому, что снова появились улицы и люди, бармен Джим вновь думает о завтрашних скачках и т.д. – мир возвращается на круги своя. А Сароян, сжимая хронотоп пьесы до «минусового» времени и пространства, затем снова разворачивает пространственно-временную спираль во всеобъемлющий хронотоп мира и вечности, зависающий на точке «хрупкого равновесия отчаяния и надежды» [19. Р. 131].

Эта пьеса в чем-то предвосхитила многие драматургические и кинематографические инновации, но оказалась трудна для понимания современников, чему Сароян просто отказывался верить: «Я не верю, что они искренни. Мне кажется, они шутят» [19. Р. 109].

Однако Сароян явно переоценивал чувство юмора своих критиков. Дж. Натан опубликовал в “American Mercury” [41. РР. 303–308] уничижительную рецензию “Saroyan: Whirling Dervish of Fresno”, где реагировал не только на “Across the Board on Tomorrow Morning”, но сразу на ряд пьес, к тому времени поставленных Сарояном на сцене своего театра в Беласко: «Уильям Са-

роян <...> постоянно рекламирует себя как протейского артиста, и его величайшее достижение состоит в поминутном высказывании позади экрана. <...> однако при всей его резвости и впечатляющих акробатических трюках он всегда представляет один и тот же персонаж».

Впоследствии Теннесси Уильямс, в свое время восторгавшийся Сарояном, почти дословно повторит вердикт Натана: «...беда пьес Сарояна в том, что каждый из его персонажей – Сароян», однако сам Сароян ответит через много лет: «Я не боюсь обвинения в том, что населяю свои пьесы только самим собой. Я просто не знаю, кем их еще населять» [5. С. 476]. Любопытно, однако, другое. Пройдет почти полных два года после публикации «Дервиша из Фресно», и выпускник Корнуэльского университета, высокоэрудированный театровед Натан оценит разгромленную им пьесу: «Ни одна новая пьеса, поставленная в профессиональных театрах Нью-Йорка, не отмечена фантазией или хоть сколько-нибудь пьянящим содержанием. Только в сарояновской 55-минутной пьесе «Across the Board on Tomorrow Morning» <...> можно обнаружить какое-то не наигранное вдохновляющее упоение» [42].

В другой рецензии, ругая продукцию Бродвея, он вновь повторит: «И драмы и мюзиклы, которые я видел, в большинстве своем были нулями. Может быть, одна из 40 или 50 попыток, что-то вроде сарояновской “Across the Board on Tomorrow Morning”, представляет собой что-то, о чем можно написать» [43. P. 233].

Фактически, в “Across the Board on Tomorrow Morning” происходит своеобразная трансформация хронотопа: от классического для американского искусства локуса бара к пороговому хронотопу конца света, апокалипсиса, когда мир и бар совпадают в пространстве – одновременно расширяющимся и сужающимся за счет введения в действие пьесы зрительного зала и его массового «умерщвления» – до нового разворачивания пространственно-временной спирали во всеобъемлющий хронотоп мира и вечности.

Буквально через полтора года после этой пьесы будет выстроена драматургия сценария «Человеческой комедии», уже в послевоенные годы театр Сарояна обогатится новыми красками, разговор о которых требует отдельного обстоятельного исследования, но даже говоря об особенностях категорий времени и пространства в ранних пьесах Сарояна, мы видим, что писатель, используя реалии конкретной эпохи, дает свою, метаисторическую, даже архе-

типическую канву разрешения конфликта между диктатом времени и требованиями человечности. Катастрофичности он противопоставляет эстетику поэтического театра, низким истинам – «возвышенный обман», со своими особыми категориями времени и пространства – неповторимым сарояновским хронотопом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цымбурский В.* Метаистория и теория трагедии, <http://www.russ.ru/pole/Metaistoriya-i-teoriya-tragedii>.
2. *Kathryn Van Spanckeren.* Outline of American Literature, Published by the United States Department of State, 1994.
3. The Cambridge Guide to American Theatre, Cambridge University Press, 1996.
4. *Howard R. Floan.* William Saroyan. Manhattan College, Twayne Publishers, Inc. New York, 1966/ P. 155.
5. *Сароян У.* Пьесы, М., 1966.
6. *Mary McCarthy,* Saroyan, an Innocent on Broadway// Sights and Spectacles (1937–1956), New York, 1956.
7. Brooks Atkinson, Broadway Scrapbook, Theatre Arts, New York, 1947.
8. *John Anderson.* «My Heart's in the Highlands' Presented at the Guild», New York Journal, 14 Apr. 1939. P. 16.
9. *Joseph Wood Krutch.* The Nation, Volume 149, 4 November, 1939.
10. *Nona Balakian.* The World of William Saroyan, London: Associated University Presses, 1998.
11. *Robert Van Gelber.* The New York Times Book Review, 24 March, 1940, p. 12.
12. *Saroyan W.* My Heart's In The Highlands // Three Plays, New York, Hartcourt, Brace, 1940, p. 7.
13. *Bigsby C.W.* A critical Introduction to Twentieth-Century American Drama, New York, Cambridge University Press, 1984.
14. The Cambridge Guide to American Theatre, Cambridge University Press, 1996.
15. *Gagey E.* Revolution in American Drama, New York, Books for Library Press, 1947.
16. *Calonne D.* William Saroyan. My Real Work Is Being. The University of North Carolina Press, 1983.

17. *Gerald W. Haslam*, *The Western Story // A Literary History of the American West*, Sonoma State University, 1984.
18. *Saroyan W.* *Letters from 74 rue Taitbout*, New York, 1969.
19. *Saroyan W.* *The Beautiful People // Three plays*, Faber and Faber, London, p. 50.
20. *Frederic I. Carpenter*, *American Literature and the Dream*, NY, Freeport, 1968. P. 178.
21. *Brooks Atkinson*, *Broadway Scrapbook*, Theatre Arts, New York, 1947.
22. *Wilson E.* *The Boys in the Back Room*. The Colt Press, San Francisco, 1941.
23. *Joseph Wood Krutch*. *The Nation*, N149, 4 November, 1939.
24. *Mary McCarthy*. *Sights and Spectacles 1937 – 1956*. Farrar, Straus and Cudany, New York, 1956.
25. *Kouyoumdjian A.* *Shifting Moods Mark “Time”*, Critics’ Forum, 2006, www.electroasylum.com/saroyan/saroyanfoundation.org
26. *Saroyan W.* *The Two Theaters // The Time of Your Life*, New York, Bantam, 1967, p. 209.
27. *Joseph Wood Krutch*. *Play and No Play*, *The Nation*, Volume 155 10 October, 1942.
28. *Sumption Ch.* *A Daring Young Man // Bagley Wright Theatre*, February 12 – March 6, 2004.
29. *Bernard Levin*. *Papa you're just crazy*, *Daily Mail*, 5 October, 1962.
30. *Зверев А.* Грустный солнечный мир Сарояна, Ер., 1982, С. 166.
31. *Northrop Frye*. *The Art of Literature and Common Sense // Lectures on Literature*, Harvard University Press, 1980.
32. *Saroyan W.* *The Hungerers // Razzle-Dazzle*, New York, Harcourt, Brace and Company, 1942, p. 317.
33. *Kouymjian D.* *Introduction to William Saroyan, An Armenian Trilogy*.
34. *Michael Benedikt*. *Theatre Experiment: An Anthology of American Plays*. New York, Doubleday, 1967.
35. *Парингтон Р.* Основные течения американской мысли, М., 1963, Т. 2. С. 448.
36. *Wolcott Gibbs*. *The New Yorker Magazine*, XVIII, 10 October, 1942, p. 30.
37. *George Jean Nathan*. *Inside Play Production*, *The American Mercury*, May, 1942.

38. *Fisher W.* What Ever Happened to Saroyan? College English, March, 1955, p. 336.
39. *This is My Best*, New York, The Dial Press, 1942.
40. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М, 1975.
41. *George Jean Nathan.* Saroyan: Whirling Dervish of Fresno/ American Mercury. November, 1940. PP. 303–308.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

А.К. Егиазарян

Над вымыслом слезами обольюсь...
А.С. Пушкин

1.

Вымысел, в некотором смысле, неизбежный и необходимый элемент человеческой речи. Если человек о чем-то сообщает или рассказывает, он неизбежно в той или иной мере обращается к своему воображению. Это связано с двумя обстоятельствами. Первое – объективную действительность невозможно перенести в речь так, как она есть. Для того чтобы эту действительность отразить в речи, необходимы некоторые операции. Предметы действительности входят в бесконечные связи, сцепления, которые человеческий взгляд не может полностью охватить. Неизбежен выбор, отбрасывание многих элементов действительности. Образовавшиеся пустоты и отрезанные связи говорящий должен заполнить сам, силою своего воображения. Второе обстоятельство, дополняющее первое – неизбежная субъективность человеческого взгляда. Общеизвестно, что каждый человек видит окружающий мир по-своему, у каждого человека – своя картина мира. Именно эту картину он воссоздает в своей речи. Здесь необходимо подчеркнуть слово «воссоздает». Это и значит, что человек не просто переносит объективную действительность в свою речь или не просто копирует ее, «списывает», а создает ее картину, согласно своим способностям и личностным особенностям.

Но это обстоятельство не воспринимается нами как вымысел, потому что говорящий не «сочиняет», он вполне «объективно» передает то, что видит. Это – неосознанный вымысел, без которого человеческая речь не может отразить действительность. В некоторых видах речи этот вымысел по возможности вытесняется, как, скажем, в научной речи и в официальных документах. В других видах речи он играет большую роль. Например, в бытовых разговорах,

в публицистических выступлениях говорящий не только не отбрасывает, но иногда подчеркивает свое личное отношение к фактам, о которых он говорит. Это накладывает существенный отпечаток на то, о чем он говорит. Это происходит со всеми нами все время, поэтому мы это не связываем с вымыслом. Но человек очень любит рассказывать, он склонен доказывать свою правоту примерами, которые выливаются в небольшие, а иногда достаточно большие рассказы. В таких случаях в повседневной речи тоже может появиться осознанный в той или иной степени вымысел. Это происходит в тех случаях, когда говорящий не просто сообщает о факте, но и хочет произвести впечатление, то есть, он выступает уже как автор, ищет «художественный» эффект. Эта любовь к повествованию придает особый оттенок народной речи. Ованес Туманян, который прекрасно понимал и любил народную речь, в своих произведениях достаточно широко отразил эту особенность народной речи. Многие его рассказы и другие повествовательные произведения построены на этой ее особенности. Его герои, размышляя о главных проблемах человеческой жизни, не остаются в пределах отвлеченных рассуждений, они предпочитают разъяснить свою мысль с помощью живых примеров¹.

2.

Таким образом, можно утверждать, что вымысел – всеобщая категория человеческой речи. Сложность в том, что вымысел в разных областях словесности выступает совершенно по-разному, и с этой точки зрения очень трудно найти общие черты между эпосом, сказкой и романом. Общее только то, что во всех повествованиях мы имеем дело с такой художественной действительностью, которая в разной степени отличается от наблюдаемой нами «реальной действительности». Попробуем вкратце охарактеризовать эти отличия и тип вымысла в разных жанрах художественной словесности. Начнем с эпоса.

То, что мы читаем в ставших книгами устных сказаниях разных народов, нами, современными читателями, воспринимается

¹ См. об этом подробно в книге А. Егиазарян. Поэтика Туманяна и его народные истоки (на арм. языке). Ер., 1990, сс. 184–215.

как откровенный, подчеркнутый вымысел. Скажем, чудесное исцеление Ильи Муромца из русских былин, подвиги Святогора, приключения героев якутского эпоса «Олонхо», или чудесное рождение героев первой ветви армянского эпоса «Давид Сасунский» (их мать понесла от двух горстей воды, выпитой на прогулке). Современный человек не верит в такие чудеса, а наиболее «продвинутые» современники думают, что в такую бессмыслицу не верили и сами творцы и сказители эпических памятников. Против такой «прогрессивной» точки зрения говорят некоторые факты из истории записи народных эпосов. Армянские эпосоведы сообщают, что многие сказители эпоса четко различали эпос и сказки. Они были уверены, что эпос – это правда, а сказка – ложь. Некоторые из них считали ниже своего достоинства рассказывать сказки, о чем мы находим свидетельства в записях армянских эпосоведов². Правда, у сказителей последних поколений уже появляется догадка, что многое в эпосе – все-таки вымысел. Но это уже говорит о том, что устная жизнь эпоса завершается. В классический период жизни эпоса сомнений в истинности сообщаемых событий не могло быть.

Так что, вымысел в эпосе имеет совершенно иной вид. Это – вымысел в нашем понимании, но не в понимании создателей и сказителей эпоса. Сказители свято верят, что они рассказывают о реальных героях, некоторые из них даже утверждают, что эпические герои – их предки. Тому мы находим любопытное доказательство в армянском эпосе. Во многих его вариантах сказители произносят своеобразное поминальное слово о героях «սիսրիւր», как это делают в отношении умерших родственников и знакомых. То есть, все эти герои для них вполне реальные люди³. Сказители и их слушатели верят также, что рассказы об эпических героях – верная передача того, что оставили предыдущие сказители. Они считают святотатством что-нибудь менять в эпических рассказах, неизбежные изменения происходят помимо их воли. Таким обра-

² См. «Сасунские богатыри» /«Сасна црер»/, на арм. языке, Ер., Т. 1, 1936. СС. 329, 381, 1090.

³ См. об этом: А. Егизарян. Поэтика эпоса «Сасна црер» на арм. языке. Ер., 2013. С. 228.

зом, эпический рассказ в классический период воспринимается как двойная истина – истина героев и событий и истина текста. Вымысел – только случайный элемент в их рассказах, но никак не сознательная установка. Современный читатель, воспитанный на романах нового времени, привычно считает эпос красочным, ярким вымыслом, и это мешает правильному восприятию эпических текстов. Читая записанные тексты эпических сказаний, понимая их своеобразие и отличие от современных романских текстов, их истинную красоту мы можем оценить только в свете своеобразие эпического воображения. Его роль была не в том, чтобы «создавать образы», сочинять сюжеты и т.д., а в том, чтобы живо и правдиво описывать «реальные» события эпического прошлого, притом не нарушая «истинность» текстов, полученных в наследство от предшественников.

Эпос, как и миф, отражает мировосприятие своего времени, времени, когда боги, богатыри, их дела, всякие чудесные случаи были элементом «реальной» действительности. Это еще в большей мере справедливо для мифов, которые исторически и типологически предшествуют эпическим памятникам. В случае с мифами просто неуместно говорить о «безудержной фантастике», как делает автор энциклопедической статьи⁴. Говорить о богатом воображении в том смысле, что оно давало нашим дальним предкам возможность видеть своих «реальных» богов и полубогов, всяких «реальных» чудовищ живо и красочно, еще можно. Но ни в коем случае нельзя говорить о красочном вымысле. Все эти существа населяли космос людей доисторических времен, каким-то образом взаимодействовали, влияли на их дела и судьбы. Так что мифы, строго говоря, не являются результатом художественного и любого другого вымысла. Это – правда своего времени.

В случае с мифом и эпосом, вспоминая «коллективное бессознательное» Юнга, можно было бы говорить о коллективном вымысле. Но, конечно, нужно быть очень осторожным, сравнивая коллективное бессознательное и коллективный вымысел. В обоих случаях личностное, субъективное начало отсутствует, во всем осталь-

⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий, М., 2003, кол. 154.

ном механизмы разные. Слово «коллективное» здесь означает коллективное творчество, не осознанное как таковое. Миф и эпос – плоды воображения многих, никто из которых не осознавал себя автором, творцом. Если говорили – говорили о «реальных» событиях и существах, которые были важнейшей частью их мира. Все это вливалось в общие представления, развивало и обогащало их. О «реальности» мифов достаточное количество свидетельств можно найти в трудах Лосева, Юнга, Элиаде, Мелетинского и др⁵. А о восприятии эпического мира как реального уже говорилось выше.

Впрочем, здесь имеются более близкие примеры «реальности» мифа – современные религии. Новый Завет утверждает, что Христос воскресил умершего за несколько дней до этого человека, он же накормил двумя рыбами и пятью хлебами несколько тысяч человек. Мотив непорочного зачатия, который мы вспомнили в связи с армянским эпосом, играет колоссальную роль в Новом Завете и во всей христианской религии. Современное атеистическое сознание, естественно, считает все эти сюжеты мифами, то есть неправдой, вымыслом в современном понимании. Но мы знаем достоверно не только то, что все эти мифы никак не могли считаться вымыслом в начале христианского развития Европы. Верующие и в наши дни свято веруют во все эти чудеса, и никто не вправе обвинить их в незнании фактов и закономерностей. Современная ситуация, естественно, не повторяет ситуацию начала нашего летоисчисления. Но Библия записала и донесла до наших дней то, что являлось правдой для мифического сознания первых христиан, и передала эту веру современным последователям христианской религии.

3.

Так обстоит дело с мифами и эпосами. Но до перехода к письменной словесности необходимо попытаться понять характер вымысла в сказке. Это тот случай, когда текст изначально воспринимается как «ложь», вымысел. Поэтому-то и знаменитые

⁵ См., например, А. Лосев, *Диалектика мифа*, М.: Изд-во «Правда», 1990, гл. 1 и др., Е.М. Мелетинский, *Поэтика мифа*. СС. 36–38 и др., М. Элиаде, *Аспекты мифа*, М., 1994. СС. 15, 18, 23 и др., Э.Б. Тайлор, *Миф и обряд в первобытной культуре*. С. 55 и др.

сказители армянского эпоса отказывались рассказывать сказки. Известно, что и эпос, и сказка вышли из мифа или тесно связаны с мифом. Но это как бы два разных ствола из одного корня – они росли в разные стороны. Эпос сохранил веру в события, о которых рассказывал, и мифический элемент постепенно сужался в нем, или, точнее, отходил на задний план. В эпическом контексте мифы тоже начинают восприниматься более «буднично», как некий элемент реальной, повседневной жизни. В сказке, наоборот, этот элемент все сильнее подчеркивается и, отрываясь от древней основы, вырастает в «ложь», во что-то забавное. Сказка, таким образом, начинает восприниматься как ложь, вымысел.

Родство эпоса и сказки можно обнаружить и невооруженным глазом. Много общих мотивов, общих эпизодов (что четко видно, скажем, в армянском эпосе и сказке, в русских былинах и сказках). Некоторые сказители называют свои варианты армянского эпоса «сказкой о Давиде» и т.п. Но в дальнейшем, если эпос развивается в направлении к реальной жизни, к реальному быту данного народа, то сказка больше и больше отходит от повседневной, реальной жизни, в ней все больше волшебных мотивов, временно-пространственные характеристики мира совершенно отличны от реального времени и реального пространства. Волшебная сказка (имеется в виду именно волшебная сказка) и не пытается создавать впечатление реальности, разные волшебства только усиливают впечатление сказочности. А эпос, как уже неоднократно подчеркивалось, воспринимался как картина настоящей, реальной жизни. То есть, сказка является как бы реальным, классическим примером вымысла.

Но опять же она далеко не классический вымысел. Она сильно отличается от того вымысла, о котором говорит Пушкин в своем стихотворении. В сказке начисто отсутствует индивидуальный элемент. Там, как и в мифе и эпосе, нет автора, и вымысел носит сугубо коллективный характер. Каждый сказитель сказки, сказочник, пересказывает или повторяет только то, что он получил от предков и предшественников. «От себя» он ничего не добавляет (правда, рассказывание, «исполнение» сказки уже носит на себе сильный отпе-

чаток личности сказителя, его таланта, но это уже другая область). В этом смысле, сказка – «не вымысел».

Только в одном случае сказка превращается в истинный, то есть осознанный, вымысел – когда современные писатели обрабатывают народные сказки или пишут литературные сказки с использованием народных сказок. Для первого случая классическими примерами являются сказки Туманяна, Исаакяна, Пушкина, Ершова, Бажова, Аксаков, для второго – сказки Андерсена и Газароса Агаяна («Анаит»). Впрочем, непроходимой грани здесь нет. Автор в обоих случаях прекрасно сознает вымышленность сказки и пользуется этим ее свойством для своих художественных целей, то есть общий, коллективный вымысел получает подчеркнуто индивидуальные оттенки или становится элементом индивидуального замысла автора литературной сказки.

4.

Осознанное авторство и, соответственно, осознанный вымысел появляется только в письменной литературе. Это – процесс длительный и сложный. Письменная литература сама по себе еще не подразумевает возникновение авторского сознания – сознания того, что написанное – его собственное творение. Автор-писатель еще долго ощущает себя человеком, который просто записывает происходящее или полученное в наследство. Весьма ценное замечание содержится по этому вопросу в книге Д.С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы»: искусство средневековья «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит. Автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение. ... Индивидуальные отклонения по большей части случайны, не входят в замысел произведения»⁶.

В средневековых литературах распространен жанр, который в армянском литературоведении именуется «зруйц» (дословно – беседа, разговор). По-русски название переводится как «сказ».

⁶ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы М., 1979. С. 69.

Насколько верно передает это слово суть жанра, в данном случае неважно. Главное – это повествовательный жанр, берущий начало в народной речи, в повседневном общении, потом записанный в разных источниках. Это относится и к сюжетам Хикара, Ходжи Насреддина и других. Эти небольшие истории ближе всех подходят к современному рассказу, но еще очень далеки от него. Хотя бы уже потому, что мы ничего не знаем не только о создателях этих историй, но вообще о «созданности» их, то есть о том, что кто-то специально их сочинял.

Любопытную картину мы наблюдаем в европейской литературе Возрождения. В ней очень распространены были новеллы, циклы новелл. В этом случае каждому читателю на ум приходит Боккаччо со своим «Декамероном». Но «Декамерон» – всего лишь высшее проявление жанра, развитого не только в итальянской, но и во французской, английской и других литературах. Можно вспомнить француженку Маргариту Наваррскую, англичанина Чосера и других. Во всех этих произведениях авторы берут распространенные сюжеты и пересказывают их. Конечно, в этих сборниках индивидуальный талант каждого из упомянутых авторов проявляется достаточно ярко. Но никто из них не придумывает свой сюжет, своих героев. Вся авторская работа сводится к обработке известного материала. Эту работу никак нельзя недооценивать. Не случайно, что в наше время пишутся исследования об их мастерстве, таланте. Остановимся на книге Р.И. Хлодовского «Декамерон. Поэтика и стиль». Именно эта книга дает нам доказательства того, что работа новеллистов Возрождения еще достаточно сильно отличается от работы современных авторов. Он пишет: «Создавая свою большую книгу, Джованни Боккаччо работал с материалом современной ему, т.е. средневековой, повествовательной литературы. **Собственные сюжеты он не придумывал.** ... Предполагалось, что фабулы всех ста новелл читателю более или менее хорошо известны»⁷. «Как уже говорилось, повествовательный материал, который предоставляла Боккаччо современная ему средневековая литературная и устная, в том числе

⁷ Хлодовский Р.И., Декамерон. Поэтика и стиль, М., 1982. С. 77.

самая простонародная, традиция, им не просто пересказывался, а сознательно и планомерно переосмыслился. **В то же время переосмысление средневекового повествовательного материала с самого начала не предполагало ни коренной ломки сюжетной структуры традиционных фабул...**, ни возможности их аллегорического истолкования...»⁸ и т.д. Выделенные мной строки как раз подтверждают, что для собственного воображения автора особого простора не было, а это значит, что вымысел мог быть только случайным элементом этих новелл. Авторское сознание или, как в наше время принято говорить, «авторское право» в этом случае распространяется на подбор готовых сюжетов и их некоторое переосмысление.

Теперь вернемся на армянскую почву. В армянской историографии V и последующих веков индивидуальное авторство является очень значимым элементом «художественного» целого. Мы знаем не только имена авторов, мы из их же сочинений черпаем информацию об их биографии, но самое главное – мы можем рассуждать об их творческой индивидуальности. Все сочинения V века отличаются друг от друга и стилистически, и идеологически (одни авторы больше проникнуты христианским мировоззрением, другие – меньше), и по политическим пристрастиям (отношение к ведущим национальным деятелям – представителям разных дворянских – нахарарских домов) и т.п. Скажем, Павстос Бузанд любит эпические сюжеты, рассказываемые в народе, и в его сочинении сильно ощущается дух фольклора и народной речи, а в «Истории» Агатангехоса доминирует влияние Библии. А Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) отличается трезвостью ума и взгляда, все данные об армянской истории, сообщаемые в устных и письменных источниках, пропускает через свой собственный анализ, подвергает суду своего интеллекта, разумеется, в пределах науки своего времени.

Но дело в том, что власть творческой индивидуальности историографов распространялась не очень далеко, как и в средневековых новеллах. События, герои, оценки были известны, им оставалось

⁸ Там же. С. 84.

только в надлежащем виде оформить их. Здесь-то и проявлялась творческая индивидуальность авторов. Они не создавали свой мир, а между тем это словосочетание в применении к современной повествовательной литературе далеко не простая метафора. Каждый повествователь, каждый рассказчик или романист создает свой мир, своих героев, свой пейзаж, только в словесной форме. А авторы средневековья описывают, каждый по-своему, мир, который уже создан – богом или коллективным повествователем.

Какова же роль вымысла в первых произведениях армянской литературы? Необходимо сказать, что в армянском литературоведении и медиэвистике литературные особенности сочинений V века недостаточно хорошо изучены. В этом отношении заслуживает высокой оценки книга Маис Авдалбегян «Возникновение армянской художественной прозы»⁹. Это – первое систематическое исследование армянской историографической прозы V века с точки зрения литературных особенностей. Но в книге М. Авдалбегян уже название вызывает сомнения. Разве «Истории» V века относятся к художественной прозе? А что такое, собственно, художественная проза и чем она отличается от нехудожественных прозаических текстов? Долго искать ответ на этот вопрос не приходится. Художественная проза – это и есть вымысел. Еще раз вспомним строку Пушкина, приведенную в эпиграфе. Нет художественности без вымысла. Тут у нас есть еще одна опора. В английском языке «художественной прозе» соответствует слово «fiction». То есть фикция, ложь. Разумеется, в русском или в армянском языках эти слова должны быть взяты в кавычки, дабы не возникло недоразумений. Ибо в этих языках «фикция» и «ложь» имеют определенную отрицательную окраску. А английское слово имеет в виду именно вымысел, подчеркнем еще раз – художественный вымысел. И не случайно всю обширную область не-художественной прозы по-английски называют «non-fiction». То есть исходная точка – именно “fiction”.

Теперь с этой точки зрения посмотрим на армянскую историографию Vв. Какое место занимает в ней вымысел или вообще

⁹ *Авдалбегян М.* Возникновение армянской художественной прозы (Vв.) на арм. языке. Ер., 1971.

занимает ли какое-то место? Этот вопрос нас интересует только в литературном, а не в историческом плане. Если автор каким-то образом подтверждает, что он рассказывает только правду, это не значит, что историк обязан верить ему на слово. Но в литературном плане ситуация меняется. Здесь мы должны первым делом понять, как относится автор к своему сочинению. Правда и истина в понимании авторов далекого прошлого, конечно, сильно отличаются от нашего понимания. Но нас интересует именно понимание авторов того времени. И что мы находим в этом смысле у них?

Во-первых, некоторые из них уверяют, что они или были свидетелями того, о чем рассказывают, или об этом узнали из «достоверных источников». Скажем, Егише в своей «Истории Вардана и армянской войны» описывает взрыв негодования персидского царя Азкерта, когда тот узнал об ответе армянских нахараров на его требование отказаться от христианства и принять иранскую религию. Егише описывает эту сцену достаточно красочно, используя сильные эпитеты и сравнения (сравнивает персидского царя со львом, а его голос – с рычанием льва, правда, при этом думая не столько о воссоздании реальной картины, сколько желая произвести соответствующее впечатление на читателя). И сообщает, что он не по слухам рассказывает, а присутствовал при этом. Именно этот элемент имеет для нас принципиальное значение¹⁰.

Первый вопрос, который может возникнуть в этой связи, следующий. Егише говорит правду, или идет на фальсификацию ради того, чтобы произвести впечатление на читателя? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в аргументах тех исследователей, которые считают Егише автором не V, а VI века. На основании анализа некоторых особенностей текста и стиля мы пришли к выводу, что аргументы сторонников версии VI века абсолютно не считаются с этими особенностями. В их рассуждениях Егише, как и в других работах, посвященных Мовсесу Хоренаци, Мовсес выглядит как преступник, которого надо разобла-

¹⁰ «Не по слухам и чужим мнениям рассказываю. Мне случилось быть там и видеть и услышать голос его наглых слов. Как сильный ветер волнует море, так его голос колебал толпу его войск». Перевод по следующему изданию: Егише, О Вардане и армянской войне, на арм. языке, Ер., 1989. С. 30.

читать. А между тем надо внимательно и уважительно вслушаться в голос автора, попытаться понять характер этого голоса. Ту искренность, которая так характерна для этого голоса, разыграть невозможно. Математически или «научно» доказать это невозможно. Это можно только чувствовать, правда, на основании фактов. Таким образом, у нас нет оснований не верить Егише, не только тому, что он автор V века, но и тому, что он присутствовал при вспышке гнева персидского царя.

Но даже если в этом конкретном случае мы не склонны доверять Егише, то мы должны считаться с тем, что для Егише и его современников, его читателей история имеет ценность, если она правдива, не «вымышлена», если рассказывающий сам многое видел своими глазами. Именно такая установка на правду характерна для историографии V и последующих веков. И такие упоминания о том, что автор сам видел все своими глазами, встречается и в других «Историях» средневековья. А если рассказывается о событиях, которые автор видеть не мог, то, значит, о них ему рассказывали люди, видевшие сами и заслуживавшие полного доверия. Тот же Егише рассказывает о казни армянских священников вдали от их родины. Казнь описывается довольно детально. И тут Егише сообщает, что все это ему рассказали «святые люди»¹¹. Нам не важно, насколько заслуживали доверия эти люди, главное – его стремление подчеркнуть, что «все правда». Вот это желание – не только индивидуальная черта Егише, но и характерная особенность историографии V века.

У читателя возникнет вопрос: а как быть с теми страницами, на которых рассказывается о заведомо нереальных событиях? Скажем, сюжет о разговоре персидского царя Шапуха с армянским царем Аршаком. Этот сюжет содержится в «Истории Армении» Павстоса Бузанда. Шапух вызвал к себе Аршака, чтобы окончательно уяснить себе, будет ли Аршак, известный беспокойным, строптивым нравом, верен ему, Шапуху. Он обсуждал поведение Аршака со своими мудрецами, и те посоветовали привезти из Армении землю и воду,

¹¹ «И этот блаженный человек, который уподобился тайно служить святым..., он рассказал нам все по порядку...»: см.: Егише. О Вардане и армянской войне. С. 366.

покрыть ими часть пола дворца. Шапух поступил так, как советовали мудрецы. Во время беседы, пока они были на персидской земле, Аршак становился тихим, покорным, а как только вступали на армянскую часть пола, Аршак опять становился гордым, воинственным владыкой, который не признавал верховенство Шапуха. Шапух понял, что Аршак как только вернется в Армению, продолжит быть самостоятельным и непокорным царем своей страны. И поэтому он сослал Аршака в крепость Ануш, откуда никто не возвращался. С нашей точки зрения, этот отрывок – почти детская история. Здесь нам не поможет даже древнегреческий миф об Антее, с которым Геракл никак не мог справиться. Он поднимал Антея высоко и бросал его с силой на землю. Но Антей вставал и продолжал борьбу. Геракл убил Антея только тогда, когда, подняв Антея высоко, там и задушил его, ибо каждый раз прикосновение Матери-Земли восстанавливало его силы. Но мы уже знаем, что древние греки верили в своих мифических героев. Они «не сочиняли». Так же и Бузанд. Легенду Аршака он передавал так, как слышал от других. Древняя мифическая вера в Мать-Землю сохраняла свою силу и в IV веке, когда жил реальный Аршак, и в V веке, когда писалась или переводилась «История» Бузанда. Павстос, как автор, не сочинял. Он повторял то, что было «сочинено» до него. Это не вымысел.

Любопытно, что в этом отношении много общего между самым «народным» автором среди первых историографов Павстосом и самым «ученым» среди них – Мовсесом. В его «Истории» тоже достаточно мифических сюжетов, которые он подает как реальную историю. А уж про Агатангехоса я не говорю. Тот и вовсе верит, что после того, как царь Трдат (Тиридат) не внял словам Григория Просветителя и спрятал его в Хор Вирапе, у него отросли свиные уши, и он весь превратился в свинью, пока Григория не вытащили из ямы, и он своими молитвами не вернул Трдату человеческий лик. Этот сюжет не только не плод воображения Агатангехоса, но и святая правда для него и для его читателей. А как сложилась эта легенда – это совсем другой вопрос. В данном случае читателя можно отослать к библейским чудесам. Главное для нас то, что и в этом случае нельзя говорить об авторском вымысле. Все эти чудеса – самая правдивая правда для на-

ших авторов. Для нас это – вымысел, но тот же коллективный вымысел, о котором мы говорили в связи с эпосом. Авторы V века получили все эти сюжеты в наследство от древних времен. Могут возразить, что сюжет, скажем, Аршака, мог бы возникнуть не раньше IV века, когда царствовал Аршак. Конкретный сюжет – да, но мы уже видели, что основа этого сюжета куда более древнее героя, она уходит в мифические времена. Но в V веке все – и историографы, и простой народ воспринимали эти сюжеты как реальность, как это было и с эпическими сюжетами.

Существует любопытная деталь. Мовсес Хоренаци – крупнейший автор не только своего времени, но и во всей армянской историографии, получивший «европейское», то есть греческое образование, не очень и не всегда доверял мифическим сюжетам. Скажем, персидские сюжеты он начисто отвергал, но к греческим сюжетам у него было другое отношение, также как и к армянским. Он часто использовал армянские мифические и эпические сюжеты как исторические данные и излагал их как реальные факты истории армянского народа. Так что при всей своей образованности Хоренаци все-таки относился к этим сюжетам не как к вымыслу, а как к правде. Это и было признаком времени.

В средние века канон играл важную роль в разных повествовательных текстах. Смысл его заключался в том, чтобы об определенных людях, особенно о христианских святых, и определенных событиях можно было писать только определенным образом. Скажем, во время мучений или казни святых они должны были произносить иногда очень длинные речи о христианских истинах, должны были просить палачей более жестоко расправляться с ними, чтобы они в святости приближались к своим учителям и, в конечном итоге, к Христу. В этих случаях не требовалось сильного воображения или вымысла, чтобы описывать эти сцены, столь частые в средневековой литературе.

Вернемся к определению прозы V века. Как бы мы не охарактеризовали прозу историографов, она не может считаться художественной. В ней отсутствует главное – вымысел. Историографы рассказывают только о том, что, по их мнению, правда. Разумеется, это не исключает наличие отдельных элементов ху-

дожественности, как-то: красивые описания местности, человека, его подвигов. Но эти элементы не становятся системой, не могут быть жанроопределяющим фактором. Они всего лишь особенности языка того или иного автора. Художественное сознание этих веков еще не созрело для этого.

5.

Для полноты контекста мы должны ненадолго вернуться в Древнюю Грецию. Все, что мы говорили выше об историографии, относится и к средним векам. Армянская письменность и историография начинались в раннем средневековье. Но задолго до этого в античной литературе закладывались основы европейского художественного сознания. В начале первого тысячелетия до н.э. была уже вполне развитая литература. Если армянская литература начиналась с историографии, то древнегреческая – с эпиком, приписываемых Гомеру. То есть, в нашем понимании это была художественная литература. И можно поразмыслить о роли вымысла в этих поэмах, хотя они являются записями эпических сюжетов. В любом случае, имея в виду и эти поэмы, и древнегреческую трагедию, и поэзию, и прозу, мы должны исходить из того, что у древних греков было достаточно развитое художественное сознание и достаточно богатый материал для размышлений о художественной литературе, о его отличиях от нехудожественной литературы или истории. Появление «Поэтики» Аристотеля является лучшим подтверждением этой истины. В III в. до н.э., когда Аристотель писал свою «Поэтику», были созданы уже гомеровские поэмы, многие произведения драматургии, великие исторические сочинения Геродота и др. Аристотель имел все основания для разделения художественной литературы и историографии. Историография – это рассказ о том, что действительно случилось, а художественная – о том, что могло случиться. Что могло случиться, то есть не случилось. А о том, что не случилось, можно писать только как вымысел. Это значит, что древние греки имели представление о вымысле как условии художественного творчества. Но античное искусство, как и все античное мышление, уступило место средневековому, христианско-религиозному, и

проблема вымысла потеряла свою актуальность, чтобы возродиться позже, в новых условиях¹².

6.

Из всего сказанного следует, что истинно художественный вымысел начинается в новое время, когда на первый план выдвигается индивидуальный автор. Рождение этого автора является, наверное, самой большой революцией в повествовательной литературе, в том, что мы называем художественной прозой, fiction. Этот автор опирается только на свой личный опыт. Он ничего не

¹² Для понимания изменений в художественном мышлении и своеобразия средневековой письменности отдельного рассмотрения требуют сочинения некоторых европейских авторов Средневековья, как, скажем, Марко Поло, в книге которого увиденное собственными глазами сочетается со сведениями об откровенно фантастических существах, каковых он, конечно, не мог видеть. Подвергают сомнению сам факт его пребывания в Китае. Под интересующим нас углом зрения необходимо особенно внимательно прочитать некоторые статьи и книгу знатока Средневековья Умберто Эко. Я имею в виду роман «Баудолино», который можно считать филологическим романом, настолько большое внимание уделяет Эко проблемам повествования и вымыслу в сочинениях средневековых авторов. Но всестороннее изучение этой проблемы требует привлечения дополнительного материала, что вне нашей проблематики. Здесь ограничусь некоторыми замечаниями. Эко полемизирует с теми авторами, которые, исходя из сведений относительно фантастических животных и незнания Марко Поло отдельных деталей китайского пейзажа, считают, что он не был в Китае. Вот что говорит Эко: «В свете моих средневековых штудий я бы не удивился, если бы оказалось, что Марко не дошел до Китая, потому что фантастические книги о путешествиях, в которых все было представлено как правда, были очень распространены в его время. Было принято, что нет различий между тем, видел ли ты единорога, или только слышал о нем» /пер. с итальянского, L'Espresso del 29 marzo 1996. / В любом случае, Эко утверждает, что сведения о всяких фантастических животных и иные сведения были не плодом индивидуального воображения Поло, а просто распространенными сведениями, которые он только повторял. Своеобразным подтверждением этому является книга старшего современника Марко Поло армянского историографа XIII века Киракоса Гандзакеци «История Армении». В ней есть глава о путешествии армянского царя Киликии Гетума, который временами поразительно похож на сведения Поло /разумеется, о знакомстве Гандзакеци с книгой Марко Поло и речи не может быть хотя бы потому, что Киракос (1203–1271) на целых полвека старше Марко Поло (1254–1324): «Есть страна дальше Катая /то есть Китая – А.Е./, где женщины похожи на разумных людей, а мужчины имеют облик собаки, молчаливы и волосаты». И еще много сведений такого рода. Притом Гандзакеци ссылается на авторитет уважаемого им короля / Киракос Гандзакеци, История Армении /на арм. языке, Ер., 1982. С. 265 и далее/.

получает в наследство, вернее, все, что он получает, он подвергает суду своей индивидуальности и включает это наследие в контекст своих личных наблюдений и выводов. В художественной литературе наступает эра личностной, субъективной картины мира. Автор никого не повторяет, как сказители эпоса, ни на какие продукты коллективного творчества не опирается, а если и опирается, это воспринимается публикой как нечто нарочитое, как художественный прием. Автор теперь создает свой мир, свой собственный космос, где он – полный хозяин и демиург. При этом, он, вне всяких сомнений, опирается на объективный мир, но весь вопрос в том, что теперь уже он, его воля и воображение определяют, в какой мере он должен это делать. Если подробно изучить развитие художественной прозы, то можно обнаружить, что каждому автору, под влиянием времени и своих личных свойств, присущ свой тип обращения к действительности. Классицисты исходили из каких-то жестких правил и оценивали действительность с точки зрения этих правил, соответственно, в их космосе герои действовали так, как диктовали эти жесткие правила. Романтики интересовались уже не правилами, а эмоциями, и их космос был космосом взрывных эмоций и фатальных действий героев. Реалисты старались держаться ближе к действительности, к закономерностям, обнаруженным ими в объективном мире. Ограничиваясь этими по необходимости схематичными наблюдениями, вернемся к главному вопросу. Вымысел действовал в пределах этих закономерностей, плюс индивидуальность автора. Романтики могли дать волю своему воображению. Они чувствовали себя куда как свободнее по отношению к действительности. Это особенно бросается в глаза, когда мы читаем исторические романы. Армянские романтики – Раффи и Мурацан в своих исторических романах, опираясь на определенные исторические факты, осмысливали эти факты сугубо со своей субъективной точки зрения. Раффи специально, опираясь и на опыт европейских романтиков, оговаривает право писателя обращаться с историческими фактами вольно, сообразно своим художественным целям. Если он находит в «Истории» Павстоса одно предложение о том, что юноша из дома Мамиконянов Самвел убил сво-

его отца и свою мачеху и бежал, то он мачеху превращает в родную мать, чтобы убийство родной матери еще сильнее подчеркнуло главную идею Раффи: человек должен быть готов жертвовать самыми дорогими людьми, если этого требуют интересы родины. А Мурацан, также опираясь на краткое сообщение историка X века Иоаннеса Драсханакертци о том, что царь Ашот Еркат был женолюбивым человеком, пишет целый роман, в котором семейные проблемы царя занимают центральное место, потому что он был уверен, что крепость государства опирается на крепость семьи.

В этих примерах личный вымысел автора очевиден, он на поверхности. Таких примеров в художественной литературе много. И не только в романтической литературе. В романе Толстого «Война и мир» мы видим множество исторических личностей, еще больше героев с реальными прототипами. Писатель и не мог думать рассказывать обо всем без вымысла, «так, как все было». Огромную картину русской жизни и исторических событий начала XIX века невозможно было бы создать, оставаясь на почве реальных событий и реальных героев. Здесь вымышлено все: начиная с вечера в доме Шерер, заканчивая всем романом. Другое дело, что Толстой в своем романе строит свой космос по законам реального мира, воссоздает, как мы уже неоднократно говорили, этот мир. Он не может скопировать этот мир, это и физически невозможно. Но, силою своего гения, проникнув в тайны устройства этого мира, в глубины человеческой психологии и в многообразие человеческих взаимоотношений, он уверенно создает свою картину мира. При том, что эта картина верна и глубока, она все равно остается плодом воображения, другими словами – плодом вымысла – одного, пусть гениального человека. В этом смысле она вполне субъективна.

Здесь требуется небольшое, но принципиальное уточнение. Мы говорим, что Толстой силою воображения создает свой мир. Но этот мир приобретает такую реальность, что начинает жить по своим законам, «независимо» от своего автора. В конце концов, этот мир – порождение воображения Толстого, плод его субъективного вымысла. Но этот вымысел создает такие жизненные си-

туации и образы, которые в дальнейшем живут «своей» жизнью, как бы независимо от автора. В литературоведении стали общим местом признания Пушкина и Толстого о поведении своих героинь. Для Пушкина было неожиданным, что Татьяна вышла замуж, а для Толстого Анна Каренина неожиданно бросилась под поезд. Эти два факта дают нам возможность уточнить наше понимание вымысла. Вымысел, дав первоначальный толчок в создании художественного мира писателя, в дальнейшем как бы отходит в сторону, чтобы дать возможность героям жить своей собственной жизнью. Забота писателя состоит уже в том, чтобы правильно «записать» дальнейшие события и внутреннюю жизнь героев.

Впрочем, это явление мы наблюдаем в произведениях больших писателей, истинных демиургов своего мира. Среднего таланта писатель опекает своих героев, диктует им те или иные поступки. Здесь вымысел выполняет тяжелую работу, направляя каждый шаг героя, каждое движение его внутреннего мира.

В художественной прозе роль вымысла проявляется в самых разных формах. Пушкин и Толстой относятся к реалистической литературе. У романтиков есть свои формы вымысла, которые больше опираются на субъективные стремления писателя, чем на реальную действительность. Есть большая область прозы, где вымысел вообще выходит за рамки реального или возможного, как в романах-притчах или научно-фантастических романах. Совершенно другая область – так называемый магический реализм в латиноамериканских литературах, когда художник использует современный жанр – роман, но широко опирается на мифологию своего народа (Маркес и другие). Смежное явление – некоторые опыты в современной армянской литературе, когда писатель в романе напрямую связывает современность и мифическое или эпическое прошлое, например, роман Зорайра Халафяна «Умирающий-воскрешающий».

Иной тип художественного вымысла демонстрируют те романы XX века, которые написаны на основе древних мифов. Роман Томаса Манна «Иосиф и его братья» в самых общих чертах воспроизводит известный сюжет Ветхого Завета. Но роман Манна, с другой стороны, самое современное произведение, в кото-

ром автор чувствует себя достаточно свободно. В этом случае мы имеем дело с раскованным, полноценным вымыслом. Правда, его корни – в древнем предании.

Наконец, в XX веке обозначается резкая грань между вымыслом и документалистикой, всеми теми жанрами, в которых роль вымысла сведена к минимуму. Если художественная проза обозначается английским словом “fiction”, то документалистика и остальные виды литературы, отвергающие вымысел, называются “non-fiction”. Это противопоставление подчеркивает значение вымысла для художественной литературы. Non-fiction играет все большую роль в духовной жизни людей. Но не заменяет художественную литературу. Попутно можно заметить, что даже в самой документальной документалистике нельзя обходиться без вымысла. Даже в таких работах документальный, фактографический материал скрепляется в одно целое с помощью вымысла.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СВОБОДЫ В ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А.П. Григорян

В единстве и целостности поэзии Пушкина «свобода» – ключевое слово и ключевая поэтическая ситуация. Больше того, отбрасывая отсветы на все другие поэтические ситуации текста Пушкина, она пронизывает и пронзает всю его поэзию и, кажется, всю его жизнь, потому что эта поэзия была вместе с тем и осуществлением его жизни. Свобода не мысль и даже не поэтическая мысль, не идея, не сюжет, не концепция и даже не философия в поэзии Пушкина. В поэзии чем больше воочию явлена мысль, и тем более чистая мысль, провоцируемая или испытываемая поэзией, тем меньше она – поэзия. Свобода в поэзии Пушкина сама поэзия и сама жизнь, и именно потому, что поэзия Пушкина – это и осуществление его жизни. Это, очевидно, тот случай, когда что-то можно нетрудно объяснить, но понять до конца почти невозможно.

Всем нам памятны слова Пушкина, невольно приходящие на ум в связи с размышлением о поэтической ситуации свободы в его поэзии: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Очевидно, не менее памятны его слова, почти сохраняющие этот поэтический лексикон, но выражающие, в сущности, противоположный смысл: «Чужой для всех, ничем не связан, Я думал вольность и покой замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!» Здесь свобода и покой совершенно иначе глядят в мир счастья (кстати, тоже ключевое слово в поэзии Пушкина с ее триадой «счастье, покой и воля», в которой постоянно меняются не только лики ее частей, но и их соотношение, и их жизненная и поэтическая бытийность). В настоящей главе мы почти злодейски отсекаю «свободу» от «покоя» и «счастья», чего нельзя было делать даже в академических целях, тем более, что сама поэзия Пушкина величайшее отсечение поэзии от академии (к этому, однако, взывает «жанр» фрагмента монографии). Пушкинский текст

неподвластен до конца ни одному на свете тоталитету ученых штудий и ни одной на свете эвристической воле или эвристическому счастью.

Поэтическая ситуация свободы пушкинской поэзии никоим образом не некая навязчивость повторности ключевого слова и не его многослойный церемониал или словесная рядоположенность. Она не всегда совпадает сама с собою, и именно в этой точке ее несовпадения с самою собою протекает ее жизнь и она обретает особый пушкинский смысл и пушкинскую встречу смыслов.

Не следует забывать, и это очень важно для постижения смысла поэтической ситуации свободы в поэзии Пушкина, что он вошел в русскую культуру не только как гениальный поэт, но и как гениальный мастер жизни, как человек, которому был дан неслыханный дар быть счастливым в самых трагических обстоятельствах. Во многом это связано с совершенно невероятным пушкинским чувством судьбы, которая всегда знак несвободы и всегда направлена к своему антиподу – свободе. В пушкинской смысловой жизни свободы в некоей панхронии и ахронии тоже трагедией становилось само время.

Пушкин, кажется, был свободен потому, что был гением, и был несвободен, потому что был человеком «света» в России, был камер-юнкером при русском царе и был некрасивым мужем принятой ко двору светской красавицы Натали Гончаровой. И тем не менее, жизнь Пушкина – это жизнь гения и жизнь страны. И поэтическая ситуация свободы была не мистификацией (которую, кстати, обожал Пушкин) и не «кабалистикой игры», а смысловым текстом, которому даже после гибели поэта никак не мешало то, что существовал и жил своей жизнью посмертный «мнимый Пушкин».

Слово «свобода» живет в тексте пушкинской поэзии, в ее внетекстовой реальности, и оно уходит в некий «контекст контекстов» (Бахтин) мировой непрерывности литературы. Поэтическая ситуация свободы в поэзии Пушкина как бы замкнута в себе и вместе с тем разомкнута в мир и обращена не только к «покою» и «счастью», но и к другим поэтическим ситуациям («кубок жизни», «чаша бытия», «праздник жизни» и т.д.).

«Свобода» не только ключевое слово в поэзии Пушкина, но и ее идеальное содержание, наполняющее весь поэтический текст, даже когда оно «исчезает» или вообще не появляется.

Как бы «вольностью дыша», он, кажется, шел вослед «веселым призракам свободы», желая верить в непризрачную свободу и нередко страшась ее (как горек парадокс Вяземского, который писал о том, что «неволя была, кажется, музою-вдохновительницей нашего времени»). Пушкин ясно осознавал, что эта свобода могла быть истинно непреходящей ценностью, даже когда она была окрашена трагизмом (и нередко пушкинским веселым трагизмом).

Что же такое свобода, что такое ее целостность и ее, условно говоря, расчлененность, и ее новая сочлененность в некоей новой целостности.

Для Пушкина сама жизнь одновременно свобода и несвобода, и, больше того, свобода в несвободе и несвобода в свободе, даже когда это обреченность на свободу. Он жил и погиб как человек «света», а несвобода ссылок и секретного надзора, естественно и вместе с тем, непостижимо рождали свободную поэзию (Болдино, Михайловское). Он пользовался молодостью, его влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, страстно и свободно предавался всем наслаждениям жизни. Свободой была и его всегдашняя готовность ко всем опасностям и даже готовность встать лицом к лицу со смертью. И не было противоречия между его жаждой жизни и готовностью к смерти. Полковник Старов, с которым Пушкин дрался на дуэли, сказал ему: «Вы также хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете стихи». Ярким отблеском свободы была его связь с участниками Декабрьского восстания и симпатии к Пугачеву и его бунту (хотя, и это сам же Пушкин сказал: «Не доведи, Господь, видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный»).

В нем не только жил поэтический гений, но и жила государственная, державная мысль, которая целиком и полностью была обращена к феномену свободы – он собирался написать трактат о Французской революции (свобода) и ...цензуре (несвобода). И еще – он знал, что имя его принадлежит истории («К нему не зарастет народная тропа»). И еще он создал образ свободы и несвободы моцартианства и сальерианства.

Свобода в этой поэзии как бы абстрактно-фантомна («Дорогою свободно иди, Куда влечет тебя свободный ум») и вещна («Промчались годы заточенья», но интересно то, что здесь речь идет не о ссылках, а о лице, то есть о самой свободной и веселой

поре жизни поэта), она как бы планетарна («Где все наруже, все на воле») и вместе с тем личностна («Придет ли час моей свободы»), экзистенциально пустынна («Свобода! Он одной тебя еще искал в пустынном мире») и площадно-всечеловечна («Что в мой жестокий век прославил я свободу и милость к падшим призывал»). Свобода как бы творит жизнь поэта и творится ею.

Это свобода во всем – в любви (хотя и сам он писал, что «Знал любви одну лишь муку»), в дружбе («Поклонник дружеской свободы, веселья, граций и ума»), в творчестве («И даль свободного романа»), в жесте жизни («Излиться, наконец, свободным проявленьем») и в жесте слова («Свободен, вновь ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум»), вакхических песнях и анакреонтических мотивах, в смирении и бунте. Дорога даже та постылая свобода, к которой равнодушна сама природа («И равнодушная природа Красною вечною сиять»). Это ожидание свободы («Мы ждем с томленьем упованья Минуты Вольности святой») и прощание со свободой («Прощай, свободная стихия! В последний раз передо мной Ты катишь волны голубые И блещешь гордою красой» – эти стихи метафорически обращены к стихии моря). И вообще есть что-то неуловимо, ускользающе прощальное во всей поэзии Пушкина.

И многое здесь как-то подпирает и над многим высится великая державность пушкинской поэзии, и эта державность особенно сложна и противоречива. Здесь и горение державной свободой, и осуждение державной несвободы.

Державность пушкинской поэзии в каких-то реалиях рождает идеальный мир свободы Отечества и отечества Свободы («...И над Отечеством свободы просвещенной Взойдет ли наконец прекрасная заря»), и эта идеальная тема живет и слышится не только в торжественной интонации эпического стиха, но и в «чистой» лирике, сквозь тоску и печаль метафоры берега и безбрежности Отчизны и чужбинной, хотя и рождающейся на родине, тоски по ней, («Для берегов Отчизны дальней, ты покидала край чужой»). Мир державности Пушкина в переливах просвещенной свободы и гнетущей несвободы часто обретал цвет антидержавности, и здесь важны и значимы как антидержавные стихи «Но только не к брегам печальным Туманной родины моей», «Но вреден Север для меня», так и державный польский казус и история с Мицке-

вичем и т.д. Все эти вещи отбрасывают свой свет на лики свободы Пушкина в стихии его всемирной отзывчивости.

Идеал и реалья свободы творят поэтический и национальный образ мира в поэзии Пушкина. Свободой дышит и коленопреклоненная любовь к женщине, и какой это парадокс – «коленопреклоненная свобода», а женщина, как однажды было замечено, играла огромную роль в формировании стиля Пушкина. Любовь к женщине для Пушкина принимает размеры жизни. Она – состояние духа, и это правда, что в этой поэзии даже эротика была молитвенна. Здесь рядом со словами Вакх, Амур, Венера расцветает не вынесенная в слово свобода. «Я вас любил, любовь еще, быть может, В моей душе угасла не совсем. Но пусть она вас больше не тревожит, Я не хочу печалить вас ни чем» – читаешь эти стихи и тебе кажется, что для Пушкина причинение печали это и причинение несвободы.

Эти стихи, которые, как, впрочем, многое в поэзии Пушкина, наполнены миром свободы, но в которых нет слова «свобода» и сюжетики свободы, но есть не только угадываемая, но и движущая всю эту поэзию свобода (свобода во всем!), то торжествующая, то потаенная, то пустынная, то победительная, то смиренная, то призывная и все эти ипостаси свободы сведены в пушкинской поэзии воедино, уходят в одну свободу, кажется, равную поэзии Пушкина и жизни Пушкина.

«Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана? И зачем судьбою тайной Ты на казнь осуждена?» Здесь каждое слово, буквально каждое слово, – мир несвободы и обреченности на несвободу, но вместе с тем это и оборотная сторона свободы, то ли потерянной, то ли найденной, И как бы сквозь казнь проходящей.

«Весна, весна, пора любви, Как тяжело мне твое явленье, Какое томное волненье, В моей душе, в моей крови...» и дальше – «Отдайте мне метель и вьюгу, И зимний долгий мрак ночей». Может быть, нет в поэзии Пушкина ничего более озорного, сниженного, беспечного, лукавого, веселяще дочувственного, нарочито-свободного, профанирующего и мимолетного, и безглубинного, чем первый стих этого стихотворения («Весна, весна, пора любви», где снижено каждое слово, и «весна», и «пора» и «любовь») и вдруг – невыбираемое и несвободное «Как тяжело мне

твое явление» и дальше – не «спровоцированное» этим началом «томное волнение в душе и крови».

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» – таким был свободный пушкинский выбор свободы, и в этом выборе весь Пушкин и вся его жизнь.

Пушкин и в столкновении с небытием и даже со смертью сделал свободный выбор – он погиб как «невольник чести», а эта неволя как раз и есть высшая несвобода свободы («Всю жизнь свободным прожил я в неволе» – так спустя целый век после Пушкина писал поэт совсем по другому поводу, хотя и кажется, что писал он это, читая жизнь и судьбу Пушкина.

И, наконец, еще два пушкинских произведения, в одном из которых живет и мечется слово «свобода» во всех переливах его сияния и его теней, цыганской знойности и светского ледящего холода, а в рассматриваемом фрагменте другого это слово вообще не упоминается. Это «Цыгане» и «Евгений Онегин».

Алеко бросил неволю света, его гнетущую несвободу, чтобы обрести свободу в цыганской воле. «Теперь он вольный житель мира», и это как сам он говорит, «добровольное» (то есть свободное) изгнание и свобода от «неволи душных городов» («Что бросил я? Измен волнение, Предрассуждений приговор, толпы безумное гонение Или блистательный позор?») – А что обрел Алеко, мнимо обретя всего лишь привидившуюся ему свободу? В самом этом вопросе также идеальное проступает в реальном, – согласно толстовскому прозрению, он обрел кажущуюся волю, но не воделенную свободу, потому что он хотел ее лишь для себя, и старый цыган говорит ему об этом (кто-то однажды назвал все это «книжничным байронизмом»). И два последних стиха поэмы: «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет» (а судьба – это опять-таки несвобода, тем более, если от нее нет защиты).

Все это дикое и истонченное смешение и смещение, кружение и крушение свободы и несвободы, но и сонма свобод и несвобод, в котором нередко и свобода – это катастрофа, и здесь сталкиваются не только вольность и свобода, но и свобода и свобода, и это нередко просто преисподнее столкновение.

Вспомним последнюю встречу Онегина и Татьяны. В первую встречу Онегин отверг любовь Татьяны, а от его исповеди просто стынет кровь. «Свою постылую свободу я потерять не захотел» – это уже его позднее отчаянное признание. Последняя

встреча – Онегин сражен видом Татьяны, прекрасной и навсегда потерянной женщины света, как показалось Онегину, а на самом деле той же прежней смиренной девочки, которую когда-то отверг Онегин. И вот ее ответ Онегину, который он воспринял, как «громом пораженный» (Цветаева эту пораженность громом объяснила тем, что Татьяна не мстила Онегину, как он мог это ожидать, и не таила от него себя прежнюю): «Я вас люблю (к чему лукавить?) Но я другому отдана; Я буду век ему верна». Я обращаюсь к этим словам, оставляя в стороне весь; жизненно и литературно блистательный диалог Онегина и Татьяны. Кто «я» (оказывается, та же, а не другая Татьяна),! «другому» (кому другому, и если обратиться к бахтинской] лексике, «своему другому» или «чужому другому?»), «отдана» (кем и чем отдана, выбор это или судьба, отчаяние или спасение, и если спасение, то от чего, и если спасение, то внутреннее или внешнее, истинное или обманное, и, наконец, свобода это или несвобода), «И буду век ему верна» (как это верна, и что такое это «верна», и что такое вообще верность и особенно Татьяна верность, ведь только что она сказала: «Я вас люблю (к чему лукавить?»)). Перед нами разворачивается целый роман в романе, и оба этих романа как бы взаимодействуют друг с другом, сокрушают и творят друг друга, вновь и снова высвечивая поэтическую ситуацию свободы. Пушкин слишком любит Татьяну, чтобы отдать ее на другое, лишенное покоя не-счастье с Онегиным, и поэтому свободно разрушает свободу (и волю) Онегина и свободу (и волю) Татьяны. Божественная поэзия Пушкина, была, тем не менее, трагедийна, и жизнь его пришла к трагическому концу, причем этот трагический конец наступил раньше себя самого – раньше самой гибели поэта. А ключевое слово «свобода» в этой поэзии – то смысл, то идея, то идеал, то мыслечувствие, то эмблема, то знак, то абстракция, то вещьность, то действие, то жизнь, то смерть, то судьба, то державность, то любовь к женщине, и всегда это идеальное содержание жизни и реальное содержание поэзии. Эта свобода сиюминутна и вечна, быстролетна и несдвигаема, разъята и неделима в своем времени и в своей надвременности, даже когда трагедией становится само время.

Пушкинская свобода – это состояние человека в мире и состояние мира. Это очень часто стихия последних вопросов, которая как бы размышляет о себе самой, и здесь нет ни проклятия собственной формы позднейших старых декадентов, ни прокля-

тия собственной материи позднейших новых декадентов, а ведь и тех и других в одинаковой степени тайно и открыто пытались обратить в веру Пушкина. А, например, в пушкинском стихе «Пока свободою горим» каждое слово значимо, кажется, роковым образом. «Пока» это значит «не всегда», а «горим» – это значит «сгораем».

Свобода живет и в реалиях, и в фантомах, и в мистификациях пушкинской поэзии. Может быть, поэтическая ситуация свободы в этой поэзии как бы наудачу и в мире случайности творит ее национальный образ мира. Эта свобода, говоря метафорически, требовала не только нового синтаксиса, но даже новой фонетики.

Допушкинская русская поэзия, как бы сама себе томно и вместе с тем бравурно дивясь, то лирически-надрывно, то эпически-размеренно двигалась и шла к Пушкину. И Пушкин явил нам художественный мир, который никогда не был вторичным созданием жанра, а не литературы, как это случалось в русской поэзии до него. Образ в поэзии Пушкина живет в свободном, реальном, идеальном и цепящем художественном волшебстве, в котором угадывается и «образов иных существованье».

Русская поэзия конца XVIII и самого начала XIX века при всем своем поэтическом величии и блеске была поэзией несвободного ощущения себя поэзией, и, тем не менее, она продемонстрировала парадоксальное соединение «примет тупика и бесконечного странствия». Поэзия Пушкина стала свободным началом этого бесконечного поэтического странствия – то лирически-личностного, то эпически-отстраненного, то площадно-карнавального, то великосветски-истонченного. Свобода рождается здесь как норма, живет как ценность, уходящая в высшую абстрактную всеобщность и в чувственную, избыточную, пиршественную телесность. Свобода в пушкинской поэзии и пушкинской жизни казалась то великим и ненапрасным даром, то великой и ненапрасной случайностью, то напрасной неотвратимостью.

Поэзия почти всегда экзистенциальная ослепленность частичной действительностью. Пушкин – это, кажется, вся действительность, и в его поэзии и в его образе свободы есть некое божественно-ироническое столкновение с действительностью и с трагическим бытием даже ее комической игры (и всегда в целостности текста и творчества).

Если отринуть страх перед огрублением вещей не слишком изящной лексикой, то можно будет сказать, что Пушкин одновременно и властелин, и пленник свободы, и, как сам он сказал однажды, «свободы мученик, избранник роковой». И это не образ и не метафора, а трагическая изначальность поэзии, жизни и судьбы Пушкина.

Пушкинская свобода в целостности его поэзии разъята на миллион свобод, ушедших от собственной целостности и неотвратно возвращающихся в эту целостность. И, может быть, вся поэзия Пушкина и вся его жизнь вознесены и сражены миром свободы именно и только потому, что он знал, как, может быть, никто другой на всем белом свете, что свободы нет.

ИНТЕНЦИЯ В ДИАЛОГЕ

С.Р. Варгазарян

Имеет ли понятие интенциональности как *общей «устремленности сознания»*, его «*направленности на*» какой-либо предмет (внешний или внутренний для сознания – в данном случае неважно) отношение к языкознанию? Если иметь в виду, что речь (единичное высказывание или их множество в монологе и диалоге) всегда есть *речь о чем-то*, то такая связь просматривается легко. Пропозициональное содержание (предмет) речи должно присутствовать в сознании говорящего, то есть быть предметом интенциональным, чтобы быть представленным в говорении слушающему и им восприниматься. В прагматических же исследованиях, особенно ориентированных на теорию речевых актов, связь устанавливается между *интенциональностью* как всеобщей характеристикой сознания¹ (по Ф. Brentano, а затем и Э. Гуссерлю) и *интенцией* как некоторым *коммуникативным на-*

¹ Обратимся к первоисточнику современного (и специально – прагматического) понимания интенциональности: ««Интенциональность», в том смысле, в каком его используют философы, имеет отношение к тому аспекту психических состояний, благодаря которому они направлены на положения дел в мире, находящемся вне их. «Интенциональность» не связана напрямую с «намерением» в общеупотребительном языке, где, например, может прозвучать такая фраза: «Я намерен сегодня вечером пойти в кино». Намерение – это лишь один из многих видов интенциональности. Убеждения, страхи, надежды, желания и стремления – все это суть интенциональные состояния, равно как и любовь и ненависть, опасения и радость, гордость и стыд. Любое состояние, направленное на что-либо, лежащее за его пределами, есть интенциональное состояние. Так, например, визуальный опыт считается интенциональным, но не направленными ни на что состояния беспокойства к интенциональности отнести нельзя». [23: 51].

То есть представление об интенциональности связано непосредственно с философией сознания и только вследствие этого становится также и представлением философии языка. Однако такой привязанности к философской проблематике, на мой взгляд, в лингвистической прагматике нет, поэтому к понятию интенции можно подходить без оглядки на философию. В Wikipedia (хотя это и не самый солидный источник) так прямо и пишут: “intentionality ... has nothing to do with intention”. Обратим внимание на то, что переводчик Остина А.А. Медникова не использует слово *интенция*, а только *намерение* – см. [19].

мерением говорящего. Последнее выводится за рамки локуции, она уже это пропозициональное содержание как бы обрамляет. И исследуется в сущности только интенция, понятая как коммуникативное намерение. Связь же с интенциональностью как всеобщей характеристикой сознания оказывается несущественной. В данном случае необходимы разъяснения.

Оправданием такой связи может быть представление о том, что в случае с понятием интенциональности мы имеем дело с некоторой бескачественной, поскольку абстрактной, данностью предмета *для* и *в* сознании, в то время как в случае интенции – уже с некоторой экземплификацией, конкретной реализацией этого присутствия в виде некоторого модуса, в данном случае – *коммуникативного*². Это возможно, если предположить наличие различных по типу видов данности предмета *для* сознания (или данности *в* сознании).

Коммуникативная интенция есть один из типов существования предмета для сознания; это намерение, связанное с данностью во внутреннем мире субъекта всех или части обстоятельств коммуникативной ситуации, включая сюда и внутренний мир субъектов общения, которые причиняют, иницируют общение, понуждают к нему. Это намерение естественным образом содержит в себе волевой импульс, выражаемый в речи и направленный *на собеседника*. Интенция в этом смысле, попросту говоря, есть некоторая конкретная *установка говорящего* на произведение определенного эффекта, – эффекта в области межличностных или, можно сказать, микросоциальных (или «микросоциопсихологических») отношений: *похвалить, обидеть, спросить, установить, объявить* и пр., – всего, что можно «сделать словами». Эффект этот достигается речью, но лежит за пределами как словарного значения отдельных произнесенных или написанных слов и высказываний, так и буквального, пропозиционального смысла составленного из них текста. Используемый в англоязычной литературе термин “*intention*” в таком случае легко приобретает

² В примерах интенциональных состояний, приводимых различными авторами, всегда говорится о конкретных видах направленности на объект. Действительно переживаться может только определенное чувство, мыслиться только определенная мысль. Интенциональность же – это нечто общее для всех них отношение принадлежности к сознанию. Близкое к изложенному понимание интенции см. [12, 13].

русское соответствие в слове «намерение», а формы “*to intend, intending*” – в словах «намереваться», «намереваясь».

Однако переведя это слово и приняв в качестве терминологической единицы, мы еще почти ничего не выяснили³.

Вопросы же встают довольно сложные.

1. Является ли коммуникативное намерение, или коммуникативная интенция сознательным явлением⁴? Или же можно говорить также и о неосознанном стремлении добиться какого-то положения дел?

Действительно, можно ли считать, что говорящий совершает сознательный выбор (тем самым, реализуя определенную сознательную интенцию), когда он выбирает язык, на котором собирается говорить (в ситуации двуязычия, как в Армении, это часто совершаемый выбор), тематику (не со всеми обо всем можно говорить) и соответствующий подъязык (скажем, медицину с ее лексикой), и многое другое, – соотнося все это с адресатом? Можно ли сказать, что все выделяемые вслед за Остином и Серлем части высказывания: локуция (= фонация и пропозиция), иллокуция и перлокуция – все являются результатом сознательного действия? Если локуция интенциональна в своей пропозициональной части (а иначе и быть не может), то сознательна ли фонация и лежащая за ней интенция? К примеру, сознательно ли выбран тон – радостный, презрительный или иронический – с которым можно поздравить кого-то с чем-то?

2. Если существуют как сознательные, так и бессознательные интенции, то надо ли их полагать лишь как некоторые строго противостоящие друг другу сущности или можно мыслить некоторую связывающую их шкалу по параметру большей – меньшей сознательности намерения?

Действительно, в равной ли мере представлены в поле сознания все обстоятельства, в которых происходит речевое общение? Скажем, в равной ли мере сознательно двумя мужчинами, говорящими на русском, учитывается присутствие (в пределах видимости и слышимости) женщины? ребенка? иностранца? дру-

³ Так же, как ничего не было ясно и в случае английского *intention*.

⁴ Если считать, что нам известно, что такое сознательное в противоположность неосознанному, бессознательному или вовсе сверхсознательному.

кого мужчины с такими же или иными социокультурными характеристиками?

3. Можно ли говорить о некоторой «стратегической» интенции, определяющей весь ход проговаривания часто очень сложной реплики, существующей наряду с «тактическими» интенциями, как бы управляющими пошаговой линейной реализацией «стратегического» замысла? Если так, то можно ли говорить о стратегической интенции на уровне «*уговаривать*», в отличие от того, как эту интенцию говорящий реализует, приводя множество аргументов, предсказывая возможный ход вещей, говоря о выгоде какого-то поведения и т.д., в отличие от «*посоветовать*», или «*расспрашивать*», то есть (в одном из значений) задавать некоторое множество вопросов, в отличие от «*спросить*» (в одном высказывании), в которых, в частности и реализуются эти стратегические замыслы. То есть возможна ли такая «матрешка»: интенция, содержащая интенцию? Ведь если интенциональность пропозиционального содержания считать за наиболее абстрактную интенцию простого *удержания в сознании*, то любая иллюзия как интенция (модальность) ее **объемлет**.

И еще. Можно ли обнаружить и учесть интенции, выводящие нас за пределы РА, как такие: молодой человек задает вопрос девушке, только чтобы услышать ее голос (чтобы она повернулась к нему лицом; чтобы доказать своему приятелю, что он может с нею заговорить). Или: некто X приказывает что-то У, единственно чтобы убедиться в том, что У еще ему подчиняется.

Не погружаясь в сложности психологического объяснения явления намерения (и не ожидая его), попробуем ответить на эти вопросы не критически, а так сказать «догматически», постулативно приняв в качестве некоторой условности следующее.

Намерение (интенция), понятие как обладающая некоторым модусом направленность психики⁵ на некоторый объект, может быть как осознанным, так и неосознанным⁶. В последнем случае

⁵ Здесь приходится использовать слово «психика», чтобы не впасть в противоречие, говоря о каких-то «неосознанных фактах сознания».

⁶ Мне неизвестны какие-либо четкие критерии их различения, хотя во многих случаях у субъектов общения могут возникнуть гипотезы по поводу сознательности/неосознанности действий говорящего. Так, говорящему могут простить некоторую бестактность, поскольку сказано было что-то «не нарочно», то есть без осознанного намерения кого-то задеть.

можно в качестве эксплицирующих синонимов использовать слова *желание, готовность, устремленность, установка* (в смысле почему-то забытой лингвистами школы Н.Д. Узнадзе) и др. Среди многих видов намерений можно выделить коммуникативное намерение, то есть общее намерение осуществить акт говорения (локуции), а также намерения совершить посредством говорения некоторое социально значимое действие, всегда сопутствующее акту говорения и его обрамляющее, то есть совершить акт иллюкуции. Также можно говорить – как об интенциональной устремленности на предмет – и об *учете* всех сопровождающих говорение обстоятельств.

Намерения могут располагаться на шкале (она может быть не пологой, а ступенчатой), крайние точки которой представлены полностью сознательными явлениями, с одной стороны, и явлениями неосознанными – с другой.

Нужно говорить не только о коммуникативном намерении, относящемся к продуцированию целой реплики, или последовательности реплик в диалоговом взаимодействии, но и о намеренном пошаговом выборе лексики, синтаксических конструкций. В этом случае мы можем говорить о намерении как планировании, проектировании⁷; можно замыслить *похвалить*, а в осуществление этого замысла сказать: «*Молодец! Ты блестяще справился со сложным заданием*»⁸.

Если же мы приобретаем право говорить о множественности речевых интенций (скажем, *похвалить, но чтобы не задрал нос; сделать замечание, но не обидеть* и т.п.), реализуемых в одном РА, то следует вслед за этим признать, помимо их симультанности, также и их многослойность и многовекторность.

Можно, наверное, говорить и о последовательности интенций. Существует некоторая логика (в широком смысле) следования одной интенции за другой. Так, возможна следующая последовательность: *Сообщаю, что противник ..., поэтому приказываю ...*

Можно согласиться с И.М. Кобозевой, что денотаты слов, обозначающих интенциональные состояния, не могут быть непо-

⁷ См. [18] со ссылкой на [35]. Многочисленные диссертации, посвященные различным тактикам в речевом поведении, трактуют именно этот аспект.

⁸ Тогда можно будет говорить о некотором дереве намерений. Представление о многосоставности и сложности интенции близко Ю.Н. Антоновой, с позицией которой я, к сожалению, знаком лишь по автореферату: см. [1].

средственно наблюдаемы [12, 13]. И сейчас, пожалуй, единственным способом выявления интенции является опрос, как это и было сделано авторами известной статьи [4]. Обнаружение интенции в их исследовании естественным образом основывалось на интуиции носителей русского языка. С таким же успехом мы обращаемся к интуиции авторов произведений, представленных в НКРЯ, к интуиции составителей словарей, да и к собственной языковой интуиции тоже. С И.М. Кобозевой можно согласиться еще и по поводу того, что в обнаружении интенции можно следовать и некоторой народной лингвистике – в том числе и путем изучения соответствующей лексики. Хотя сознание трудностей, на наш взгляд, не исключает возможность и необходимость поисков по возможности строгих (формальных) показателей интенции. Однако предварительным условием для этого является необходимость пока интуитивного, а потому и гипотетического определения всех обстоятельств речевого поведения, становящихся основой для появления (до говорения, как факт внутреннего мира), а затем и выражения (в речи) той или иной интенции. Причем в описание интенции как намерения говорящего совершенно необходимо включать и описание того, как учитываются говорящим те коммуникативные обстоятельства, в которых произошло данное речевое событие.

Следствия из этого – многочисленны, значимы и интересны.

Во-первых, нам уже придется говорить не об одном лишь речевом акте в смысле «стандартной теории», то есть об изолированном высказывании, разумеется, несущем в себе как пропозициональное содержание (то есть референцию и предикацию), так и некоторую иллюкуцию (фонацию обсуждать не будем). Давайте взглянем на нижеописанные эпизоды несколько остраненно. 1) В комнату, где расселись около сорока молодых людей, заходит лысый человек в очках и говорит: «Сегодня я вам расскажу ...». И заводит речь о теории речевых актов. Молодые люди ничему не удивляются. 2) Два брата-подростка заняты каждый своим делом, старший возится с моделью корабля, младший готовит уроки. И вдруг старший говорит: «А ты знаешь сколько собрали пшеницы в штате Оклахома еще в 1934 году? – 47 центнеров с га». Слегка опешивший младший брат только и смог подумать: «Ну и что?».

Конечно же, все поймут, что странность в первом случае возникает потому, что не дано вводное описание того, что это все происходит в университете, на филологическом факультете, что в аудиторию вошел профессор, что он читает курс прагматики или что-то подобное и т.д. Во втором же случае не сказано о том, что старшего брата поразил вчерашний рассказ учительницы об урожайности пшеницы в разных странах, и сейчас он, взглянув на хлеб, вспомнил о нем. То есть странность обеих ситуаций возникает в результате нечеткой сегментации [28. СС. 363–364], выделения того, что можно назвать речевым актом, в результате неполноты представления речевого события, в данном случае отсутствия описания предваряющих (а во многих случаях и причиняющих⁹) высказывание обстоятельств.

Естественно полагать, что полный (то есть не только референциальный и предикативный, но и прагматический) смысл какого-либо высказывания становится понятен, только при понимании *всех* обстоятельств, связанных с его продуцированием. Это признает и сам Остин¹⁰. В этой связи особое значение приобретают различные модели акта общения¹¹.

Эти схемы и модели в дальнейшем многими дополнялись. Прежде всего нужно здесь снова отметить статью Н.Д. Арутюновой¹² (написанной, правда, не с прямой целью такого дополнения), после которой функцию адресата нельзя сводить только к одному присутствию и выслушиванию. Адресат – это не только

⁹ Действительно, описание причины некоторого речевого события и, в частности, высказывания во многом может определить наше понимание его значения. Но здесь я вижу некоторую опасность излишней психологизации и погружения во всякие психологические комплексы, особенно в случае объяснения так важных для психоанализа оговорок и проговорков и пр. Но уместна оглядка на понятия потребности и мотива. Они вводят нас в теоретический контекст, связанный с трудами Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева.

¹⁰ Остин пишет, что «мы должны учитывать целиком всю ситуацию высказывания...» [19. С. 56] правда, никак и нигде не определяя, что он включает в нее, а также никак и нигде не стараясь учесть элементы этой ситуации.

¹¹ Кроме почему-то не упоминаемой лингвистами формулы Г. Лассуэлла (кто, что, кому, по какому каналу, с каким эффектом говорит), необходимо отметить общезвестную модель Р.О. Якобсона [33], см. также [10] и [9, 93 и далее].

¹² «... адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего» [6. СС. 356–357]. Мало того, Н.Д. Арутюнова говорит о *модели* адресата в сознании говорящего.

большое ухо (пусть и с мозгами), он уже полноправный и активный участник речевого события, воздействующий на речевое поведение говорящего. Статья Н.Д. Арутюновой может помочь преодолению некоторого натурализма в восприятии компонентов речевого события (ниже РС). Дело в том, что существование различных сторон РС представляется многим исследователям примерно так же, как и существование табуретки, на которой может сидеть говорящий или слушающий, как грозовые облака, о которых они говорят и т.д. Но ведь говорящий ведет себя в соответствии не только с физическим присутствием адресата. Не это важно. А важно то, что говорящий *учитывает* пол, возраст, социальный статус, а также некоторые “внутренние” параметры (знания, настроение, возможности реагирования на реплику и пр.) собеседника. Причем нет никаких гарантий истинности всех его предположений по поводу «действительных» сущностей. Важен единственно *образ* адресата, его социокультурный портрет. То есть мы можем говорить не о существовании адресата, каков он «на самом деле», а о его отраженном говорящим образе. И, разумеется, нет гарантий истинности предположений также и у адресата по поводу интенций говорящего, его фоновых знаний, социокультурного статуса и пр. Нет тождества и в том, что называется общим для говорящего и адресата фоновым знанием, восприятием актуальных обстоятельств общения и т.д. Фоновые знания говорящего и адресата лишь подобны. Во всяком случае, мне представляется, что более или менее ответственная гипотеза может быть построена не на представлении о тождестве фоновых знаний, а только их подобии.

Точно так же не стоит говорить и об окружающих обстоятельствах как об условиях объективных и действительных. Участники речевого события не решают в каждом случае речевого общения основной вопрос философии, приписывая этим обстоятельствам действительное и объективное существование. Напротив, снег для инвалида – это нечто досадное, это невозможность обычного передвижения на костылях, для подростков же – повод для веселья.

Представим такой эпизод: младший брат говорит старшему (учитывая присутствие матери): «*Дай, пожалуйста, мне тетрадку*». Старший дает. Вот как это может выглядеть с точки зрения участников этого речевого события: 1) с точки зрения говорящего

(попросил вежливо, как мама требует, тетрадку и получил ее), 2) с точки зрения слушающего (дал тетрадку, чтобы отвязался, а то весь вечер будет канючить), 3) с точки зрения третьего лица, матери (ребята научились нормально общаться, выросли) и, наконец, 4) с точки зрения лингвиста (наличествует перформатив **прошу**, речевой акт завершился успешно, поскольку достигнут перлокутивный эффект).

С другой стороны, основным условием успешности речевого акта является **распознавание адресатом намерения** говорящего совершить именно этот иллокутивный акт. Нам же представляется, что распознавание каких-либо сущностей нематериального порядка за, по ту сторону чисто физического процесса фонации, то есть существование смысла и значения какого-либо речевого произведения всегда принадлежит адресату (в том числе и говорящему, поскольку он всегда выступает **для себя** в роли как планирующего до и в процессе говорения, так и адресата в течение того же процесса). Намеренность, продуцирования каких-либо знаков или знакоподобных явлений устанавливается (может быть и ошибочно) адресатом и часто независимо от действительной интенции отправителя. К примеру, пятилетний мальчонка может нарисовать угол, а затем преречеркнуть его, получив фигуру А, или нарисовать кружок, что для взрослого может выглядеть как заглавные буквы А и О и означать **для него**, что мальчик очень способен, раз в четыре года уже усвоил хотя бы две буквы.

Полностью смысл и значение высказанного говорящим могут быть вскрыты только в диалоговом взаимодействии. Адресат, как в теории речевых актов, так и в представлениях П. Грайса [36, 37] стыдливо выносятся за скобки, хотя очевидно, что эффективность речевого акта определяется реакцией адресата, а значение говорящего, по Грайсу, есть значение говорящего **для слушающего**, имплицит же – есть нечто сокровенное и выражаемое косвенно **для адресата**, а не говорящего.

Поведение адресата в конечном счете и определяет, состоялся ли речевой акт вообще и привел ли он к желаемому результату. Однако не следует эффективность речевого акта связывать единственно с осуществлением желания, высказанного или не высказанного говорящим. Адресат, даже выполнив просьбу или приказ говорящего, может прочесть в сказанном совсем не то, что тот хотел адресату передать.

Тем самым, мы должны прийти к выводу, что интенция должна исследоваться в речи, в диалогическом режиме¹³, когда только и возможна вскрывающая, дешифрующая интенцию говорящего реакция адресата.

Отношение адресата к говорящему и его речевой продукции может быть трех типов.

Во-первых, восприятие речевого поведения, включая паралингвистику, просодию, выбор тематики и лексики, как невольное, спонтанное выражение некоторого состояния, как набора симптомов (ср. [31]) текущего состояния говорящего, и многого другого, в частности, его принадлежности к определенной социокультурной группе. Сугубая вежливость, с которой обращается к студенту преподаватель, может – и вполне справедливо – быть прочитана студентом как показатель того, что им недовольны.

Во-вторых, осознание адресатом интенции говорящего и соответствующая – физическая или речевая – реакция адресата.

В третьих же – это восприятие чужой речи и сопутствующего поведения как чего-то нарочитого, как игры и притворства, как некоторой демонстрации, содержащей уже иную интенцию: «*я хочу, (ты должен) чтобы ты воспринял меня таким*». К этому уровню можно отнести, в частности, лесть и иронию.

¹³ Е.В. Падучева [21. С. 4] различает нарративный и речевой режимы существования языка. При этом она упоминает родственные представления у Э. Бенвениста: «план *истории*» (или «*исторический план* сообщения») и «план *речи*» [8. С. 270]. У Бенвениста определения этих понятий нет. С таким разделением у него связано различие значения времен французского языка. Нет определения коммуникативных режимов и у Е.В. Падучевой. Оно, наверное, появится в скором будущем, хотя и сейчас, можно сказать, ясно, что разговор о случившемся или воображаемом будущем, а также описание происходящего сейчас, как в спортивном репортаже, – все это относится к нарративному режиму, а чисто речевое взаимодействие – к диалогическому. Но если возможно единство интуитивных представлений о них, то можно ввести представление и об их взаимосвязи. С коммуникативной точки зрения можно различать несколько возможных режимов употребления слова или выражения: 1) режим чистого диалога; 2) режим цитации, то есть появления в актуальном диалоге наррации или чужого диалога; 3) режим чистой наррации (хотя наррация всегда существует в диалоговой рамке *обращения* автора к адресату, не всегда эксплицированной, (сам факт публикации какого-либо текста и есть обращение); 4) режим переизложения, то есть нарративного воспроизводства чужой наррации или чужого диалога. Разумеется, здесь возможны промежуточные или смешанные варианты. Здесь речь идет единственно о чистом диалогическом режиме.

Такое деление возможно, разумеется не для всякого адресата и не во всех обстоятельствах, но и его надо учитывать. Проанализируем придуманный Серлем пример [24. С. 160]. Американский солдат взят в плен итальянскими войсками. Солдат хочет внушить итальянцам, что он немецкий офицер. Итальянского он не знает вовсе, а на немецком помнит единственную строчку из выученного в школе стихотворения – “Kenst du das Land, wo die Zitronen blühen”. Сказав это, солдат пытается убедить итальянцев, что он немецкий офицер, но это, по Серлю, невозможно, поскольку «то, что мы можем иметь в виду», является функцией того, что мы говорим. А сказана лишь строчка из Гете о стране, где цветут лимоны, за которой в качестве имплицитного содержания не может быть «Я немецкий офицер». Но это возможно только при условии буквального понимания данной фразы. Итальянцы же, услышав немецкую речь пленного, могли рассуждать на нескольких уровнях: а) пленный говорит по-немецки, значит, он владеет немецким (говорение на немецком – **симптом** владения немецким); б) пленный говорит по-немецки, значит он немец (говорение на немецком – **симптом** того, что он немец; в) пленный говорит по-немецки, значит он хочет показать, что он знает немецкий (говорение на немецком свидетельствует о **намерении** внушить, что он знает немецкий; г) пленный говорит по-немецки, значит **он хочет показать**, что он немец (говорение на немецком свидетельствует о **намерении** внушить, что он немец); и, наконец, д) пленный говорит по-немецки, **притворяясь** немцем. Здесь, конечно, трудно «дотянуть» до заключения «пленный говорит по-немецки – значит он немецкий офицер», но и представления о том, что он немец, хотя бы и рядовой, вполне достаточно.

Успешность РА также сложна. Это успешность с точки зрения говорящего (адресат выполнил просьбу, приказ, положительно откликнулся на ходатайство, прислушался к рекомендации, совету, выполнил поручение и т.д.) и успешность с точки зрения адресата: 1) на симптоматическом уровне, когда адресат догадался (или ему так кажется) о скрытой мотивации говорящего; 2) на уровне явной интенции; 3) когда адресат распознал интенцию за игрой и притворством (иронию, мнипуляцию, обман и т.п.).

Не будем забывать, что позиция лингвиста тоже есть позиция адресата. Он слышит речь вместе со слушающим, он воспринимает ответную реплику вместе с инициатором данного речевого эпизо-

да, наконец, он может встать на позицию третьих лиц, тоже своего рода адресатов. Правда, сейчас уже можно говорить о том, что лингвист стремится к учету и синтезу всех трех позиций.

О важности адресата и необходимости исследования языковых явлений в диалогическом режиме говорит и следующее явление. Если просмотреть список русских перформативов [2], то можно заметить, что некоторые преформативные глаголы либо могут употребляться для выражения реакции адресата на предшествующее высказывание, либо даже специально предназначены для этого. Невозможно представить, чтобы какое-либо речевое событие начиналось с реплики инициатора «*Клянусь*» или «*Отрицаю*» (в логическом смысле), или «*Утверждаю*» (в смысле санкционирую)¹⁴. Предмет клятвы, отрицаемое высказывание (теория, концепция, гипотеза и т.п.) и утверждаемое нечто, (к примеру, план мероприятий) должны быть даны *до* всех этих перформативов. Произнести эти перформативы может только лицо, бывшее за секунду до этого адресатом, и только в связи со смыслом сказанного ему в предшествующей реплике: А. «*Ты сделаешь это?*» – Б. «*Да, обещаю!*» К этому типу глаголов относятся: *отрицать, подтверждать, признаваться, сознаваться, давать обещание, давать (честное) слово, клясться, обещать, обязываться, воспрещать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, санкционировать, признавать, соглашаться (согласен), возражать, оспаривать, отказываться* (делать что-либо), *протестовать, одобрять, приговаривать* (к наказанию), *оправдывать, отпускать* (грехи), *прощать*.

Эти глаголы, то есть глаголы, которые употребляются преимущественно или только в ответ на реплику инициатора диалога, можно было бы назвать глаголами адресата, или глаголами второго такта. Но можно встретить и случаи употребления этих глаголов уже и на третьем такте диалогового общения: Г. – *Надо бы сходить за хлебом. А. – Да хватит хлеба. Г. – А я говорю*¹⁵ *надо!*

Другим примером того же рода, то есть относящихся к широко распространенным откликам на чужую речь, будут так назы-

¹⁴ Мысленный эксперимент, при котором мы помещаем реплику в более или менее четко описываемое речевое событие, может стать тестом для определения места и роли данной реплики в диалоге.

¹⁵ Ю.Д. Апресян не считает *говорить* перформативом (см. [3]), ср. [15]).

ваемые коммуникативы¹⁶, или коммуникемы¹⁷. Из отмечаемых в литературе свойств этих явлений здесь подчеркнем следующие: идиоматичность, «семантическую опустошенность» и принадлежность адресату, реагирующему на реплику инициатора (подчеркиваемые И.А. Шароновым), непредикативность, нечленимость, эмоциональную и стилистическую окрашенность, ситуативность (что И.А. Шаронов отрицает или понимает иначе, чем здесь).

Коммуникативы (коммуникемы) могут служить диагностическим средством, определяющим тип или конкретную интенцию. Так, отказы легко распознаются в коммуникативах *еще чего, дудки, нетушки, фигушки, щас, только инурки поглажу*; обвинения – в выражении *креста на тебе нет*; согласие сделать – *ладно, ладушки, так и быть*; согласие с некоторым описанием положения дел или предположением – *так и есть, наверняка, как пить дать, в том-то и дело*; удивление – *Вот как! Вон оно! Ну и ну, во дела*; угроза – *только попробуй*¹⁸.

Глаголы второго такта, коммуникативы и соответствующие перформативы и многие другие глаголы говорения могут стать показателями интенции говорящего.

Взглянем на РА с другой стороны. Если следовать Остинову различению, то разумеется, что в локуции «содержится» все – как семантическое, так и прагматическое – содержание выражения. Представление о локуции содержит в себе не только фонацию и другие формальные признаки высказывания, лексику как результат выбора из многих лексических (а в русском – и морфологических) возможностей, но также и пропозицию¹⁹.

Через локуцию, очевидно, выражается и иллюкуция (и соответствующая интенция). Ее разворачивание говорящим для адре-

¹⁶ См. в частности [27, 28].

¹⁷ См. [16, 17] О различных подходах к этим явлениям, различных их обозначениях и классификациях см. очень полезное обсуждение в [14: 43 и далее].

¹⁸ Часть примеров (но с моими толкованиями – С.В.) принадлежит И.А. Шаронову (см. ук. соч.).

¹⁹ Здесь возможен взгляд, согласно которому вопросительные и восклицательные предложения пропозициональным содержанием не обладают и речь может идти только о некоторой «содержательной части» подобных высказываний (таких как «дезидератум» для вопросительных предложений (см. [7])). Пропозициональное содержание, или пропозиция, в данном тексте понимается как та часть содержания высказывания, которая может быть оценена как истинная или ложная в логическом смысле.

сата осуществляется не всегда прямо и непосредственно, и потому, конечно же, часто связано с необходимостью выявления имплицативной в широком смысле стороны высказывания. Удачное (с точки зрения говорящего) выявление этих «скрытых» частей содержания адресатом может привести его поведение (физическое или речевое) в соответствие с некоторыми ожиданиями говорящего – перлокуцией.

Соответственно этому, по необходимости грубому различию можно выделить и возможные реакции на них адресата. Все они обозначаются словами говорения. Фонация может характеризоваться следующими единицами: *акать, басить, бормотать, бубнить, бурчать, вопить, ворчать, воскликнуть, выкрикнуть, гаркнуть, гнусавить, гоготать, гундосить, заикаться, икать, картавить, кричать, кряхтеть, лепетать, нюнить, окать, орать, охать, пищать, реветь, рычать, сипеть, скандировать, стрекотать, стонать, тараторить, хмыкнуть, шелелявить, шептать и пр.* Отметим, что эти и другие слова указывают не только на внешнюю, формальную сторону произнесения высказывания, но и на ее спонтанность²⁰, и могут быть отнесены к средствам фиксации адресатом **симптоматической** стороны речепроизводства.

Пропозиция (если ее наличие признано) становится стимулом для согласия или несогласия слушающего – согласия или несогласия с логической истинностью данной пропозиции²¹. Однако возможен и третий вариант, когда пропозициональное содержание просто принимается во внимание, учитывается, но по разным причинам не становится фактом сознания, частью убежде-

²⁰ Впрочем, не всегда – картавить и грассировать можно было когда-то в подражание «дворянскому» произношению: «Старший брат отучил картавить просто: задал хорошую трепку...» Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001. Пример из НКРЯ.

²¹ Ср. перечисление таких возможных соответствий: «1. Естественной реакцией на утверждение будет подтверждение (и, быть может, развитие идеи) или возражение. 2. На вопрос – ответ (своей структуры для каждого типа вопроса). 3. На побуждение – согласие или отказ. 4. Для речевых актов, которые Серль относит к категории экспрессивов, то есть для благодарностей, извинений, поздравлений и пр., уместные ответные реакции тоже четко регламентированы. Кроме того, естественной реакцией на любое из этих высказываний будет переспрос или уточняющий вопрос...» [20. С. 307].

ний адресата или становится им лишь «в какой-то мере»²². Тем самым здесь уже возможно представление об истинности и лжи и согласии и несогласии как крайних точках некоторой шкалы.

Согласие или несогласие адресата возможны и на других основаниях. Известно, что просьба, скажем, просьба гостя передать пресловутую соль может вызвать совершенно разные реакции – физической передачи соли; передачи соли с замечанием «Соль вредна»; отказа «У нас дома соли не едят» и т.п. Предложение заключить сделку находит свой ответ в согласии, несогласии или в просьбе дать подумать. Однако согласие/несогласие здесь не логического свойства – это всегда не оценка истинности, а согласие/несогласие вступить в определенные личные и/или социальные отношения, при котором особую важность приобретают социальные, этические, эстетические и иные внелогические соображения и критерии. Такие реакции и выражающие их глаголы, вероятно, также можно рассматривать как опять-таки соответствующие точкам некоторой шкалы.

В качестве диагностического средства для определения интенции говорящего могут быть использованы и глаголы речевых действий, среди них специально те, что употребляются в реплике-реакции. Однако здесь могут встретиться некоторые затруднения.

Помимо чистых случаев можно встретить такие названия речевых действий, которые либо неопределенны по своей семантике, либо не имеют в силу разных обстоятельств диагностирующей силы.

Так, глаголы речевых действий в репликах-реакциях могут обозначать как речевую, так и поведенческую реакцию (*хитрить, юлить, третировать, соблазнять, унижать и унижаться, ухаживать, кокетничать, обмануть, надуть, ободрить, обидеть, оскорбить*²³) в отличие от тех, что обозначают только речевую – *возразить, опспорить, извинить, опровергать, опротестовать, отвергать, отвечать, парировать*.

Некоторые глаголы могут не только обозначать речевое действие, но и употребляться в стативном смысле, обозначая некото-

²² Эпистемическая логика и особенно эпистемическая логика, сопряженная с теорией нечетких множеств, описывает область этих отношений между субъектом и его знанием (knowledge) и мнением (belief) [35]. Лингвистический анализ см. [3]

²³ Примеры Н.Д. Арутюновой, см. [6: 643]

рое внутреннее состояние: ср. – *одобрять, осуждать*, тогда как *одобрить*, а также *осудить*, можно только словами.

Не могут быть использованы в качестве диагностирующих единиц такие глаголы речевых действий, в употреблении которых возможно так называемое иллокутивное самоубийство, как *отбрехаться, отбрыкаться, отговариваться, огрызнуться, оборвать, обрезать, одернуть, осадить* (наглеца) или *отбрить, отрезать, отрубить* – при необходимости быть резким с собеседником).

Близки этим глаголы, которые невозможны в диалогическом режиме, но только в нарративном: **я вторю, *я дакаю* – они могут появиться только при пересказе, но не в живом диалоговом взаимодействии (*И каждым вздохом, каждым нервом Я вторю высшим духам сфер.* [И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960–1965)] – НКРЯ). Я не обнаружил в НКРЯ вхождений этих глаголов и в императиве, характерном для диалогического режима.

В качестве заключения рассмотрим две гипотезы.

Первая касается возможности создания некоторого каталога коммуникативных пар, то есть реплик-стимулов и реплик-реакций с толкованиями последних как диагностирующих в стимульных выражениях определенные интенции или ее тип. Этот каталог мог бы выглядеть так:

Интенция инициальной реплики с точки зрения адресата	Реплика-реакция
Просьба, предложение, совет, на которые надо ответить отрицательно	<i>Еще чего; дудки; нетушки; фигушки; еще чего; ни боже мой.</i>
Неподобающее поведение или высказывание	<i>Креста на тебе нет;</i>
Сообщение о том, что получена или обещана инициатору и/или адресату только часть потребного (или хуже требуемого качества)	<i>И то хлеб! ну, хоть так; и на том спасибо!; ну и ладно; сойдет;</i>
Мнение, объяснение чего-то, с чем адресат согласен	<i>То-то и оно; а как же. (вот) именно; не говори;</i>
Вопрос, требующий положительного ответа	<i>Да; конечно; а как же; в том-то и дело;</i>
Описание некоторого положения дел	<i>Ясненько-понятненько; не иначе; конечно; естественно; разумеется;</i>

Предположение (предвидение) или объяснение некоторого положения дел	<i>Наверняка; как пить дать; а как же; как же иначе;</i>
Неожиданное сообщение	<i>Во дела! Да ну!</i>
Предложение чего-то, что должно быть с гордостью отвергнуто	<i>Очень нужно!; велика радость!</i>
Угроза со стороны говорящего	<i>Только попробуй</i>
Сообщение об угрозе со стороны третьего лица, предсказание чего-то отрицательного	<i>(Ну и) пусть!; пускай!;</i>
Необоснованная просьба, необъясненное поведение, сообщение о намерении что-то сделать говорящего или третьего лица в передаче говорящего	<i>Это еще зачем?!</i>
Требование обещать	<i>Обязательно; конечно; обещаю; клянусь;</i>
Просьба	<i>Ладно; ладушки; так и быть;</i>
Угроза адресату или третьему лицу, сообщение о намерении совершить нечто отрицательное	<i>Не стоит.</i>
Вопрос типа “Как дела? Как здоровье?”	<i>(И) не спрашивай.</i>
Неожиданное, удивительное, сомнительное известие	<i>(Да) Неужели? Не может быть!</i>
Выражение, требующее подтверждения	<i>Правда?</i>
Просьба, на которую надо ответить согласием	<i>Ради бога!;</i>
Выражение, требующее пояснения	<i>Что так?</i>
Негативное предположение, предсказание и т.п.	<i>Не дай Бог.</i>
Сообщение о намерении совершить некоторое неподобающее действие	<i>Ты что?;</i>
Неуместный вопрос или навязчивые расспросы	<i>Не ваше (твое) дело!</i>
Удивительное и/или возмутительное сообщение	<i>Ну и ну. Подумать только! Вот те на!</i>
Незавершенная речь, необходимость перейти к объяснению, выводам	<i>Ну и... То есть? В смысле?</i>

Неуместные речевые действия: злословие, клевета, отрицательные предположения	<i>Побойся(-тесь) Бога!</i>
Сообщение, не вызывающее доверия, требующее уточнения, подтверждения	<i>Разве?</i>
Просьба, требование	<i>Сделайте милость!; Что за вопрос.</i>
Вопрос о чем-то тривиальном	<i>Ну да.</i>
Преувеличение в сообщении о себе, похвальба, хвастовство	<i>Скажи(-те) (на милость)! Ой ли?</i>
Неожиданное известие	<i>Да что (ты) вы!; Что вы.</i>
Неприемлемое предложение	<i>Ни в коем случае!; Ни за что!</i>

Вторая гипотеза содержит предположение о том, что возможна некоторая шкала²⁴, на которой могут располагаться различные типы выражений в зависимости от **меры прозрачности для интенции**. В первом приближении она может выглядеть так:

1. Перформативы – как наиболее чистые и непосредственные формы выражения интенций.

2. Модифицированное употребление перформативных глаголов – *должен обещать, хочу обещать, могу обещать*.

3. Коммуникативы и коммуникемы (а также в силу их идиоматичности – косвенные речевые акты [25]).

4. Глаголы речевых действий (при условии учета вышеприведенных обстоятельств).

5. Каузативные глаголы, называющие действия, вызывающие некоторые внутренние состояния. Здесь, однако, надо иметь в виду, что каузативам этого типа *сердить, гневить, раздражать* в качестве эффективов, или результатов, соответствуют не только однокоренные слова (*сердить – сердиться, гневить – гневаться* и т.п.). Здесь можно говорить не только об одно-однозначном отношении, но и много-многозначном, когда некоторому множеству глаголов, обозначающих причины, можно сопоставить другое множество глаголов, обозначающих соответствующее результирующее состояние; ср. множество каузативов *бе-*

²⁴ И.Б. Шатуновский [32], анализируя различные способы косвенного выражения смысла, располагает их в такую последовательность, которую также можно воспринять как некоторую шкалу.

силь, возмущать, выводить из себя, выводить из терпения, вызывать недовольство, гневить, действовать на нервы, досажда-ть, дразнить, злить, злбить, играть на нервах, испытывать терпение, нервировать, ожесточать, озлоблять, приводить в гнев, вызывать гнев, приводить в негодование, раздражать, разъярять, сердить и множество соответствующих эффективов (результативов) беситься, буйствовать, бушевать, быть вне себя, возмущаться, выходить из себя, выходить из терпения, гневаться, звереть, злиться, злбиться, злбствовать, кипятиться, лезть на стену, лопаться со злости, лютовать, метать громы и молнии, негодовать, неистовствовать, ожесточаться, приходи-ть в бешенство, приходиться в ярость, пылать гневом, разъя-ряться, распалаться, рвать и метать, сатанеть, свирепеть, свирепствовать, сердиться, серчать, стерженеть, яриться.

6. Затем *особые глаголы* (большой частью непрямого упот-ребления) выражения – *процедил сквозь зубы, бросил* и т.п.

7. Наконец, наречия, прилагательные и существительные также могут быть средствами фиксации интенций (*высокомерно промол-вил, презрительно кинул, ласково проговорил, цветистая речь, лю-бовное воркование*). Хотя использование их в качестве диагностиче-ских единиц выводит нас за пределы диалогического режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю.Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2006.
2. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 45. № 3, 1986.
3. Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1, 2001
4. Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г. Справочник «Интенции диалогиче-ского общения и их стандартные реализации» // Русский язык за рube-жом. № 5–6, 1993.
5. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата. // Известия АН СССР. Сер. литера-туры и языка. Т. 40. № 4. 1981.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки рус-ской культуры, 1999.
7. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981.

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
9. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
10. Долинин К.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985 (в дальнейшем – несколько изданий).
11. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
12. Кобозева И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) НТТР // WWW & DIALOG-21.RU/ARCHIVE/2003/КОВОЗЕВА.НТМ.
13. Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Научный доклад ... представленный к защите на соискание уч. ст. доктора филол. н. М. 2003.
14. Колокольцева Т.Н. Специфические единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
15. Красина Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний. Дисс. ... доктор филол. н. М., 1999.
16. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Изд-во Ростовского государственного педагогического университета. Ростов-н/Д, 2004.
17. Меликян В.Ю., Краснов В.А. Словарь коммуникем русского языка со значением волеизъявления. Ростов/н-Д. 2005.
18. Моцева С.В. Компоненты речевой интенции и параметры речевого общения. // Известия вузов. Сер.: «Гуманитарные науки». Т.4. Вып. 1, 2013.
19. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
20. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога. Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 42. № 4, 1982.
21. Падучева Е.В. Вводные глаголы, речевой и нарративный режим интерпретации. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Zhivovu-4.pdf>.
22. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010.
23. Серль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс Традиция, 2004.
24. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.

25. *Серль Дж.* Классификация речевых актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
26. *Серль Дж.* Косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
27. *Стросон П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
28. *Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986.
29. *Шаронов И.А.* Коммуникативы и методы их описания – <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/84.htm>.
30. *Шаронов И.А.* Проблемы описания русских коммуникативов, состоящих из служебных слов // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. Т.12. Вып. 3. 2012.
31. *Шаронов И.А.* Коммуникативные возможности симптоматики// Логическая и лингвистическая прагматика. К столетию Г.П. Грайса. М., 2013. Устное сообщение (http://www.youtube.com/watch?v=0JpfV0ARX_4)
32. *Шатуновский И.Б.* 6 способов косвенного выражения смысла. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Shatunovskij.htm>.
33. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.
34. *Bratman M.* Intention, Plans and Practical Reasoning. Harvard University Press, Cambridge: MA, 1987.
35. *Gounder, Ramasamy S. and Esterline, Albert C.* Fuzzy Versions of Epistemic and Deontic Logic. The NASA Center for Autonomous Control Engineering (www.researchgate.net/...)
36. *Grice H.P.* Meaning. The Philosophical Review, Vol. 66, No. 3. (Jul., 1957).
37. *Grice H.P.* Utterer's Meaning and Intention. The Philosophical Review, Vol. 78, No. 2. (Apr. 1969).

РУССКО-АРМЯНСКИЕ СЛОВАРИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

А.Г. Саркисян

Современное состояние и пути дальнейшего развития русско-национальной лексикографии, которая, по словам Ю.Н. Караулова, является одним из «каналов нашей науки, русистики, и таким образом дает нам непосредственный выход на каждого члена общества» [6, с. 5], не может не тревожить армянских русистов.

Уже в XVI веке в восточнославянской действительности формируются новые принципы составления словарей, в частности, постепенно утверждается алфавитный принцип расположения материала. С появлением книгопечатания выходят в свет и печатные словари. Первый из них, *Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диалект истолкованы Лаврентия Зизания Тустановского*, был опубликован в Вильно (Вильнюсе) в 1596 году. В 1783 году была учреждена Российская Академия, в которой развернулся национальный лексикографический проект, во многом аналогичный словарному проекту Французской Академии. Результатом его стал Словарь Академии Российской, вышедший в 6 частях в 1789 – 1794гг.

Времена менялись, русско-национальная лексикография и читатели менялись вместе с ними. Сейчас изучающим русский язык армянам приходится сталкиваться лишь с несколькими «классическими» видами словарей: толковыми, орфографическими, орфоэпическими и, конечно, переводными. Реально же разнообразие типов словарей больше: они представлены в русско-армянской лексикографической традиции и многие из них доступны армянскому читателю.

Известно, что первичная функция словаря заключается в описании значений слов, причем словарные описания, или толкования, должны быть ясными и понятными, по возможности без использования в них таких слов, которые менее употребительны и менее понятны, чем само толкуемое слово.

Для изучающего русский язык важно знать, какими словарями он может воспользоваться и какую информацию он может в них найти. Лексикографическая же продукция становится все более разнообразной и сложной, даже грамматический материал в последние десятилетия стал организовываться в виде словарей. Появились морфемные, словообразовательные, грамматические, синтаксические словари. В связи с этим в русистике появилось мнение о лексикографизации современной лингвистики. [18, с. 5]. Э.Г. Шимчук, говоря о «взлете» русской лексикографии в последней трети XX века [там же: с. 204], несомненно, права. Сегодня, конечно, времена и требования читателей изменились, ибо Интернет и электронные ресурсы изменили во многом взгляды и требования пользователей.

Выше мы указали, что в число средств обучения иностранным языкам современная методическая наука включает не только учебники и пособия, но и произведения лексикографического жанра. Словари, как преданные друзья, в любую минуту оказывают нам помощь во всех отношениях. И недаром языковед В.Н. Сергеев свою книгу для школьников о словарях русского языка назвал «Словари – наши друзья и помощники. Книга для внеклассного чтения учащихся 5 – 7 классов» [17, с. 7].

В последние годы, когда на книжном рынке резко повысился спрос на всякого рода словари и справочники, особенно двуязычные, понятно, что появилось и предложение. Появились словари, авторы которых может и являются выдающимися учеными в своей области знания, но никак не специалистами-лексикографами. Об этом еще в восьмидесятые годы XX века писал заведующий отделом учебной лексикографии Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина В.В. Морковкин в статье «О базовом лингвистическом знании»: «Однако к созданию словарей обратилось значительное количество лиц, которые не обладают для этого ни должными знаниями, ни необходимыми навыками. Многие из них были введены в заблуждение кажущейся простотой словарного дела» [11, с. 103].

Для любого специального словаря очень важен фактор ориентации: на кого, на какого потребителя ориентирован такой словарь. Сегодня отраслевые специальные словари как одноязычные, так и дву- и многоязычные предназначаются (в отличие от времен «самого читающего народа») специалистам и учащимся. Эти

адресаты: 1) либо понимают, о чем говорится в словарной статье и хотят убедиться в этом или уточнить что-то; 2) либо, имея лишь определенные знания в этой области, желают углубить свои познания. Всем им нужны специальные отраслевые энциклопедии или терминологические толковые словари. Нам представляется, что эти словари должны: требовать мало времени на поиски нужного слова или его значения; иметь максимально обозримые статьи; иметь по возможности много иллюстративных примеров.

К такому типу словарям относятся учебные словари, «лексикографические произведения любого типа и объема, специально предназначенные для оказания помощи в изучении языка как средства общения и сообщения» [11, с. 104]. Они входят в раздел учебной лексикографии, особой части педагогической лингвистики, прикладной дисциплины, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях.

Для читателя важно знать, какую информацию он может найти в данном словаре, т.к. в последнее время появились, например, новые лингвистические специализированные (аспектные или профильные) словари: орфоэпические, словообразовательные, морфемные, словообразовательные, грамматические, синтаксические и др.

Переводные словари, в которых языковые единицы одного языка описываются средствами другого (других), возникли раньше прочих типов словарей. Их появление определялось потребностью понимать тексты на чужих языках. Переводные словари известны большинству людей: без них нельзя обойтись при изучении иностранного языка, при переводе. Условно двуязычные словари принято делить на краткие, средние и большие, и каждый из этих типов имеет свой круг пользователей. Школьникам, например, изучающим русский язык, нужен небольшой словарь, который может дать четкий ответ на несложный конкретный вопрос. Если он будет стремиться пополнить свои знания изучаемого языка, он должен обратиться уже к «большому» словарю, то есть переместиться в другой «полюс» пользователей, которые ищут в словаре ответы на более сложные вопросы.

Вхождение в человеческую жизнь компьютеров привело к активизации информационно-коммуникативных процессов, следствием чего явился бурный количественный рост терминов в раз-

личных отраслях знания, а этот процесс породил и такое явление как «терминологический взрыв». Причинами такого «взрыва», по мнению авторов пособия «Лингвистические основы учения о терминах» Б.Н. Головина и Р.Ю. Кобрин, являются: «необходимость создания новых терминов для номинации вновь появляющихся научных и технических объектов; неблагоприятная терминологическая ситуация во многих областях знания, связанная с явлениями многозначности и нечеткости терминов, сложности их семантико-грамматической структуры; необходимость создания терминологического обеспечения современных информационных систем; возрастающая потребность в терминологических словарях для перевода, обучения и практической профессиональной работы» [3, с. 5 – 6]. Появление новых реалий, понятий и терминов, их обозначающих, требует: 1. их объяснения; 2. поиска их дефиниций в книжной продукции. Само построение словаря, в отличие от книги, облегчает читателю поиск нужной информации, а этот более доступный поиск заставляет обращаться чаще к словарям, чем к учебникам. Рассмотрение указанного явления выходит за рамки нашего исследования, но оно также послужило поводом для «словарного бума» на книжном рынке постсоветского пространства. Особенно этот «бум» сказался на рынке переводных словарей русско-иноязычных и иноязычно-русских.

В армянской действительности «потребность в терминологических словарях для перевода» ощущалась еще в далеком V веке, когда началась деятельность переводчиков нового поколения, то есть в том самом V веке н. э., когда великим Месропом Маштоцем были изобретены армянские письмена. Много иноязычно-армянских и армяно-иноязычных словарей было написано до середины XX века, когда в восточноармянской действительности «развернулась борьба, направленная на сохранение родного языка свободным от излишних слов и терминов» [5, с. 201].

В советское время, с 1924 по 1929 гг., было издано 6 русско-армянских и 1 армяно-русский словарь, что говорит об интенсивном развитии армянской терминологии, в частности, по медицине, юриспруденции, бухгалтерскому, военному, железнодорожному и строительному делу. В 30-ые годы были изданы два трехязычных (латинско-русско-армянских) словарей анатомических и медицинских терминов и один русско-армянский. Данные времен становления терминологии наук, единицы которых не

были известны армянскому языку и были взяты им, в основном, из русского языка или через посредство его, говорят о том, что в армянской лексикографии еще не было принято никаких регламентирующих правил. И лишь в середине 70-х годов 20-го века было принято четкое решение вопроса о критериях международной терминов. «Суть его, как известно, состоит в установлении единых, координированных понятий, каждое из которых передается национальной формой терминов, а не излишними заимствованиями так называемых “международных терминов”, сравни, например, в “Карманном словаре атеиста”, переведенном в восьмидесятые годы на армянский язык» [Ю.А. Бахникин, М.С. Белинкий, А.В. Белов и др. Карманный словарь атеиста. Пер. на арм. яз. Ереван: Изд-во Айастан, 1983. 308 с.], [5, с. 217 – 218].

Известно, что новые термины в языке создаются или на основе иноязычных прямых заимствований и калькирования, или на основе внутренних ресурсов языка. Известно также, что к числу наиболее продуктивных и распространенных способов образования новых терминов на основе внутренних ресурсов своего языка является аффиксация и словосложение.

Но кроме аффиксации и словосложения есть и другие продуктивные средства создания новых наименований. Одним из них является и аббревиация, получившая широкое распространение в терминостроительстве армянского и русского языков с начала 20-го века. См. наиболее известный в XX веке «Словарь сокращений русского языка» [2], который насчитывал около 17 700 сокращений. Словарь этот считался нормативным. В нем даются кодифицированные сложносокращенные единицы, то есть образцовые языковые средства, закрепленные практикой русского языка времен Советского Союза.

А самым полным из когда-либо издававшихся словарей сокращений русского языка на сегодняшний день считается «Новый словарь сокращений русского языка» под редакцией Е.Г. Коваленко, отпечатанный в Финляндии [7]. В Словаре показана динамика развития аббревиатур в современном русском языке, в нем дается расшифровка около 32 000 аббревиатур и других сокращений. В словаре представлены сокращения разного типа: инициальные сокращения (аббревиатуры), графические сокращения и сложносокращенные слова. Словарь имеет практическую направленность, поэтому система помет и пояснений в нем све-

дена к минимуму: сокращения приводятся без ударения, без грамматических помет и без указания произношения.

А «Словарь аббревиатур армянского языка» (на армянском языке) [9], изданный в советское время, насчитывает около 4 000 сокращений. Опубликованный в 2007 году «Словарь: Инициальные аббревиатуры в армянском языке» Гюрджиняна Д.С. и Экекян Н.А. (на арм. яз.) [4] уже по времени издания, объему и материалу отличается от словаря А.С. Маргаряна, зарегистрированные аббревиатуры которого [9] давно перешли в пассивный словарь современного литературного армянского языка, стали историзмами.

Сокращение слов в русском языке, начиная с первых десятилетий XX века, стало широко распространенным средством. Но их использование часто подвергалось и подвергается критике. Некоторые их считали «ненормальными», неполноценными словами. Однако следует учитывать тот факт, что русский язык их принял (см. появление /05.06. 2015г./ 146670 регистраций сокращений на сайте www.sokrg.ru), они ему необходимы, без них подчас невозможно общаться (ср., например, употребление в речи вместо них длинных многословных названий).

Лингвистические словари могут различаться тем, предполагается или не предполагается отбор описываемого в них материала. Тезаурусы (от греч. *тезаурос* «сокровищница») в принципе охватывают весь языковой материал и отбора не предполагают. Идеальный тезаурус фиксирует все написанное и сказанное на данном языке. К типу тезауруса приближается академический «Словарь русского языка» под редакцией А.А. Шахматова. Сама идея тезауруса, строго говоря, может быть реализована полностью только по отношению к мертвым языкам. Словарь живого языка не может быть тезаурусом в полном смысле, потому что живой язык постоянно меняется, подтверждением чему является словник приведенного выше сайта (www.sokrg.ru), пополняемый ежегодно приблизительно на 7 – 8 тысяч единиц, многие из которых умирают для русского языка и остаются только на страницах этого сайта.

Аббревиатуры, как правило, обозначают понятия, относящиеся к специальным сферам, что уже само по себе накладывает на них дополнительные ограничения в процессе речевого общения. Самой важной особенностью функционирования сокращенных слов является то, что их циркуляция (введение и отмирание)

за определенный отрезок времени протекает во много раз интенсивнее, чем у обычных слов. Это связано с тем, что сложносокращенные слова в своем большинстве бывают привязаны к таким реалиям и фактам, которые имеют исторически преходящий характер.

Эти словари отражают расшифровку сокращений и сложносокращенных слов, употребляющихся в указанных областях науки. Система помет и пояснений, например, в «классическом», указанном выше «Словаре сокращений русского языка», подготовленном Д.И. Алексеевым, И.Г. Гозманом, Г.В. Сахаровым в 60-е годы XX века и выдержавшем несколько переизданий, сведена к минимуму [2]. Пометы в этом словаре дают информацию о произношении, орфографических вариантах, в необходимых случаях предлагают толкования.

Без словарей сокращений не могут обойтись переводчики и редакторы, нуждаются в словарях сокращений сами носители языка, испытывающие трудности при расшифровке аббревиатур, а уж тем более иностранцы (в нашем случае – армяне), изучающие русский язык.

Рассмотрим изданные в 80-ые гг. издательством Ереванского университета два первых в истории армянской лексикографии русско-армянских словаря сокращенных слов по математике и кибернетике и по географии. В русской лексикографической традиции принято противопоставление «большого, среднего и малого толкового словаря» [12. с. 158 – 181], если это «противопоставление» С.И. Ожегова перенести на словари сложносокращенных слов, то указанные два словаря можно будет отнести к «малым», задачами которых является «активная нормализация» [там же, с. 166] подязыка специальности.

Известно, что в словаре воплощается определенная система взглядов его составителей на назначение, объем словаря и принципы отбора описываемых единиц и различных их аспектов, требующих лексикографической интерпретации. Концепция обычно разъясняется во вводной статье словаря, которая одновременно может быть и руководством для его читателей. В ней, как правило, характеризуется состав, порядок следования и условности технического оформления подразделений, или зон, словарных статей.

В «Кратком русско-армянском словаре сложносокращенных слов по математике и кибернетике» Меликян С.О. и Сагателяна

В.В. в Предисловии, к сожалению, отсутствует концепция словаря, в ней представлено около 340 единиц [10, 1986], а наш «Русско-армянский словарь географических аббревиатур» снабжен этой концепцией («От автора», «Состав Словаря», «Структура Словаря», «Произношение и ударение», «Категория рода», «Расшифровка», «Система помет», «Краткая справка употребления прописных букв в аббревиатурах») [13. с. 6 – 13] и охватывает около 900 аббревиатур.

Приведем несколько примеров из указанных словарей.

КВМ /ка-вэ-эм/ – координационная вычислительная машина. [10, 1986].

ЕЭК /еэк/ – Европейская экономическая комиссия (при ООН) (1947), англ. Economic Commission for Europe, ECE. [13].

В целях экономии места рассмотрим лишь презентацию произношения вокабул в этих словарях. Чтение армянских *черных* слов легче чтения их русских эквивалентов. После армянской заголовочной аббревиатуры в скобках либо вслед за каждой согласной стоит армянская буква, соответствующая 2-му, 3-му... и заударному редуцированному А или О в образцовом московском произношении, либо сокращение читается как одно слово, например:

ИЯ /ия/ – информационный язык.

Вокабулы русских географических аббревиатур читаются двояко:

1. ЕИБ /е-и-бэ/ – Европейский инвестиционный банк (1958).
2. ГЭС /гэс/ – гидроэлектрическая станция, гидростанция.

В первом случае произношение аббревиатуры соответствует названию букв.

Во втором случае сокращенное слово читается как одно слово.

Как видим, словарная статья «Русско-армянского словаря географических аббревиатур» более насыщена: дана категория рода некоторых заголовочных слов, при необходимости даны хронологические пометы (в рассматриваемом случае 1958 – год образования ЕИБ), аббревиатуры-историзмы с пометкой «звездочка».

Отметим, что наш совместно с Нерсисян Г.М. «Русско-армянский тематический словарь сокращений» [15, 2010] имеет совсем другие принципы лексикографической интерпретации материала, он построен по тематическому, принципу. Как видно уже из названия, в Словаре уделяется внимание разделению со-

кращений по темам (в нем 61 тема и 11 подтем), произношение же в нем не обозначено. Приведем пример словарной статьи **ЦБ РА** в теме «Банки. Биржи. Финансы» Словаря.

ЦБ РА – Центральный банк Республики Армения – ՀՀ ՉԲ – Հայաստանի Հանրապետության կենտրոնական բանկ.

С.В. Лесников, автор «Словаря русских словарей», представил в рубрикаторе «Словари по предназначению» 1742 русскоязычных словаря, созданных преимущественно в XX веке, а в рубрике «ортологические» – 10 словарей сокращений (под номерами 287 – 297) [8. с. 71]. Появление на научной арене последних лет свыше 2-х тысяч печатных работ, исследующих терминологические вопросы [3, 6], вселяет уверенность, что русско-национальная и национально-русская (и, хочется надеяться, русско-армянская и армяно-русская) лексикография будет все более развиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаян Э. Б. Общее и армянское языкознание. Ереван: Изд-во Ереванского у-та, 1984. С. 364.
2. Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В. Словарь сокращений русского языка. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1983. 487 с.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
4. Гюрджинян Д. С., Экекян Н. А. Словарь: Инициальные аббревиатуры в армянском языке. Ереван: Эдит принт, 2007. 192 с. (на арм. яз.).
5. Казанчян Л. О. Армянская терминология – В кн.: Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. М.: Наука, 1987.
6. Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии – В кн.: Советская лексикография. М.: Рус. яз., 1988. С. 5.
7. Коваленко Е., Фаградянц И., Кисилев А. и др. Новый словарь сокращений русского языка // Под ред. Е.Г. Коваленко. М.: ЭТС, 1995. 668 с.
8. Лесников С. В. Словарь русских словарей: более 3500 источников // Предисловие проф. В. В. Дубчинского. М.: Азбуковник, 2002. 328 с.
9. Маргарян А. С. Словарь аббревиатур армянского языка. Ереван: Изд-во Айастан, 1979. 149 с. (на арм. яз.).

10. Меликян С. О., Сагателян В. В. Краткий русско-армянский словарь сложносокращенных слов по математике и кибернетике. Ереван: Изд-во Ереванского у-та, 1986. 34 с.
11. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании – В кн.: Учебники и словари в системе средств обучения русскому как иностранному. Сб. статей // Под ред. Морковкина В. В. и Трушиной Л. Б. М.: Рус. яз., 1986. С. 102 – 117.
12. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высш. шк., 1974.
13. Саркисян А. Г. Русско-армянский словарь географических аббревиатур. Ереван: Изд-во Ереванского у-та, 1987. 116 с.
14. Саркисян А. Г. Русско-армянский словарь терминов социально-экономической географии. Ереван: Изд-во Ереванского у-та, 1992. 112 с.
15. Саркисян А. Г., Нерсесян Г. М. Русско-армянский тематический словарь сокращений // Под ред. Акопян Р. Х. Ереван: Изд-во РАУ, 2010. 258 с.
16. Саркисян О. А. Русско-армянский словарь геологических терминов. – Ереван: Изд-во Ереванского у-та, 1984. 208 с.
17. Сергеев В. Н. Словари – наши друзья и помощники: Кн. для внеклассного чтения 5 – 7 кл. М.: Просвещение, 1984. 143 с.
18. Шимчук Э. Г. Русская лексикография. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
19. sokr.ru – самый полный словарь сокращений, акронимов, аббревиатур и сложносоставных слов русского языка электрон. словарь URL:www.sokr.ru (дата обращения 05.06.2015).

ШТРИХИ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ «ПОРТРЕТУ» ЧАСТИЦЫ *ДАЖЕ* И ЕЕ АРМЯНСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

К.С. Акопян

1. Введение

Настоящая статья является небольшим фрагментом исследования, посвященного семантико-прагматическому анализу логико-модальных частиц, и представляет сопоставительный аспект изучения данных частиц в русском и армянском языках. В ней рассматриваются русская частица *даже* и соответствующие ей эквивалентные армянские лексемы *նույնիսկ*, *սիզամ*¹, *սհնչևի սիզամ*, *սհնչևի իսկ* – экспликативы коммуникативно-ориентированной семантики «усилительности / крайности / неожиданности». В эпоху современной антропоцентрической лингвистики, когда особенно актуальным становится изучение прагматического аспекта функционирования языковой системы, к исследованию частиц – универсальных выразителей семантико-прагматического блока значений – обратились многие ученые (см. работы А. Вежбицкой, Т.М. Николаевой, И.М. Богуславского, В.А. Плунгяна, Д. Пайара и др.). Но даже при таком активном и весьма плодотворном изучении этих «мелких» слов, долгое время остававшихся на периферии исследовательских интересов, целый ряд их категориальных свойств все еще недостаточно изучен, тем более в сопоставительном аспекте.

1.1. Логико-модальные частицы

В современных лингвистических описаниях языковой системы частицы занимают свою особую нишу. Речь идет о специфическом разряде частиц, которые в русской грамматической традиции получили название «модальных» [Виноградов 1975; Гр.-70; Гр.-80 П]. Со временем частицы типа *даже*, *только*, *хоть*, *еще*, *уже* и некоторые

¹ В армянском языке существует также омоним данной лексемы – наречие *սիզամ* («раз»): *սիսն սիզամ* – «каждый раз», «всякий раз»; *սինցիս սիզам* – «в прошлый раз»; *սի սիզам* – «один раз»; «однажды»...

другие стали называться в лингвистической литературе «логическими» [Кривоносов 1975; Торопова 1980_а, 1980_б, 1985; Богуславский 1979, 1985, 1996 и др.], что довольно просто объясняется: часто рассматриваются лишь семантико-синтаксические свойства этих частиц и никак не освещается их богатый прагматический мир. (Ср.: «...модально-экспрессивные компоненты значения мы оставляем в стороне» [Богуславский 1979: 14]). В нашем исследовании они названы логико-модальными: и первое, и второе названия обедняли представление об этих частицах, характеризуя их односторонне, указывая либо на сугубо модальные аспекты их функционирования, либо только на вносимые ими смысловые оттенки, в то время как одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно: «они выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции... частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений»². Что касается армянского языка и арменистики, то заметим, что в армянской грамматической традиции долгое время не выделялась такая часть речи, как «частицы»: армянские эквиваленты рассматриваемых частиц оказывались среди «модальных слов». К примеру, следующим образом обосновывалось классификационное расположение отрицательной частицы *իհ* (*не* в повелительных конструкциях типа *Не говори!* – *Մի՛ խոսի՛ր*) среди «модальных слов»: «*Не* – это отрицательная частица, но поскольку в армянской грамматике не принято выделять такой части речи, мы условно располагаем ее среди отрицательных модальных слов» [Ալիշահյան 1975: 33]. Однако уже М.Х. Абебян в своем фундаментальном труде «Теория армянского языка» выделял «модальные слова или частицы» [Աբեյան 1974: 107], а в 14-членной системе частей речи Г.Б. Джаукяна обособлены в отдельные классы не только модальные слова, но и формообразующие и модальные слова-частицы [см.: Պետրոսյան 1987: 286].

Современная лингвистика соотносит их с так наз. «дискурсивными словами», под которыми «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимо-

² Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // Intern. Rev. of Slavic Linguistics. 1976, vol. 1, № 2/3. P. 327; цит. по [Николаева 1985: 7].

действия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [Путеводитель 1993: 7]. «Такому классу слов в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определенную близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц)», – заявляют авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» (1993) А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина [там же]. В то же время К.Л. Киселева и Д. Пайар непосредственно включают данные частицы в состав дискурсивной лексики, более того, считают их, наряду с модальными словами, ее ядром [ДС 1998: 7, 8].

1.2. Пресуппозиции

Волна интереса к изучению частиц, прокатившаяся в лингвистике в 70 – 80-е гг., была вызвана также активизировавшейся в то время и ставшей одной из важнейших составляющих прагматики – теорией пресуппозиций, явившейся новым и мощным аппаратом описания смысловой структуры частиц, позволившей сделать лингвистическим фактом семантику «дополнительной строки», в высказывании эксплицитно не выраженной, «непосредственно не вытекающей из буквального состава предложения: *Только Петрову не решить эту задачу* . – Задача легкая, а Петров решает плохо; *Петрову не решить только эту задачу* . – Петров решает хорошо, а задача трудная» [Николаева 1985: 7]. О принципиальной важности теории пресуппозиции при изучении логико-модальных частиц пишут многие ученые, в частности Е.В. Падучева: «Пожалуй, наиболее важно понятие презумпции»³

³ Е.В. Падучева отдает предпочтение термину «презумпция», «поскольку он давно использовался в русской логической литературе – н/р, в сочетаниях презумпция существования, презумпция единственности, – именно в качестве эквивалента для англ. *presupposition*». «Однако, – добавляет она, – во многих работах, н/р, в [Арутюнова 1973], используется калька – пресуппозиция» [Падучева 1977: 91]. В выборе термина мы также предпочли «кальку», так как именно она сохранилась и получила признание в лингвистической литературе.

для таких слов, у которых презумпцией описывается все их значение или основная часть значения. Это, например, слова *даже, тоже, еще, уже* и др.» [Падучева 1977: 108 – 109]. Или: «Именно разработанная теория пресуппозиций позволила вплотную подойти к решению одного из трудных участков лингвистической науки – семантизации так называемых “мелких слов” и их участию в смысловой структуре высказывания» [Гер-Аракелян 2004: 40].

2. Общие установки

2.1. Предложение и высказывание

Люди в своей речевой практике имеют дело отнюдь не с предложениями, а с высказываниями. Ведь «предложение как единица языка, подобно слову, не имеет автора. Оно ничье, как и слово, и только функционируя как целое высказывание, оно становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации речевого общения» [Бахтин 1986: 277]. В сущности, даже лингвисты исследуют не предложение; на самом деле, объектом лингвистического описания является «гибрид предложения (единицы языка) и высказывания (единицы речевого общения)» [Бахтин 1986: 267]. (См., например, классификацию предложений по цели высказывания!). Поэтому при описании семантики предложения его следует эксплицитно рассматривать в контексте речевого акта, то есть описывать семантику предложения, функционирующего как высказывание. «Объект, с которым должна иметь дело семантика, – это не только семантическое представление предложения, но и семантико-прагматическое его представление в контексте речевого акта» [Падучева 1985: 30]. Согласно принципу последнего утверждения мы анализируем коммуникативные – семантико-прагматические – функции логико-модальных частиц, которые являются одним из основных средств актуализации предложения в высказывание.

2.2. Синтаксис частиц и сферы их функционирования

В высказывании логико-модальные частицы выступают не в функции синтаксической единицы: анализ их отношений с другими словами не выявляет ни одной из известных синтаксических

связей – ни на уровне словосочетания, ни на уровне предложения. «...На синтаксическом уровне модальные слова [включая частицы] играют роль несубституциональных автономных единиц, не являющихся членами предложения» [Улшшшш 1967: 129]. «Частицы не имеют форм словоизменения и не участвуют ни в согласовании, ни в управлении; их синтаксические связи определяются на основе их линейного положения во фразе и их связи с синтаксически обусловленной интонацией» [Богуславский 1985: 100]. Однако логико-модальная частица весьма активно участвует в создании супрасинтаксического плана, необходимого для адекватной реализации предложения в качестве высказывания в вербальном коммуникативном акте. Логико-модальные частицы организуют прагматическую и тема-рематическую структуры высказывания в процессе коммуникации, вводя дополнительные, коммуникативно-значимые смысловые и модальные оттенки в содержание высказывания. При этом, «в отличие от чисто коммуникативных категорий “темы” и “ремы”, модальные отношения семантически значимы и могут быть описаны в виде ряда простейших модальных смыслов» [Алисова 1971: 54].

2.3. Базовые позиции и грамматические функции частиц

Изучение функционирования логико-модальных частиц привело к необходимости предварительного установления трех базовых синтаксических позиций, определяющих функционально-грамматический статус изучаемых лексических единиц: частица – частица-союз – союзный аналог. Исследуемые лексемы при актуализации в высказывании – в зависимости от синтаксической позиции и от типа коррелируемого с ними компонента семантико-синтаксического ядра высказывания: актантов, предиката и самой пропозиции, – реализуют либо свою первичную функцию логико-модальной частицы, либо вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами или союзными аналогами. Рассмотрим различные типы корреляционных отношений логико-модальных частиц *только*, *даже*, *хоть* и их армянских эквивалентов со следующей пропозицией: активный субъект + одноместный предикат со значением действия-процесса:

(Таблица 1)

I тип:	II тип:	III тип:
1) <i>Только он работает</i> . ⁴ 2) <i>Даже он работает</i> . 3) <i>Хоть он работает</i> . ⁵	1) <i>Он только рабо́тает</i> . 2) <i>Он даже рабо́тает</i> . 3) <i>Он хоть рабо́тает</i>	1) <i>Только / он рабо́тает</i> . 2) <i>Даже / он рабо́тает</i> . 3) <i>(Хоть он (и) рабо́тает, но...)</i>
1) <i>Միայն նա է աշխատում</i> : 2) <i>Նույնիսկ նա է աշխատում</i> : 3) <i>Գոնե՛ նա է աշխատում</i> :	1) <i>Նա միայն աշխատում է</i> : 2) <i>Նա նույնիսկ աշխատում է</i> : 3) <i>Նա գոնե՛ աշխատում է</i> :	1) <i>Միայն (թե՛) / նա աշխատում է</i> : 2) <i>Նույնիսկ / նա աշխատում է</i> : 3) <i>(Թե՛կուր (և) նա աշխատում է, բայց...)</i>

Опираясь на данную таблицу⁶, можно сделать несколько предварительных замечаний. ИмPLICITные семантико-прагматические потенции различных частиц (как в русском, так и в армянском) отличаются неодинаковой способностью актуализировать все три функции и коррелировать со всеми отмеченными компонентами. Среди заданных трех логико-модальных частиц и их эквивалентов наиболее «продуктивны» частицы группы *только – միայն*, частицы группы *даже – նույնիսկ*, как правило, не реализуют функции союзного аналога. Что касается группы *хоть – (գոնե՛ / թե՛կուր)*, то в первых двух позициях перед нами логико-модальные частицы, а в третьей – подчинительные союзы со зна-

⁴ Реализуются следующие значения глагола работать: 1) ‘заниматься каким-либо делом, применяя свой труд’; ‘трудиться’; 2) ‘состоять где-либо на службе’. Остальные потенциально возможные значения, типа 3) ‘функционировать’ (об организациях, учреждениях); 4) ‘находиться в действии, действовать’ (о механизмах, устройствах); 5) ‘действовать, выполнять свое назначение’ (об органах тела); 6) ‘быть открытым (для посетителей, покупателей)’ и другие, в статье не рассматриваются. Значения приведены по [МАС III: 575].

⁵ Частица *хоть* в I и II базовых позициях пресуппонирует положительную оценку «хорошо, что...», которая обычно эксплицирована в высказывании; в русском языке – часто фразой «слава богу, ...».

⁶ В таблице не указаны случаи инверсии частиц, частотной как в русской, так и в армянской разговорной речи, например: I 1а) *Օն տոկո՞ւ աշխատում է* (или II 2а) *Օն աշխատում է նույնիսկ* – либо более кардинальная инверсия всей синтаксической структуры, когда рема оказывается в привычной для себя позиции – в конце высказывания: I 1б) *Աշխատում է միայն նա*.

чением уступки, что непосредственно отражается в армянском языке наличием двух грамматически различных лексем. Как можно заметить, в первых двух позициях частицы соотносятся либо с актантом, либо с предикатом – именно в I и II базовых позициях реализуется функция частицы. В третьей же позиции, при отношении «лексема – пропозиция», реализуется функция частицы-союза (*только* и *даже*) либо союзного аналога (*только*), причем в последнем случае частица с изменением своего грамматического статуса может изменить и значение (*только* с недифференцированным противительным значением, аналогичным значению союзов *но, однако*). В армянском языке данная позиция часто предполагает наличие также союзного элемента *թե*: 4) Հետո բաժանվել են ու տեսազին ընդմիջումից հետո հանդիպել մի նոր հիմնարկում, միայն *թե* ղեկավարն այս անգամ Լիպարիտ Հովսեփյանն էր (Մուշեղ Գալշոյան, ԱԱԿ); 5) – Կուզեի ձեզ հետ խոսել, պարոն գրագիր, – ասաց Շվեյկը: – *Միայն թե* ոչ մի գործարք, – կարոնկ պատասխանեց գրագիրը: (Յարոսլավ Հաշեկ, ԱԱԿ). В этой базовой структуре лексема занимает инициальную позицию и часто отделяется от высказывания паузой.

2.3.1. Частица vs. частица-союз vs. союзный аналог

Представление всех трех базовых структур в качестве самостоятельных предложений-высказываний несколько условно: их реализация в письменном либо устном дискурсе предполагает отнюдь не автономное употребление, а окруженное контекстом. При этом базовые структуры (в особенности I и III) связываются с ним посредством частиц присоединительными отношениями. Тем самым частицы реализуют одновременно вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами либо даже переходя в разряд союзных аналогов, выражающих разные виды несобственно-соединительных отношений. По существу, в дискурсе может происходить некий синтез основных смысловых и модальных функций частицы с добавочными союзными, текстообразующими, функциями, налагаемыми синтаксической структурой текста либо коммуникативной организацией речевого акта. Представление соотношения «частица – союз» целесообразно на примере анализа функционирования частицы *только*, поскольку среди рассматриваемых частиц наиболее «продуктивной» с этой точки зрения является именно она.

(Таблица 2)

Частица-союз	Частица – союзный аналог
<p>I тип:</p> <p>6) <i>Играть в футбол любили все. Даже девочки просились в игру.</i></p> <p>7) <i>Вся бригада отдыхает. Только Иван работает.</i></p>	<p>III тип:</p> <p>10) <i>Разведись с ним, но не буквально, а мысленно. Только не говори ему об этом, пусть остаётся в счастливом неведении (НКРЯ).</i></p>
<p>III тип:</p> <p>8) <i>Совершенное молчание воцарилось в комнате. Даже плакавшие дети затихли. (НКРЯ).</i></p> <p>9) <i>Пухлые ее ручки мгновенно обвили вокруг его шеи, голова прижалась к его груди, и все замолкло. Только слышались ее прерывистые всхлипывания. (НКРЯ).</i></p>	<p>11) <i>Были выпиты ещё 4 «батарейки» и 6 чашек тройного кофе. Были споры с клиентами, собрания с работниками. <...> Было всё. Только это уже было не так важно... (НКРЯ).</i></p>

В первой и второй базовых позициях связь, которую устанавливает логико-модальная частица *только* с окружающим дискурсом, была преимущественно смысловая: в зависимости от коррелируемого с частицей элемента пропозиции имплицитная связь предложений была с доминантой либо на актанте, либо на предикате; частица функционировала в качестве пресуппозиционного маркера. В третьей же позиции частица связывает предложение не только семантически, но и синтаксически, то есть значение частицы осложняется типично союзным значением: в дискурсе функционирует либо частица-союз (8 и 9) либо частица – союзный аналог (10, 11). И если раньше осуществлялась внутрипропозитивная связь, то теперь связь очевидно межпропозитивная.

Функционально в третьей базовой позиции мы различаем *только*₁ – частицу-союз и *только*₂ – союзный аналог.⁷ Дело в том, что степень «союзности», выражаемой частицами, – указание на

⁷ В современных исследованиях и «частицы-союзы», и «союзные аналоги», а также «союзные сочетания», «союзные сцепления», «частицы в роли союзов» и др., наряду с самими «союзами», включаются в общее понятие «скрепы» [Колосова, Черемисина 1987: 11–25; Прияткина 1987: 37–50] или «коннектор» [Левицкий 1982: 113–122; Иорданская, Мельчук 2002: 78–115].

связь данной пропозиции с более широким событийно-дискурсивным контекстом, – может быть большей или меньшей. Следовательно, отношение «частица – союз» может быть представлено как шкалообразное. (Ср. сходные наблюдения, без дальнейшего разграничения на частицу-союз и союзный аналог, в [Николаева 1985]). В нашем случае *только*₁ – частица-союз – менее «союзен», чем союзный аналог *только*₂, что подтверждается и семантически, и функционально-синтаксически.

Частица-союз *только*₁, противопоставляя содержанию первой пропозиции содержание второй (это могут быть как части сложного предложения, так и самостоятельные предложения), выполняет противительно-ограничительную функцию: 12) *В первом дворе ничего не было, только пес с кошкой валялись на солнце.* (НКРЯ) 13) *Последняя красно-зелёная спина мелькнула за воротами дворика и пропала в уличной темноте. Только слышались топот и перекличка удалявшихся голосов.* (НКРЯ). 14) *Она ничего не сказала, только как-то особо поглядела на него.* (НКРЯ).

В принципе, противительно-ограничительное союзное значение *только*₁ есть не что иное, как вариант основного значения частицы *только*, актуализируемого в I и во II базовых позициях (см.: [Акопян 2004]), с той разницей, что, во-первых, в дискурсе эксплицируется и теневое высказывание, с которым частица устанавливает не только семантические, но и синтаксические отношения; а во-вторых, в III базовой позиции мы наблюдаем, за редким исключением, отношение «частица – пропозиция». Хотя иногда (как в примере (14)) речь может идти не о «сентенциальном», а о «внутрифразовом» союзном употреблении *только*, объединяющей однородные члены. Что, надо признать, несколько не влияет на степень ее «союзности». Тем более что даже в «Словаре структурных слов русского языка» (1997) в качестве иллюстрации противительно-ограничительного значения *только*, употребляющегося «для присоединения второй части сложносочиненного предложения», приводятся такие примеры, как: (15) *Все ушли, только Петр остался.* (16) *Кругом тихо, только издалека доносится шум поезда.* (17) *Она ничего не сказала, только покачала головой в ответ.* [СССРЯ 1997: 349]. Прокомментируем эти примеры, в которых *только* действительно функционирует в противительно-ограничительном значении, правда, с некоторыми оговорками. Во-первых, пример (17) является не сложносочинен-

ным предложением(!), а простым с однородными сказуемыми, как и (14). Кроме того, и части сложносочиненного предложения могут быть оформлены как самостоятельные предложения, что значительно расширяет сферу действия данного значения. Во-вторых, во всех трех примерах *только* коррелирует с разными единицами семантического синтаксиса: в (15) – с субъектом, в (16) – с пропозицией, а в (17) – с предикатом. И наконец, пример (15) неоднозначен, он допускает двоякое толкование, связанное с его интонационным оформлением: (14') *Все ушли, только Пётр остался.* – Нет паузы между частицей и ее коррелятом, ядерное слово (*Петр*) акцентно выделено: перед нами логико-модальная частица, основное – ограничительное – значение которой осложнено союзным присоединительным значением. (15'') *Все ушли, только / Петр остáлся.* – Между лексемой и следующим за ней словом возникает/возможна пауза; ядерным элементом является вся пропозиция, в которой нет акцентного выделения, но лишь фразовое ударение на предикате⁸: перед нами союзный аналог с противительным значением, аналогичным значениям союзов *но, однако*. Частица *только* отличается от частицы – союзного аналога *только* и с точки зрения их функционирования в разных интонационных конструкциях: частица *только* функционирует в ИК-2 с положением центра на гласной ядерного слова (15'), в то время как союзный аналог *только* употребляется в ИК-1 обычно с положением центра на гласной предиката (при прямом порядке слов) (15''). Учитывая, что основное различие этих интонационных конструкций заключается «в более высоком уровне тона на гласном центра ИК-2 и усилении словесного [акцентного, логического] ударения» [Муханов 1983: 9], мы считаем, что функциональная связь данных лексем с указанными интонационными конструкциями очевидна. (См. также: [Муханов 1983: 109 – 111]).

Функцию, выполняемую союзным аналогом *только*₂, можно определить как противительно-уступительную: 18) *Последняя задача [создание конкурентного автомобилестроения] тоже решается, **только** необходимы огромные затраты на научные исследования и конструкторские разработки, обновление произ-*

⁸ О различении акцентного выделения или логического, контрастного ударения – единицы текстово-коммуникативной, и фразового ударения – единицы собственно интонационной, см. в [Николаева 1982_а: 7–42].

водства, обучение персонала. (НКРЯ); 19) Все становятся богаче – и граждане, и государство. Красиво? Безусловно. **Только** красиво пока лишь в теории. На практике же до сих пор получается совершенно иначе. (НКРЯ).

Только, помимо самостоятельного употребления в союзной функции, может выступать также в качестве конкретизатора при сочинительных союзах недифференцирующего типа: с одной стороны, при союзе *и*, а с другой – при союзах *но*, *а*, *да*: и *только*; *но только*, *а только*, *да только*. В таком случае «собственно союз занимает позицию конкретизируемого компонента (как правило, первую, открывающую), тогда как аналог союза выполняет конкретизирующую функцию и следует за союзом» [Гр.-80б: 629]. При этом конкретизатором присоединительного союза *и* выступает частица *только*, поскольку с ее элиминированием предложение становится аномальным либо бессмысленным:

20) *Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.* (НКРЯ). 21) *Помощник до того вспылл, что в первую минуту даже ничего не мог выговорить, и только какие-то брызги вылетели из уст его.* (НКРЯ).

20_а) ? *Прокуратор при этом сидел как каменный, и губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.* 21_а) ? *Помощник до того вспылл, что в первую минуту даже ничего не мог выговорить, и какие-то брызги вылетели из уст его.*

Заметим, что конкретизатор в данных структурах может обойтись и без самого присоединительного союза *и*, становясь тем самым частицей-союзом *только*₁.

20_б) *Прокуратор при этом сидел как каменный, только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.* 21_б) *Помощник до того вспылл, что в первую минуту даже ничего не мог выговорить, только какие-то брызги вылетели из уст его.*

Конкретизатором противительного союза *но* выступает **частица – союзный аналог** *только*₂ (союзы *а* и *да* нас интересуют в меньшей степени, поскольку именно *но* выражает непосредственно значение противительности). Принимая во внимание факт дублирования значения «противительности», мы должны признать, что при объединении двух данных единиц – *но только* – происходит наложение их значений (чего мы не наблюдаем в союзном сочетании *и только*), что исчезает в случае самостоятель-

ного функционирования как союза *но*, так и союзного аналога *только*₂:

22) *Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги...* (НКРЯ).

23) *Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду.* (НКРЯ).

В обоих примерах может быть использован один из трех возможных вариантов с *но* / *только* / *но только*⁹.

Особенности употребления частиц, осложненных союзными функциями, можно рассмотреть и на примере сочетаемости частицы *даже* с определительными и отрицательными местоимениями.

Как известно, местоимения, в целом являясь словами, категориальное значение которых можно обозначить как субституциональное, при более детальной дифференциации обнаруживают далеко не однотипные значения. Если *даже* соотносится с местоимениями, в общем значении которых содержится указание на предмет или признак с определенным конкретным содержанием, то частица выполняет свою первичную функцию. Если же в значении местоимения содержится указание на совокупный, всеобщий охват предметов или признаков – как в утвердительном контексте (определительные местоимения *весь, все, всякий* и др.), так и в отрицательном (*никто, ничто, никакой* и др.), – когда местоимения обладают значением «исчерпанности», частица *даже* не может соотноситься с ними непосредственно. Ср.: 24) *Он не работает* – 25) *Даже он не работает* – 26) **Даже никто не работает.* (См. об этом: [Шибанова 1974: 66; Крейдлин 1975: 106]). Не употребляясь при отмеченных местоимениях непосредственно, частица *даже* тем не менее вступает с ними в сложные отношения, выполняя свою уточнительно-выделительную функцию: 24) *Но никогда, даже в самые для нее трудные годы, она не отказывалась от своих учителей и братьев по 20-м годам, от разгромленных «формалистов»...* (НКРЯ). 25) *Вспомнилось из римской классики: «Погибло всё, даже руины»* (НКРЯ). 26) *Вызвали на допрос и через десять минут пришли за вещами. Забрали всё, даже матрац и одеяло...* (НКРЯ). *Даже*, отмечая исключительность частного, подчеркивает всеобъемлющий характер об-

⁹ Анализ союзных функций частицы *только* см. в [Акопян 2008: 17–28].

щего. Выполняя в данной позиции дополнительную союзную функцию, *даже* в союз не изменяется, так как сохраняет при этом все свойства частицы – свое назначение и прикрепленность к определенному компоненту. Если лишить *даже* союзной функции, частица сохраняет смысл: 24') *Но ... даже в самые для нее трудные годы она не отказывалась от своих учителей...*; 26') *... Вызвали на допрос и через десять минут пришли за вещами. Забрали ... даже матрац и одеяло....* Союз же вне функции связи невозможен, так как в этом его назначение. Частица является важным структурным элементом подобных конструкций; с ее элиминированием последняя либо изменяет смысл, либо вовсе разрушается. Отметим, что «компонент, акцентируемый *даже*, обладая потенциальной самостоятельностью, может быть не только выделен в предложении, но и вынесен за его пределы. *Она не желала идти на уступки. Даже во имя любви.* (В. Панова)» (Стародумова 1977: 15). Следовательно, частица *даже* может участвовать и в создании такого стилистического приема, как парцелляция. Парцеллированная конструкция, в отличие от присоединительной, представляет собой результат не нанизывания элементов, а, наоборот, их отчленения от структуры исходного предложения: I) присоединение – 27) *Всё это Густав ненавидел и разговаривал только по-своему. Только по-эстонски. Даже с караульными псами.* (НКРЯ) – эффект «снежного кома». II) парцелляция – 28) *И тут произошло чудо. Это признавали все. И карманник Чалый. И потомственный «скокарь» Мурашка. И расхититель государственной собственности Лейбович. И кукольник Адам. И даже фарцовщик Белуга...* (НКРЯ) – эффект «рубленой прозы».

Даже может присоединять также часть сложносочиненного предложения, в которой подтверждается и конкретизируется мысль, высказанная в предыдущей части. Подобные синтаксические конструкции Гр.-80 называет предложениями с факультативно-комментирующим значением: «Факультативно-комментирующие отношения представлены в конструкциях, оформляемых союзными аналогами *тоже, также, еще, причем, кстати, даже, тем более...* Каждый из этих аналогов модифицирует соединительное значение в соответствии со своей лексической семантикой. Сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части: *Мы мерзнем на ходу, на привалах, даже за*

едой никак не согреешься. (Каверин)» [Гр.-80 II: 630]. Ср. в армянском: 29) *Դի գործազուրկ քաղաքում ամենամոռայիկ աշխատանքն է. անգամ ձևավորվել են կիսաաշխույճ շենքեր ու աղբահանքներ «բրբրրր» հատուկ բրիգադներ՝ աշխատակազմի ղեկավարով ու բանվոր տղերքով:* (ՍՍԿ). Такая присоединительная часть может быть как в составе сложносочиненного предложения, так и вне него, функционируя как самостоятельная синтаксическая конструкция: 30) *В комнате была совершенная тишина. Даже с лестницы не приносилось ни одного звука.* (НКРЯ).

2.3.2. Акцентное выделение и рематическая ориентированность

В таблице (1) также видно, что мы в I и II базовых структурах акцентно выделили коррелируемый с частицей элемент: субъект пропозиции – в I типе и предикат – во II. В связи с этим обратим внимание на тот факт, что многие лингвисты называют логико-модальные частицы, в том числе и частицу *даже*, акцентирующими; «акцентирующая функция – свойство выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую он обозначает» [Стародумова 1977: 5]. Однако Т.М. Николаева в результате исследования семантики акцентного выделения пришла к мысли об «отсутствии прямой смысловой зависимости между наличием частицы и возникновением акцентного выделения» [Николаева 1982_а: 57]. Просто «частицы и акцентное выделение выполняют по отношению к линейно-ограниченному высказыванию сходные функции – они формируют теневые высказывания, возникающие в перцепции параллельно с исходным высказыванием. (Это мое пальто – А не Ваше (Петра), как Вы подумали; Только он может нам помочь – Остальные не могут). Именно в силу этой изофункциональности идея акцентирования и сливается с присутствием частиц, создавая некоторый единый формальный комплекс: частица + акцентирование» [Николаева 1985: 125]. Мы согласны с данным утверждением, но с одним, чрезвычайно важным для нас уточнением: при одинаковой функциональной нагрузке, семантическую нагрузку – определение характера противочлена (см. ниже), отношение противочлена к исходной пропозиции – несут на себе

именно модальные частицы, что и отличает их как от акцентного выделения, так и друг от друга.

Акцентирующая функция частиц непосредственно указывает на другую характерную их особенность. Вызывая акцентное выделение связанных с ними слов, логико-модальные частицы, фактически, выполняют еще одну – функционально-коммуникативную – задачу: указывают на рему высказывания. В лингвистической литературе уже давно считается общепризнанным фактом феномен взаимосвязанности акцентно выраженного логического ударения с ремой высказывания: «там, где в высказывании рема, должно быть сильное ударение. И наоборот: где есть сильное ударение – там и рема» [Николаева 1982_а: 35 – 36]. Следовательно, исследуемые нами логико-модальные частицы являются своеобразными ремовыделителями: они так же, как и частицы *только*, *лишь* (= *իմիշի՛ն*, *իմիմիշի՛ն*, *լնլ*, *ւնւլ*) (см.: [Ковтунова 1976: 12]), всегда примыкают к тому компоненту высказывания, который либо является ремой, либо содержит ее в своем составе. В принципе, этот аспект коммуникативного «поведения» частиц *даже* и *իմիմիշի՛ն* (и др.) подчеркнут уже в самом их таксономическом определении: почти во всех классификациях они относятся к разряду усилительных, или выделительных, модальных частиц, что прямо указывает на их «рематический» характер. Кроме того, сама семантическая нагрузка этих частиц заключается в том, чтобы подчеркивать **исключительность**, **необычность**, **неожиданность** того факта, о котором информирует говорящий. А данные смыслы напрямую связаны с новым в высказывании, ранее неизвестным. Таким образом, *даже* и *իմիմիշի՛ն* (и другие эквивалентные ей армянские частицы) выделяют именно рему высказывания.

Ремовыделительная функция анализируемых частиц подтверждается также при рассмотрении армянских примеров, в которых с идентичной коммуникативной нагрузкой функционирует вспомогательный глагол *է* («быть», «являться» в 3 л., ед. ч., наст. вр.), необходимый грамматический компонент при образовании формы настоящего несовершенного времени (и ряда других глагольных времен). В отличие от самой частицы, которая может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к выделяемому слову – реме, вспомогательный глагол характеризуется обычно фиксированной постпозицией относительно ремы. Поэтому

если в русском языке мы можем отличить вторую базовую позицию (II 2) *Он даже работает*) от случая инверсии частицы в первой базовой позиции (I 2a) *Он даже работает*) посредством акцентирования, то в армянском нам достаточно зафиксировать позицию вспомогательного глагола, например: II 2) *Նա նույնիսկ աշխատում է:* и I 2a) *Նա է նույնիսկ աշխատում.* Кстати, вспомогательный глагол оказывается более сильным ремовыделителем, поскольку в случае расхождения коммуникативных установок частицы и вспомогательного глагола последний перетягивает данную функцию на себя, а частица фактически выделяет контрастную тему: 31) *... Իսկ դարձազաննների կատարմամբ հնչած հայկական երգերը ցարգապետ հիացրին բոլորին: Նույնիսկ նման հանդիպումների մեծ փորձ ունեցող Արա Արրահասյանն անկարող էր թարգմել հուզմունքը...:* (ԱԱԿ).

3. Некоторые теоретические положения относительно семантических структур логико-модальных частиц

Продолжительное время в лингвистической литературе, посвященной изучению семантики и синтаксиса логико-модальных частиц, бытовало довольно упрощенное понимание значения и функций этих уникальных лексических единиц: они квалифицировались всего лишь как «показатели смыслового веса слов или высказывания в целом» [Виноградов 1986: 546], к которым они синтаксически примыкали. Однако вскоре ученые обратили внимание на то, что частицы эти, актуализируясь в высказываниях, создают своеобразный фон выделения. Конечно, само утверждение о том, что выделение всегда происходит из чего-то, а усиление – на фоне чего-то, – тривиально. Еще А.М. Пешковский писал: «Всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи»¹⁰. Тем не менее наблюдение выдающегося русского лингвиста долгое время оставалось незамеченным лингвистами. Только много позже исследователи обратили внимание на эту особенность логико-модальных частиц как на единственную возможность их адекватного семантического описания.

¹⁰ А.М. Пешковский. Наш язык. Вып. 1, М., 1922, с. 84; цит. по [Виноградов 1986: 547].

Т.М. Николаевой был предложен термин **«теневое высказывание»**, или **«фраза-тень»**. По ее мнению, именно свойство создавать теневое высказывание – «как бы приписывать к сказанному некоторое не обязательно где-то высказанное, но обязательное для данного социума дополнение, столь же явное и коммуникативно общее, хотя бы и имплицитное, можно считать основным функциональным свойством частиц указанного ряда» [Николаева 1982_а: 58]. «...Функционально-языковой нагрузкой частиц является их двуличность, воплощающаяся, в частности (или в особенности!), в способности формировать скрытое, «теневое» высказывание, различным образом соотносящееся с исходным...» [Николаева 1982_б: 55].

Н.А. Торопова заявляет о пресуппозиции **«противочленов»**: «Частица создает фон выделения – противочлен – для того (ядерного) слова, с которым она связана. <...> Отношения между ядерным элементом и противочленом частицы, естественно, не являются синтаксическими... [Они] являются смысловыми» [Торопова 1980_б: 22, 25]. Тип смысловых связей, устанавливаемых этими служебными словами, Торопова обозначает формулой а R b: «это определенные отношения между двумя элементами». Верно отмечая предикатную сущность этих слов, она определяет их «как предикаты с двухместным отношением» [Торопова 1980_а: 129]. Смысловые же отношения, формируемые за счет частиц, она делит на три вида: отрицательные, утвердительные и утвердительно-отрицательные.

И.М. Богуславский, опираясь на толкования, данные Ю.Д. Апресяном понятиям «валентность» и «семантический актант» [Апресян 1995], выдвигает еще более универсальную концепцию **семантической валентности** логико-модальных **частиц**¹¹. Частицы, по-

¹¹ При описании семантической структуры пропозиции термины «актант» и «валентность» толкуются нами в «теньеровском» смысле (ср.: валентность предиката (глагола) и актантная рамка; актант равнозначен аргументу). При описании же семантической структуры частиц эти термины мы, вслед за И.М. Богуславским, используем не в традиционном смысле, а несколько шире: «Если лексема L описывает ситуацию, в которой есть обязательный участник X, то говорят, что у L есть (семантическая) валентность X. Слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и избыточным образом». Актантами лексемы L он называет «те выражения, которые обозначают участников ситуации L (= заполняют валентности L)» [Богуславский 1996: 23]. Понятие «сферы действия»: «фрагмент синтаксической структуры, такой, что смысл входящих в него слов, конструкций и интонационных средств заполняет семантическую ва-

добные *только, лишь, даже* и др., он называет трехвалентными: «В предложении “Иван знает только русский язык” частица “только” имеет три валентности: во множестве R (= множество языков) выделяется элемент Q (= русский язык), который обладает свойством P (= Иван его знает)» [Богуславский 1985: 19]. Фактически, двухвалентная концепция Н.А. Тороповой – выделяемое (ядерное) слово и фон выделения – противочлен, становится у И.М. Богуславского трехвалентной за счет выделения валентности P. Однако понятие «валентность R» в теории И.М. Богуславского хоть и близко, но не эквивалентно, не тождественно понятию «противочлен» в концепции Н.А. Тороповой: «противочлен» характеризуется часто как «смежное (сходное) понятие», с которым частица соотносит ядерное слово, в то время как «валентности R» дается дефиниция множества. Кроме того, противочлен часто выступает как фрагмент текста, тогда как валентность R обычно мыслится как ассоциированное множество. Анализ же семантики и прагматики частиц выявляет необходимость строгого разграничения случаев, когда противочлен эксплицирован в контексте, от случаев его имплицитности в ситуации. Именно в первом случае мы имеем дело с текстовым фрагментом – от одного слова до целого предложения (и более), – когда эксплицированный в пропозиции противочлен часто связан с исходной пропозицией дискурсными отношениями, причем в ретроспективной смысловой связи, которую устанавливает частица между пропозициями, доминирующую роль играют те компоненты семантической структуры предложения, которые оказываются в позиции ядерного слова. Во втором случае, представляющем для нас больший интерес, противочлен – фон выделения – «скрыт» в presupпозиции. Естественно, фон выделения необходимо должен быть известен коммуникантам, неважно, представляет ли он собой энциклопедические, фоновые знания или ситуативные, известные как минимум говорящему и адресату, – в противном случае произойдет срыв в коммуникации.

Иную концепцию предлагают К.Л. Киселева и Д. Пайар, авторы контекстно-семантического подхода, опирающегося на идею варьирования плана содержания слова (в данном случае – дискурсивного) под влиянием факторов контекста. Слово, будучи

лентность α лексемы L, мы будем называть сферой действия лексемы L по валентности α ...» [там же: 44].

постоянной величиной, в то же время имеет внутренние потенции к варьированию, причем варьированию трех типов:

“Первый тип – **внутреннее варьирование слова** – связан с тем, что различные компоненты плана содержания слова могут быть более или менее значимы. Такое варьирование моделируется с помощью понятия **грани**. Каждая грань соответствует преобладанию одного из компонентов плана содержания слова или равенству компонентов по значимости.

Второй тип – **внешнее варьирование слова** – касается того, каким образом некоторые элементы контекста и ситуации (параметры высказывания) взаимодействуют с введенным в контекст словом и влияют (в большей или меньшей степени) на понимание слова в конкретном высказывании. Этот тип варьирования моделируется с помощью понятия **деформации**.

Третий тип варьирования связан с понятием **сферы действия** ДС [дискурсивного слова], которая определяется в первую очередь общими закономерностями интонационного оформления, порядка слов и актуального членения” [ДС 1998: 12].

Способом же представления плана содержания дискурсивного слова, фиксирующим параметры его варьирования, является **сценарий-схема** [ДС 1998: 13], или **формальная семантическая схема** [ДС 2003: 9].

4. Соотношение базовых семантических структур и сфер действия частиц *даже* и *նույնիսկ*

Наиболее точным и частотным армянским эквивалентом русской логико-модальной частицы *даже* является модальное слово-частица (եղանակաբանական բառ-նշանակիչ) *նույնիսկ*. Поэтому сопоставительный анализ будет вестись с упором именно на этот армянский эквивалент. Остальные армянские лексемы будут приводиться в качестве примеров по мере надобности. В семантико-синтаксической характеристике лексемы *նույնիսկ* обнаруживается ряд важных «структурных» черт, схожих с аналогичными чертами логико-модальной частицы *даже*: оба слова, реализуясь в высказывании, вызывают в представлении слушателя тот фон выделения, на который опирается говорящий в речевом акте, – создают противочлен; тем самым они могут входить в сферу действия и пропозиции (выраженный в дискурсе конкретный противочлен), и пресуппозиции (ассоциированный противо-

член). Противочлен, возникающий при функционировании частиц *даже* и *նույնիսկ*, обычно не имеет эксплицитного выражения, то есть соответствующая синтаксическая сфера действия (СД) обычно бывает не заполнена. Противочленом в таких случаях является универсальное ассоциированное множество (с той оговоркой, что говорящий и слушающий сами производят сужение этого множества, исходя из своего понимания описываемой ситуации). У частиц *даже* и *նույնիսկ* тождественная трехвалентная семантическая структура; одинаковы и семантические роли, выполняемые их актантами: Q – выделяемый (ядерный) элемент; R – множество однородных с Q и релевантных в заданном контексте элементов, на фоне которого Q и выделяется – противочлен; P – признак, на основании которого происходит это выделение. Отношения, которые устанавливают обе эти частицы между противочленом и ядерным словом, тождественны: выделяя и противопоставляя ядро противочлену, они тем не менее не исключают, а, наоборот, включают его в противочлен, сигнализируя его особую позицию в ассоциированном множестве.

Черты сходства анализируемых лексем не ограничиваются указанными выше свойствами, а распространяются гораздо дальше. В частности, весьма много общего имеют между собой сферы действия этих частиц.

СД логико-модальных частиц *даже* и *նույնիսկ* с точки зрения частеречной принадлежности коррелируемых с ними слов очень широка: синтаксически они могут присоединяться ко всем знаменательным частям речи:

к существительному: 32) *И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Баимачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки.* (Гоголь). 33) *...Մինչև անգամ բժ. Արամյանից հոդվածներ, լուրջ հոդվածներ ունենք ստացած, որ մեզանից թե կախված և թե չկախված պատճառներով չենք սպասրել...* (Նար-Նու). 34) *Նրանք մինչև իսկ Ստանկելին էին փորձում մեղադրել այդ հանցագործության մեջ:*

к глаголу: 35) *Через минуту явилось письмо. Так и есть: от матери, из Р-й губернии. Он даже побледнел, принимая его.* (Достоевский). 36) *Այդ կարճ ընթացքում նրանք նույնիսկ հասցրե-*

ցիւն մանուկի արույնի հրավիրել: («Ազգ», 09.11.2004). 37) Նա չափազանց թուլացել էր. մինչև իսկ չէր կարողանում քայլել:

к прилагательному: 38) Но не прошло и минуты, как живо стукнуло ему в голову, а по спине пошел легкий и даже приятный озноб... (Достоевский). 39) Այն, որ քաղքենուն առավել հարիր է ծերունական մարազը, քան՝ ինֆանտիլիզմը, բացատրվում է, թերևս, նրանով, որ քաղքենին հին է, նույնիսկ ավելի հին, քան Վեգուլի հրաբուխը... («Եթեր», 09.11.2004). 40) Մամվելի մորը կարելի էր մինչև անգամ գեղեցիկ համարել... (Ռաֆֆի).

к числительному: 41) Теперь, как узнали все, что Дунечка выходит за Петра Петровича, и мой кредит вдруг увеличился, и я наверно знаю, что Афанасий Иванович поверит мне теперь, в счет пенсии, даже до семидесяти пяти рублей, так что я тебе, может быть, рублей двадцать пять или даже тридцать пришлю. (Достоевский). 42) ...Դավիթ Շահնազարյանը նախ պնդեց, որ նույնիսկ 90-ականների սկզբին <...> միջազգային մթնոլորտը Հայաստանի նկատմամբ այնքան անբարենպաստ չի եղել, որքան այսօր: («Առավոտ», 30.10.2004).

к местоимению: 43) Она даже мне не написала обо всем, чтобы не расстроить меня, а мы часто пересылались вестями. (Достоевский). 44) Իրենց նախնիների պես վիկինգներն էլ զբաղվում էին հողագործությամբ, ընդ որում նույնիսկ նրանք, ովքեր մասնակցում էին արշավանքներին: («Եթեր», 19.10.2004).

к наречию: 45) Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью. (Достоевский). 46) ...Մեծ մրցույթի փառաճառով այդ կազմակերպություններում աշխատանքի ընդունվել, անգամ այդքան ունակություններով, անհնար է: («Եթեր», 29.10.2004). 47) Նույնիսկ բազմիցս զգուշացումները նրան դարձի չբերեցին:

Часто частицы связаны синтаксически не с одним словом, а со словосочетанием или группой слов, поэтому о ядерном элементе – сфере действия частиц – следует говорить, по-видимому, как о составляющей:

48) *Он [Раскольников] был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его.* (Достоевский). 49) *Չոն Քերիի և Չորջ Բուշի տարբերությունն այնքան ակնհայտ է, որ նույնիսկ երդվյալ հանրապետականները, մտքափոխ լինելով, անցնում են դեմոկրատական թեկնածուի կողմը...* («Ազգ», 29.10.2004): 50) *Նման դեպքում նույնիսկ ամենախիստ դատավճիռն անփույթ վարորդի նկատմամբ միայն թեթև միջթարանք կարող է լինել:* («Եթեր», 19.10.2004)

Частица *даже* так же, как и *նույնիսկ*, как правило, синтаксически примыкает к выражению, обозначающему ядерный элемент Q. СД частицы *даже* являются те элементы, которые стоят правее слова *даже* в линейной записи предложения. Между тем в разговорной речи возможно употребление слова *даже* правее элементов, входящих в его сферу действия:

51) *Меня это очень даже интересует...*

52) *Пообедать даже – и то некогда...*

Для армянской частицы *նույնիսկ* эта право- или левосторонняя прикрепленность лексемы к ядерному элементу, по-видимому, непринципиальна, поскольку в высказывании в качестве ремовыделителя функционирует также вспомогательный глагол. В то же время частица *ինչամ* довольно часто употребляется именно в постпозиции:

53) *Հասարակության կյանքում տեղ գտած ամենատղեղ երևույթներին անգամ երբեմն փորձում ես ներողամտորեն վերաբերվել, սակայն քաղբեկության բազմազան դրսևորումներն այսօր պարզապես դառնում են անհանդուրժելի:* («Եթեր», 09.11.2004). 54) *Նա ամեննին մի բառով անգամ դժգոհություն չի հայտնել և շարունակում է առաջվա պես աշխատակցել մեզ:* (Նար-Դոս).

Наблюдаются даже случаи, когда семантико-синтаксическая СД частиц неопределенна:

55) *А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже₁ ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже₂ чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном со-*

стоянии и начинал даже₃ с своей стороны сам чувствовать страх. (Гоголь). 56)... Շահույթ ունեցող «Կապանի ԼՀԿ»-ն ինչու է սնանկանում՝ չվճարելով անգամ կուրբինատի արժեքը: («Ազգ», 24.11.2004).

Решение относительно СД *даже₂*, *даже₃* и *и́նչամ* неоднозначно. Как минимум, возникает вопрос: коррелируют ли частицы: *даже₂* – с модальным глаголом *мочь*, *даже₃* – с фазисным глаголом *начинать*, *и́нչամ* – с причастием *չվճարելով*, либо *даже₂* – с глагольной группой *лишить чувств*, *даже₃* – *чувствовать страх*, а *и́նչամ* – с именной группой *կուրբինատի արժեքը*?

Особо следует отметить употребление армянских лексем *իսկ* и *մինչև* в значении ‘даже’. Будучи полисемантическими лексемами, они могут функционировать и в качестве усилительной частицы, только *իսկ* выступая в постпозиции к ядерному элементу, а *մինչև* – в препозиции:

57) *Գարեգին անունն իսկ, երբ արտասանում էին, քաղցր էր հնչում իմ աղանջին:* (Սուրացան). 58) *1854 թվականի ձմեռը այնպիսի ցրտեր էր անում, որ մինչև քաղաքի վաղուցվա բնակիչները զարմանում էին* (Ռ. Պատկանյան).

5. Семантико-прагматическая структура *даже* / *ևս/իսկ*

5.1. Базовое толкование. СД (ДАЖЕ) – субъектный актант

В лингвистической литературе сформировалось определенное общее представление о значении частицы *даже*. Это представление можно сформулировать как следующее семантико-прагматическое толкование (59') предложения-высказывания (59):

59) [Сегодня класс плохо подготовился к уроку.] *Даже* *Вардан* получил двойку. // [Այսօր դասարանը վատ էր պատրաստվել դասի:] *Եւս/իսկ* *Վարդանն է երկու ստացել:*¹²

¹² В качестве армянских примеров мы решили привести переводы соответствующих русских предложений, что упростит и сделает более ясным процесс анализа основного толкования за счет отсылки к тождественным семантическим компонентам этих предложений.

59') 'а) Вардан (Q), входящий в коллектив класса (принадлежащий множеству R), получил двойку (обладает свойством P);

б) существуют некоторые Q' , отличные от Вардана – другие ученики класса ($\in R$), которые тоже получили двойки (P_Q);

в) можно было с меньшим основанием ожидать того, что Вардан получит двойку, чем того, что ее получают другие ученики;

г) говорящий **не** ожидал того, что Вардан получит двойку'.

Частица генерирует структурированный пресуппозиционный фон «вокруг» предложения-высказывания, в котором выделяются три иерархически взаимосвязанных уровня.

Во-первых, частицы *даже* / *implicature* вводят в общую семантику высказывания указание на существование некоторого объекта (или объектов) Q' , про который сообщается, что он так же, как и Q , обладает свойством P (компонент б). Этот феномен был назван в лингвистической литературе «экзистенциальной импликатурой», или «импликатурой существования» (см.: [Богуславский 1996: 307]). Заметим, что речь идет не об экзистенциальной пресуппозиции, которая в высказывании (59) будет следующей: 'существует некто Вардан'. Экзистенциальная импликатура – это семантическая пресуппозиция существования некоторого, формально не выраженного объекта(-ов), вызываемая самой частицей. Однако надо сказать, что этот семантический компонент оказывается включенным в понятия «противочлен» и «ассоциированное множество», используемые нами, и реализуется он лишь в случае корреляции «частица – актанта». Если же частица взаимодействует с предикатом, то элемент Q' образует предикат(ы), и говорить об экзистенциальной импликатуре не приходится.

Во-вторых, в высказываниях с частицей *даже* и *implicature* имеется представление о некоторой пресуппозиционной шкале ожиданий, «на которой частица *даже* производит нечто вроде градуирования» [Крейдлиן 1975: 105]. Компонент (в) представляет **скалярную импликатуру**, ранжирующую пресуппозиционную шкалу ожиданий и маркирующую позицию выделяемого элемента Q на ней. Скалярная импликатура указывает на то, что элемент Q и элементы Q' – члены множества R – частично упорядочены в соответствии с тем, насколько вероятным, нормальным, обычным представляется говорящему тот факт, что данный элемент обладает свойством P . Фактически, Q занимает на этой

градуированной шкале вероятности **последнее, крайнее место**, как **наименее** вероятный, нормальный, обычный элемент, обладающий свойством Р (см.: [Крейдлин 1975]).

И наконец, компонент (г) – импликатура экспектации, выражающая значение неожиданности / обманутого ожидания, генерируемое частицами *даже* и *иппјћћћ*. Этот компонент нуждается в дополнительном комментарии. Обычно лингвисты описывают его следующим образом: отрицание в их толкованиях, согласно правилу подъема, или переноса, отрицания, помещено не в главной части, а в придаточной: говорящий *ожидал* [Богуславский 1985: 121], или *ожидалось* [Крейдлин 1975: 104; Крейдлин 1979: 15], или *можно было ожидать* [Богуславский 1989: 200; Богуславский 1996: 307], или *можно было думать* [Вежбицка 1968: 24], что Q **не** обладает свойством Р. Мы полагаем, что с прагматической точки зрения гораздо удобнее фиксировать отрицание именно в главной части – ‘говорящий **не** ожидал, что Q обладает свойством Р’: ведь в высказывании речь идет о неожиданности для говорящего реализации данной пропозиции, а не об ожидании говорящим «неосуществления» этой пропозиции (или осуществления другой). Тем не менее сама семантика неожиданности так или иначе связана с идеей «ожидания» / «ожиданий». (См. толкование лексемы *неожиданно* и ее синонимов И.Б. Левонтиной [Левонтина 2003: 655–660]). Частица *даже*, отсылая к сформированному в сознании реципиента (зд.: говорящего) представлению о некотором нормативном, естественном ходе событий, о некоей норме, указывает на то, что реальное положение дел не соответствует этой норме. Правда, неожиданность может указывать также всего лишь на отсутствие какой-либо связи в развитии (или чередовании) событий (см. анализ лексемы *вдруг*); однако семантика неожиданности, имплицитруемая частицами *даже* / *иппјћћћ*, все же связана с понятием нормы (точнее – с ее нарушением). В то же время собственно значение «обманутого ожидания» выражается в случае неосуществления предварительно имевшейся гипотезы относительно данной ситуации. Следовательно, «обманутое ожидание» в узком смысле является лишь частной разновидностью семантики неожиданности, но «обманутость ожиданий» в широком смысле является одним из базовых компонентов семантики неожиданности.

Итак, если компонент (а) есть смысл высказывания (59), которое получится при устранении из него частиц *даже* / *h̄n̄j̄h̄n̄j̄*, то компоненты (б), (в) и (г) описывают непосредственно смысл самих частиц. По существу, основная семантико-прагматическая задача, выполняемая частицами *даже* и *h̄n̄j̄h̄n̄j̄*, состоит в сигнализировании противоречия между **реальным** положением дел (компонент а) и **ожидаемым** (компонент г).

Компоненты (в) и (г) базового толкования логико-модальных частиц *даже* / *h̄n̄j̄h̄n̄j̄* объясняют то, почему мы назвали их смысловую структуру «семантико-прагматической». Прагматические значения – скалярная импликатура и импликатура экспектации – являются неотъемлемым компонентом их содержания (в отличие от семантики, например, частиц *только* / *h̄h̄j̄h̄j̄*); соответственно, утверждение об исследовании семантики частиц *даже* и *h̄n̄j̄h̄n̄j̄* подразумевает обязательное рассмотрение прагматических смыслов, актуализируемых ими, а семантическое толкование этих частиц является по сути семантико-прагматическим.

Правда, следует отметить, что **импликатура**(!) «неожиданности /обманутого ожидания» может не актуализироваться в определенных контекстах, причем по-разному: от 1) полного отсутствия в парцеллированной конструкции с лексическим повтором предикатива из базовой части в качестве СД частицы – до 2) лексикализации этого значения в изъяснительной части сложноподчиненного предложения.

В первом случае – при отсутствии семантики ожидания – частицы *даже* / *h̄n̄j̄h̄n̄j̄* выражают максимально крайнюю степень актуализации предикативного признака, эмфатически выделяя оценку говорящего, подчеркивая его позиции в нормативно-ценностной «системе координат»:

60) *Ученые допили вино до конца и (пьяные, шумные, огорченные) разъехались, чтоб навсегда затеряться в безбрежии мира человеческого. Нехорошо поступили с ними. Даже очень плохо* (Пикуль);

61) *Стоит только приложить палец к виску, слабое усилие пальца – и все будет кончено. Умереть легко. Даже очень легко* (Пикуль). (См.: [Щербань: http]).

Во второй конструкции, гораздо более распространенной, семантика неожиданности лексически эксплицирована в главной

части предложения, и частиц *даже* / *ὅτι* вновь выполняют сугубо эмфатическую функцию, именно усиливая выраженную неожиданность:

62) – *Он хорошо говорит, – заметила генеральша, обращаясь к дочерям и продолжая кивать головой вслед за каждым словом князя, – я даже не ожидала.* (Достоевский).

63) *Он пожал плечами, но со мной согласился; мы расстались довольно учтиво, чего я даже не ожидал.* (Достоевский).

64) *Это ты хорошо рассудил, брат. Я даже не ожидала...* (Достоевский).

5.2. Модификация толкования. СД (ДАЖЕ) – объектный актант

В большинстве случаев свойство Р необходимо принадлежит и Q, и Q'; однако возможны высказывания, в которых элемент Q' хотя и подразумевается, но, в принципе, не обязательно обладает свойством Р. Например, в предложении (65) [*Не дерись с Варданом!*] *Он даже Артура побил.* // [*Ἐπιτίθει Ἐπιτίθει ἔδωκεν*] *ὅτι* *ὅτι* *ὅτι* – не предполагается, что с Варданом дрался и был им бит еще кто-нибудь, кроме Артура, хотя и это, конечно, не исключается. Сообщается лишь, что и другие люди, менее сильные и ловкие, чем Артур, если еще не биты, то скорее всего будут таковыми, если полезут в драку с Варданом. Таким образом: в множестве R существует такой элемент(ы) Q', отличный от Q, который обладает свойством Р или **мог бы им обладать**. Это уточнение позволяет интерпретировать и другие классы предложений-высказываний, плохо согласующихся с утверждением о существовании элементов Q', которые непременно обладают свойством Р.

СД (ДАЖЕ) – предикат

В позиции, когда сферой действия *даже* / *ὅτι* является предикат, частица синтаксически взаимосвязана со словом, которое обозначает некоторое свойство, приписываемое субъекту. Тем самым элемент Q сам становится обозначением свойства, вследствие чего наше представление семантической структуры частицы несколько изменяется. В предложении-высказывании: (66) *От страха Вардан даже потерял сознание* // *Ἐπιτίθει Ἐπιτίθει ἔδωκεν*, – ядерный компонент

Q – «потерять сознание», и ему приписывается свойство P – «Вардан это сделал». Свойство P, приписываемое элементу Q, есть актуализованность в высказывании предиката, принадлежащего множеству всех потенциальных предикатов R, характеризующих субъекта данной пропозиции. Вероятное понимание данного примера: ‘То, что Вардан потеряет сознание, менее всего отвечало ожиданиям говорящего’.

Но что еще более важно в этом случае, так это сигнализирование посредством частиц *даже* / *һиһиһиһи* большей семантико-прагматической значимости актуализированной пропозиции по сравнению с ожидаемой: в данном случае актуализированная пропозиция оказывается «большой», чем ожидаемая ($P_Q > P_{Q'}$) с точки зрения степени проявления интегрального предикативного признака: то есть, по мнению говорящего, Вардан от страха мог бы убежать, закричать и т.п., но не потерять сознания. Таким образом, частицы *даже* / *һиһиһиһи* формируют одновременно две шкалы градуирования: сигнализируют о наименьшем ожидании реализации Q при наибольшей степени актуализации этого предикативного признака, когда признак доходит до (относительно) **максимального предела** своего развития.

Приведем несколько примеров из литературы:

67) ...*Тот [Главный кригсман] нерадиво управлял осадой, упустил удобный момент для штурма, отчего войско понесло неоправданные потери, даже проявил трусость, пьянство и чревоугодие, за что Великий курфюрст приговаривает его к отсечению головы.* (В. Быков. НКРЯ)

68) *Это был её голос. Голос Лидии Тимофеевны. Учительницы истории из параллельного класса. Я даже перестал дышать от удивления.* (А. Геласимов. НКРЯ)

69) *Его губы были крепко сомкнуты, даже сжаты, будто для плева.* (О. Павлов. НКРЯ).

Учитывая эти замечания, семантико-прагматическое толкование частиц *даже* / *һиһиһиһи* можно сформулировать следующим образом:

а) ‘Q, входящий во множество R по признаку n, обладает свойством P;

б) во множестве R существует элемент(ы) Q', отличный от Q, такой, который тоже обладает свойством P (или мог бы им обладать);

в) можно было с меньшим основанием ожидать того, что Q обладает свойством P, чем того, что свойством P обладает Q', при этом актуализированная пропозиция с точки зрения семантико-прагматической значимости «больше» ожидаемой, а ядерный элемент обозначает (относительно) максимальный, «верхний» предел ассоциированного множества по заданному интегральному признаку' [в утвердительном контексте¹³];

г) говорящий не ожидал того, что Q обладает свойством P'.

6. Этимолого-историческое обоснование базового толкования

Приведенное нами толкование семантико-прагматической структуры частиц *даже* / *ἤτις/ἤτις* подтверждается и этимолого-историческим анализом, который, в первую очередь, позволяет выявить истоки ее специфической семантической структуры – одновременное включение ядерного элемента в ассоциированное множество и противопоставление его всем остальным элементам, составляющим это множество.

Исторически частица *даже* возникла лексико-синтаксическим путем в результате сращения союза *да* с частицей *же*. В итоге язык обогатился еще одной «энантиосемичной» лексемой, значение которой сложилось как результат контаминированного сопря-

¹³ В отрицательном контексте – при нейтральной отрицании (НО) – кардинально изменяется позиция ядерного элемента Q на градационной шкале ожидания: ядерный элемент «переносится» с одной крайней позиции – «полюса наименьшей вероятности» – в другую крайнюю позицию – «полюс наибольшей вероятности», то есть ядерное слово, выделяемое частицами *даже* / *ἤτις/ἤτις*, на шкале вероятности занимает уже первое место, наиболее вероятное и более всего ожидаемое с точки зрения обладания ядерным элементом Q предикативным признаком P. Таким образом, при НО *даже* выделяет наиболее вероятный элемент скалярной импликатуры как **не обладающий** свойством P. В этой ситуации «шкала ожиданий инвертируется» (см.: [Богуславский 1996: 351]). Однако изменения семантико-прагматической структуры *даже* / *ἤτις/ἤτις* не ограничиваются инверсией шкалы вероятности. По существу, в контексте НО ядро обозначает (относительно) **минимальный, «нижний»** предел ассоциированного множества по заданному интегральному признаку.

жения **соединительного** значения полисемичного союза *да* и **выделительно-противопоставительного** значения частицы *же*¹⁴.

Изучение истоков образования частицы *даже* помогает нам ответить не только на вопрос о причине и способе возникновения в ее семантической структуре представления об ассоциированном множестве (компонент б) и о характере взаимоотношений ядерного элемента и ассоциированного множества. Этимологический анализ выявляет еще одну деталь, позволяющую нам ответить на вопрос о появлении в ее семантике скалярной импликатуры, о ее градуирующей способности и, в частности, об обозначении ею максимального предела предикативного признака (компонент в). В «Этимологическом словаре славянских языков» о праславянской лексеме **da že* мы читаем следующее: «ст.-слав. *даже*, союз ‘вплоть до, с тем, чтобы’, <...> *дажи* то же, болг. *да́же*, частица ‘даже’ <...>, др.-русск., русск.-цслав. *дажь*, *даже* ‘чтобы’, ‘пока’, ‘если’, ‘и’, ‘даже’. <...> Конструкцию **da že* трудно отделить от **do že* как формально, так и семантически (ср. др.-русск., русск.-цслав. *доже* ‘до’ = ст.-слав. *даже* ‘до, **вплоть до**’)). И здесь же заявляется о возможности «плеонастического расширения этой конструкции в ст.-слав. *даже до*, др.-русск., русск.-цслав. *доже до*, *дожи до*...» [ЭССЯ 4: 181]. Наречно-предложная конструкция *вплоть до*, выступающая компонентом значения лексемы *даже* в данной словарной статье, выделена нами отнюдь не случайно. Именно количественно-интенсифицирующее адвербиальное значение этой конструкции ясно говорит о том, что

¹⁴ В качестве примера отметим лишь несколько основных значений союза *да*: ‘и’; ‘но’; ‘чтобы’; ‘пусть’ и др. (См.: [ЭСРЯ_Ф I: 480; ЭССЯ 4: 180]). В ЭСРЯ_{III} придерживаются более дифференцированного подхода: полисемия «переводится» в омонимию: приводятся три лексемы *да* – *да*¹ (союз, утвердит. частица), *да*² (вопросит., соединит., усилит. частица) и *да*³ (‘пусть’, в сочетании с повелит. наклонением), и две лексемы *даже* – *даже*¹ (сочинит. союз) и *даже*² (усилит. частица). И именно последняя лексема – усилительная частица *даже*, как утверждается в словаре, – возникла в результате сращения частиц *да*² (в свою очередь, восходящей к *да* ‘и, а’) и *же* (выделено нами – К.А.) [ЭСРЯ_{III} I, 5: 7]. Правда, в научной литературе существует и иная трактовка образования *даже*. В пределах этой лексемы, по мнению Т.М. Николаевой, объединились **сходные** смыслы: *да* ‘но’ и *же* ‘но’. В доказательство она приводит синоним *даже* – стилистически маркированную частицу *аж*, восходящую к **a + že*, где *a* и *же* имеют значение ‘но’. Кроме того, «добавление [к частице *аж*] реального *но* → *ажно* снова укрепляет значение *даже*, соединяя, как было сказано выше, сходное со сходным» [Николаева 1985: 144–145].

даже указывает на некоторую крайнюю степень проявления признака. Это же подтверждает определение, данное В. Далем слову *даже*: «*даже*, союзъ, выражающій **предѣлъ до чего, крайность, крайнюю, высшую степень**» [СД I: 414].

Представляет особый интерес сочетание *даже до*, которое в современном русском языке является устаревшим и встречается редко, однако еще в XIX в. оно широко употреблялось в литературном языке, что подтверждается при анализе текстов русских классиков:

70) *Ужин был очень весел, все лица <...> были озарены самым непринужденным довольством. Офицеры, дамы, фраки – все сделалось любезно, **даже до приторности**.* (Гоголь).

71) *Они оба замолчали, и молчание длилось **даже до странности** долго, минут десять.* (Достоевский).

72) *Вообще людей с новой мыслию, <...>, необыкновенно мало рождается, **даже до странности** мало.* (Достоевский).

Выделение *даже до* может показаться странным и довольно спорным: ведь в приведенных предложениях при относительно свободной элиминации *даже* (с ослаблением значения максимального предела) невозможно опустить сочетание *даже до* (только при условии преобразования существительных *странность* и *приторность* в наречия *странно* и *приторно*, с препозицией последнего – *приторно любезно*, что существенно изменяет смысл предложений: исчезает идея развития предикативного признака до максимального предела). Тем не менее мы решили выделить это партикулярно-предложное сочетание, считая обязательную постпозицию существительного в Р.п. влиянием предложных характеристик компонента *до*; кроме того, в этом вопросе мы опираемся на авторитет словарей по истории русского языка: «*Даже (доже) и до – при указании места, времени: Наставница и окормительница буди ми даже до конца жизни моя. ВМЧ, Дек. 1–5, 71. XVI в.*» [СРЯ XI –XVII 4: 167]; «*даже и (ни) до – вплоть до; до (самого): да иже бж(с)твьныхъ ра(д) заповѣдй. даже и до смърти стояти по(д)баеть. Ряз. Корм. 1284, 350а; и по тому морю внити даже и до рима. Пролог «Прилуцкий» на сент. – фев. XIV – XV, 141б*» [СДЯ II: 422]; «*Даже до. Вплоть до. Птицы неугомонныя, вопиют безпрестанно гласы великими от утра даже до вечера. Афон. гора 93. От хижин даже до престола,*

На холмѣ и в срединѣ дола Почиет бранный Россов дух. Держ. Соч. I 74» [СРЯ XVIII 6: 26].

Партикулярно-предложное сочетание *даже до* эксплицирует заложенный в значении частицы *даже* семантический компонент ‘самый’ – самая крайняя, максимально предельная степень выражения признака, благодаря чему доказывается очевидность наличия градуирующей семантики в значении частицы *даже*. В то же время отождествлять градуирующие значения лексем *даже* и *даже до* неверно. Градуирование, производимое частицей *даже*, с логической точки зрения носит сравнительно-сопоставительный характер (что отражено в пункте (в) толкования *даже*), с психологической – относительный, а с лингвистической – имплицитный, скрытый. Что касается градуирующей семантики сочетания *даже до*, то в данном случае речь идет об указании на лингвистически выраженную «превосходную» степень проявления признака, претендующую на абсолютную значимость. При этом эксплицированность градуирования создается не только за счет наличия предлога *до*, но и лексико-семантическими и синтаксическими условиями функционирования этого сочетания. Дело в том, что партикулярно-предложное сочетание *даже до*, кроме стандартных условий функционирования в составе обстоятельств времени и места, часто коррелирует с существительными-интенсификаторами (с адвербиальной функцией указания на степень проявления признака), причем интенсифицируется обычно значение предиката либо характеризующих его наречий, тем самым именно ядерный элемент оказывается эксплицированным «пределом» возрастания указанного признака. (См. примеры 70, 71, 72).

7. Дополнительные прагматические характеристики частиц *даже* и *նույնիւլ*

Завершая анализ, обратимся к дополнительным прагматическим значениям, выражаемым частицей *даже* и эквивалентными ей армянскими частицами.

Частицы группы *даже* / *նույնիւլ* актуализируют в высказывании еще одно модальное значение, очень тесно связанное с семантикой «неожиданности», – модальность «удивления», возникающую в результате несостоятельности ожидания, несовпадения ожидаемого с действительным: ‘говорящий не ожидал того, что Q обладает свойством P, → он удивлен этим (фактом)’. Об этой

семантической нагрузке упоминает и Н.Ю. Шведова: «Основную группу построений [с частицей *даже*] составляют такие, в которых признак выделяется и акцентируется как неожиданный, несколько необычный, **вызывающий удивление**, не такой, которого ожидают или которого следовало бы ожидать...» (выделено нами – К.А.) [Шведова 1960: 222].

Другим прагматически ориентированным значением, реализуемым в коммуникативном акте частицами группы *даже* / *inijuhulj*, является оценка.

Прагматический блок оценки (в широком смысле этого слова) не является категориально простым и представляет собой довольно сложно структурированную систему, в которой взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга по крайней мере три различные субмодальности, отражающие понятие нормы: алетическая, деонтическая и аксиологическая. Алетическая субмодальность, отражая закономерности реального мира, естественный, заведенный порядок вещей, базируется на неоспоримых объективных фактах. Деонтическая субмодальность, представляющая социоцентрическое ядро категории нормы, формируется благодаря прескрипционным установкам. Третьим компонентом, входящим в общее понятие нормы, является аксиологическая, собственно оценочная субмодальность. Факты в соответствии с выполняемой или невыполняемой прескрипцией могут оцениваться, и оценка эта будет базироваться на норме (либо прикрываться ею). Все три субмодальности как бы выстраиваются одна над другой, составляя единое категориальное содержание общего понятия нормы. (См. о категории «нормы»: [Арутюнова 1988; Николаева 1985; Вольф 2002]).

Среди выделенных типов нас интересуют в первую очередь деонтическая и аксиологическая субмодальности. Дело в том, что наша статья ориентирована на «антропоцентрический» материал: с этим связано, например, изучение функций частиц в высказываниях, субъекты которых выражены различными типами имен лиц, выбор предиката «работать» в качестве базового, и многое другое. А антропо- и социоцентричность указанных модальностей несомненна. При этом деонтическое значение, являющееся проекцией нормативной картины мира, носит своеобразный конвенциональный характер: ведь норма объективируется относительно правил определенной, часто – социально маркированной,

системы; аксиологическое же значение проецируется ценностной картиной мира говорящего и характеризуется обычно индивидуальностью оценки. Учитывая основную семантико-прагматическую функцию рассматриваемых частиц – сигнализирование противоречия между ожидаемым и действительным положениями дел, мы можем говорить о том, что частицы группы *даже / նույնիսկ*, соотнося содержание пропозиции (с доминантой на ядерном слове) с нормативной и ценностной картинами мира, отражают **несоответствие** норме, которая может быть как алетической (73) *А у нас даже зимой розы цветут.* 74) *Այսինքն նույնիսկ ամռանն է ցուրտ լինում*), так и прескрипционной, и аксиологической (75) *Он даже старушкам в транспорте места не уступает.* 76) *Վարդանն նույնիսկ թուխնիշինին և Բուհիշ-Լյանին չի կարողցել*).

И наконец, отметим еще одну специфическую черту частиц группы *даже / նույնիսկ* – вынесение в пресуппозиционный фон высказывания скрытых характеристик актантов пропозиции:

77) *Даже Вардан получил пятерку.* – общая оценка пропозиции положительная, однако субъект при этом освещен негативно, характеризуется отрицательно: ‘Вардан обычно пятерок не получает’.

78) *Даже Вардан не получил пятерки.* – наоборот. (О способности частицы *даже* выявлять имплицитные характеристики актантов пропозиции более подробно см. в [Николаева 1985]).

8. Заключение

Проведенные семантико-прагматический и сравнительный анализы русской и эквивалентных ей армянских логико-модальных частиц показывают, что с точки зрения межъязыковых семантических соответствий логико-модальные частицы, будучи недескриптивными лексемами, характеризуются – по крайней мере, насколько мы можем судить на основании нашего материала – теми же признаками, что и более «нормальные» дескриптивные лексеммы. В нашем случае уникальной русской частице

даже¹⁵ соответствует несколько армянских лексем: *նույնիսկ, անգամ, մինչև անգամ, մինչև իսկ* и даже просто *մինչև* и *իսկ*, среди которых наиболее близкой – и семантико-синтаксически, и функционально-прагматически, и с точки зрения частотности употребления – является частица *նույնիսկ*.

Выводы, полученные нами в результате исследования, мы стараемся представить в виде определенных блоков, характеризующих данные частицы с различных ракурсов языковой системы.

Функционально-грамматические характеристики

Анализируемые лексемы при актуализации в тексте или в высказывании реализуют – в зависимости от синтаксической позиции и от типа коррелируемого с ней члена пропозиции – либо свою первичную функцию логико-модальной частицы, либо (а иногда и одновременно) вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами, выражающими разные виды присоединительных отношений, но обычно не переходя в статус союзных аналогов (как, например, лексемы *только* – *միայն թե*).

Функционально-коммуникативные характеристики

Исследуемые усилительные, или выделительные, частицы характеризуются способностью вызывать акцентное выделение связанных с ними слов, вследствие чего они были названы в лингвистической литературе также акцентирующими. Именно акцентирующая функция частиц – свойство выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на том, что он обозначает – указывает и на другую характерную их особенность: они обладают также ремовыделительной функцией. При этом в армянском языке с идентичной коммуникативной нагрузкой функционирует вспомогательный глагол, который, в отличие от

¹⁵ В разговорной речи, а также в художественной литературе с идентичной коммуникативной функцией, семантической нагрузкой и часто в тождественных синтаксических условиях может употребляться просторечное слово *аж*, проникшее в литературный язык из народных говоров и отличающееся от *даже* стилистической и экспрессивно-эмоциональной маркированностью: 79) *А мужики мои аж скачут от ударничества, под ними волю бегом бегут, а куда – неизвестно, кликнешь – они назад вернутся, прикажешь – тужатся, проверишь – проку нету* (Платонов). 80) *– Я ведь здесь, как Союзкиножурнал, – сказал старик Кузьма, любивший туманные картины еще со старого времени, – все вижу и все знаю... Тут что делается, кума, аж последняя теория замирает в груди!..* (Платонов).

позиционно свободной частицы, характеризуется обычно фиксированной постпозицией относительно ремы и является более сильным, чем частица, ремовыделителем.

Формально-синтаксические характеристики

С точки зрения частеречной принадлежности коррелируемых с ними слов сфера действия логико-модальных частиц *даже* / *նույնիսկ* (и др.) очень широка: синтаксически они могут присоединяться ко всем знаменательным частям речи.

Изучение *даже* в аспекте ее позиционного расположения по отношению к сфере действия характеризует ее как частицу, предшествующую ядерному элементу в линейном развертывании высказывания. В то же время в разговорной речи возможна инверсия частицы – употребление *даже* правее элементов, входящих в ее сферу действия.

Для армянских частиц *նույնիսկ* и *սեպես* эта право- или левосторонняя прикрепленность лексемы к ядерному элементу, по-видимому, непринципиальна, поскольку в высказывании в качестве ремовыделителя функционирует также вспомогательный глагол. Составные же частицы *սհնչել սեպես* и *սհնչել իսկ* функционируют обычно в препозиции к ядерному элементу, поскольку первым компонентом частицы является лексема *սհնչել*, этимологически являющаяся предлогом со значением ‘до’ (ср. с семантическим множителем ‘вплоть до’ в толковании частицы *даже*, заложенным в пункте (в) основного семантико-прагматического толкования). Что касается армянских лексем *իսկ* и *սհնչել*, то они функционируют со значением ‘даже’ строго в определенной позиции: *սհնչել* в препозиции, а *իսկ* – в постпозиции к ядерному элементу.

Семантико-прагматические характеристики

Рассмотренные нами в обоих языках логико-модальные частицы обладают трехвалентной семантической структурой с одинаковыми семантическими ролями, выполняемыми их актантами: Q – ядерный элемент, R – противочлен и/или ассоциированное множество, P – признак, на основании которого происходит выделение ядерного элемента. Отношения, которые устанавливают данные частицы между противочленом и ядерным словом, тождественны: выделяя и противопоставляя ядро противочлену, они не исключают, а включают его в противочлен, сигнализируя его

особую позицию в ассоциированном множестве. В прагматический блок толкования этих частиц входят такие компоненты, как скалярная импликатура – указание на «крайность» в ряду однородных элементов – и семантический множитель «неожиданность». Кроме того, анализируемые частицы характеризуются и другими прагматическими компонентами: с их помощью говорящий передает такие модальные значения, как удивление, оценку, соотношение с нормой (они отражают несоответствие норме), характеризацию субъекта пропозиции.

Таким образом, комплексный подход – применение семантико-прагматического и сопоставительного анализов – позволил нам гораздо полнее обозначить все те гетерогенные признаки, которые характеризуют такой специфический языковой феномен, как логико-модальная частица, незаслуженно оказавшийся в одной из наиболее периферийных зон грамматики, даже по сравнению с другими служебными частями речи, – этот своеобразный предложенческий «вирус», который, вклиниваясь в структуру высказывания, «заражает» его – создает вокруг него особый семантико-прагматический мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. ԱՄԿ – Արևելահայերենի ազգային կորպուս – <http://eanc.net>
2. Աբեղյան 1974 – Մ.Խ. Աբեղյան. Հայոց լեզվի տեսություն // Երկեր. 6 հ. Եր.: ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1974.
3. Աղայան 1967 – Է.Բ. Աղայան. Ժամանակակից հայերենի հոլովումը և խոնարհումը (կառուցվածքային վերլուծություն). Եր.: ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1967.
4. Ավագյան 1975 – Վ.Գ. Ավագյան. Եղանակավորող բառերը և նրանց ուսուցումը. Եր.: Լույս, 1975.
5. Պետրոսյան 1987 – Հ.Զ. Պետրոսյան. Հայերենագիտական բառարան. Եր.: Հայաստան, 1987.
6. Гр.-70– Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
7. Гр.-80 I – Русская грамматика в двух томах. Т. I. М.: Наука, 1980.
8. Гр.-80 II – Русская грамматика в двух томах. Т. II. М.: Наука, 1980.

9. **Акопян 2004** – *К.С. Акопян*. Семантико-прагматический мир логико-модальной частицы *только*. // Русский язык в Армении. Ер., 2004, № 1–2. – СС. 60–66.
10. **Акопян 2008** – *К.С. Акопян*. К вопросу о союзных функциях частицы *только*. // Русский язык в Армении. Ер., 2008, № 6. СС. 17–28.
11. **Алисова 1971** – *Т.Б. Алисова*. Дополнительные отношения модуса и диктума. // ВЯ, 1971, №1. СС. 54–64.
12. **Апресян 1995** – *Ю.Д. Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. // Избранные труды. Том I. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
13. **Арутюнова 1973** – *Н.Д. Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. М.: Изд-во АН СССР, 1973, № 1. СС. 84–89.
14. **Арутюнова 1988** – *Н.Д. Арутюнова*. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
15. **Балли 1955** – *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.
16. **Бахтин 1986** – *М.М. Бахтин*. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986.
17. **Богуславский 1979** – *И.М. Богуславский*. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД. – М.: Наука, 1985.
18. **Богуславский 1985** – *И.М. Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985.
19. **Богуславский 1989** – *И.М. Богуславский*. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением ‘достаточно’ и частицами. // Логический анализ языка. «Проблемы интенциональных и прагматических контекстов». – М.: Наука, 1989. СС. 197–215.
20. **Богуславский 1996** – *И.М. Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996.
21. **Вежбицка 1968** – *А. Вежбицка*. Наброски к русско-семантическому словарю. // Научно-техническая информация. Сер. 2 «Информационные процессы и системы». № 12. М.: ВИНТИ, 1968. СС. 23–28.
22. **Виноградов 1975** – *В.В. Виноградов*. О категории модальности и модальных словах в русском языке. // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. СС. 53–87.
23. **Виноградов 1986** – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986.

24. **Вольф 2002** – *Е.М. Вольф*. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС, 2002.
25. **ДС 1998** – Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания // Под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.
26. **ДС 2003** – Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Составители К. Киселева, Д. Пайар. М.: «Азбуковник», 2003.
27. **Иорданская, Мельчук 2002** – *Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук*. Текстовые коннекторы в разных языках: французское *EN EFFET* и русское *В САМОМ ДЕЛЕ*. // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. СС. 78–115.
28. **Ковтунова 1976** – *И.И. Ковтунова*. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. М.: Просвещение, 1976.
29. **Колосова, Черемисина 1987** – *Т.А. Колосова, М.И. Черемисина*. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп. // Служебные слова. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1987. СС. 11–25.
30. **Крейдли 1975** – *Г.Е. Крейдлин*. Лексема *даже*. // Семиотика и информатика. Вып. 6. – М.: ВИНТИ, 1975. СС. 102–114.
31. **Крейдли 1979** – *Г.Е. Крейдлин*. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). АКД. – М., 1979.
32. **Кривоносов 1975** – *А.Т. Кривоносов*. Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов. (На материале немецкого языка). // ВЯ. 1975, № 5. СС. 92–103.
33. **Левцкий 1982** – *Ю.А. Левцкий*. О маркерах и коннекторах. // Семантика служебных слов. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1982. СС. 113–122.
34. **Левонтина 2003** – *И.Б. Левонтина*. *Неожиданно, вдруг I, внезапно, врасплох, против ожидания <ожиданий>, вопреки ожиданиям* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. СС. 655–660.
35. **МАС III** – Словарь русского языка: в 4 тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. АН СССР. Институт русского языка. Т. III. М.: Русский язык, 1983.
36. **Муханов 1983** – *И.Л. Муханов*. Пособие по интонации (для филологов старших курсов). Учебное пособие. М.: Русский язык, 1983.

37. **Николаева 1982_а** – Т.М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
38. **Николаева 1982_б** – Т.М. Николаева. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (К вопросу о функции русских частиц). // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. (Виноградовские чтения XI). М.: Наука, 1982. СС. 46–63.
39. **Николаева 1985** – Т.М. Николаева. Функции частиц в высказывании. – М.: Наука, 1985.
40. **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка – <http://ruscorpora.ru>
41. **Падучева 1977** – Е.В. Падучева. Понятие презумпции в лингвистической семантике. // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. СС. 91–124.
42. **Падучева 1985** – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985.
43. **Прияткина 1987** – А.Ф. Прияткина. Союзная конструкция и сложное предложение. // Служебные слова. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1987. СС. 37–50.
44. **Путеводитель 1993** – А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
45. **СД I** – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Т. I. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
46. **СДЯ II** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 томах. АН СССР. Институт рус. яз. Т. II. М.: Русский язык, 1988.
47. **СРЯ XI – XVII 4** – Словарь русского языка XI – XVII вв. АН СССР. Институт рус. яз. Вып. 4. М.: Наука, 1977.
48. **СРЯ XVIII 6** – Словарь русского языка XVIII в. АН СССР. Институт рус. яз. Вып. 6. Л.: Наука, 1991.
49. **СССРЯ 1997** – Словарь структурных слов русского языка. В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. М.: Лазурь, 1997.
50. **Стародумова 1977** – Е.А. Стародумова. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. АКД. –Л., 1977.
51. **Тер-Аракелян 2004** – Р.А. Тер-Аракелян. Прагматические аспекты высказывания. // Актуальные проблемы русского языкознания. (Лекции для магистратуры). Ер.: Изд-во ЕГУ, 2004. СС. 33–43.
52. **Торопова 1980_а** – Н.А. Торопова. Роль логических частиц в формировании смысла предложения. // Коммуникативно-прагматические и

- семантические функции речевых единств. Калинин, КГУ, 1980. СС. 126–135.
53. **Торопова 1980_б** – *Н.А. Торопова*. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов: Изд-во СГУ, 1980.
54. **Торопова 1985** – *Н.А. Торопова*. Предикатные актанты немецких логических частиц. // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. СС. 65–68.
55. **Шведова 1960** – *Н.Ю. Шведова*. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
56. **Шибанова 1974** – *А.Е. Шибанова*. Семантико-функциональная характеристика частицы «даже» // Русский язык в школе. М.: Просвещение, 1974, № 1. СС. 64–67.
57. **Щербань http** – *Г.Е. Щербань*. О функциях пропозициональных частиц в актуальном членении текста. – URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/000.pdf>
58. **ЭСРЯ_Ф I** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Т. I. М.: Прогресс, 1964.
59. **ЭСРЯ_Ш I, 5** – Этимологический словарь русского языка // Под ред. Н.М. Шанского. Т. I. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1973.
60. **ЭССЯ 4** – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд // Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 4. М.: Наука, 1977.

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО ОДНОЙ ИЗ РЕГУЛЯРНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ ПОДЛЕЖАЩНО- СКАЗУЕМОСТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НАУЧНОГО СТИЛЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

А.В. Меликсетян

Значение научного стиля в речевой деятельности современного общества исключительно велико. Учитывая темпы развития научной мысли, необходимость передачи все большего количества информации, возникает потребность в качественно новом языке передачи результатов научных исследований. А такое стремительное развитие предъявляет определенные требования к научной литературе, которая служит для передачи описаний научных процессов, их результатов и т.д.

При этом необходимо принять во внимание и тот факт, что коренные изменения последних двух десятилетий, произошедшие практически во всех сферах жизни: политической, социально-общественной, научной – привели к возникновению новых социальных и образовательных институтов и, наконец, к стремительному развитию наук.

Научный стиль должен не только описывать сам процесс научного исследования, его результаты, но и давать по возможности емкое, ясное и полное представление об уже имеющейся информации, касающейся той или иной научной дисциплины.

Удельный вес научно-технической прозы в речевой жизни современного общества постоянно возрастает, что не может не оказать влияния на характер коммуникации в целом, особенно на стилевую дифференциацию современного русского языка.

Исследование языка научно-технической литературы не перестает оставаться одной из наиболее актуальных проблем стилистики как лингвистической дисциплины, изучающей закономерности функционирования языка в разных сферах его использования, и важной задачей методики преподавания языков.

В век широких международных связей изучение языка научно-технической литературы приобретает особое значение. Специ-

фика каждого стиля, каждого вида речи создается в современном русском языке не столько наличием особых, только ему свойственных средств выражения, сколько особенностями (семантическими, статистическими, синтагматическими и т. д.) функционирования общезыковых средств и особыми законами их отбора и организации. Эти особенности и законы, как можно полагать, существуют в форме конструктивного функционально-стилевого принципа, являющегося элементом модели порождения речи.

Возникновение научного стиля как такового связано с развитием разных областей научного знания, разных сфер деятельности человека. И если на первых порах стиль научного изложения был близок к стилю художественного повествования, то черты, присущие современному языку науки, являются – уже, полагаем, можно делать выводы, подобные излагаемым ниже – итогом развития и окончательного формирования научного стиля в общем и научного стиля современного русского языка в частности.

Научный стиль имеет ряд общих черт, проявляющихся независимо от характера определенных наук (естественных, точных, гуманитарных) и различий между жанрами высказывания (монография, статья, доклад, учебник, курсовая работа и т.д.), что дает возможность говорить о специфике стиля в целом.

Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связи между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности при сохранении насыщенности содержания.

Логичность – это наличие смысловых связей между последовательными единицами (блоками) текста.

Последовательностью обладает только такой текст, в котором выводы вытекают из содержания, они непротиворечивы, текст разбит на отдельные смысловые отрезки, отражающие движение мысли от частного к общему или от общего к частному.

Ясность как качество научной речи предполагает понятность, доступность.

Значение научного стиля в речевой деятельности современного общества велико по нескольким причинам.

Во-первых, научный стиль стал неотъемлемой частью любого развитого языка и «в настоящее время описание системы мно-

гих европейских языков уже не мыслится без учета этого стиля и его роли в жизни современного общества» [6, с. 87].

Во-вторых, стремительное развитие наук предъявляет определенные требования к научной литературе, которая служит для передачи описаний научных процессов, их результатов и т.д.

Описание научного стиля речи современного русского языка играет важную роль еще и потому, что русский язык остается своего рода международным языком науки: на нем публикуется треть всей научно-технической информации [4, с. 4].

Отсюда вытекает необходимость создания целенаправленной и эффективной системы обучения русскому языку студентов, аспирантов технических вузов, специалистов того или иного профиля, а одной из основ создания такой системы является изучение и описание специфики научного стиля речи. Необходимость подобного описания становится очевидной, если учесть, что среди функциональных стилей научный выделяется высокой степенью внутрискладовой нормативности, причем в ходе его развития эта нормативность возрастает.

Мы опираемся на понимание функционального стиля как речевой системы, использующей языковые средства в определенно регламентированных соотношениях. Проявлением внутрискладовой нормативности научного стиля является унификация языковых средств, сокращение языковых вариантов, приводящая к созданию стандартных речевых формул, к обязательности выбора определенного способа выражения смыслового содержания.

При описании особенностей научного стиля следует принимать во внимание ряд факторов, влияющих на выбор языковых средств, служащих для передачи научной информации:

– Отсутствие непосредственного контакта между автором и читателем, которое порождает требование повышенной полноты, точности и аргументированности изложения.

– Письменная форма общения, преобладающая в научной речи, не позволяющая использовать коммуникативные функции интонации, что также повышает требования к предельной логичности, точности и ясности научного текста.

– Отношение автора к содержанию речи.

– Экспрессивное начало, определяемое как волевое отношение говорящего к содержанию высказывания. Его значение – убедить читателя в истинности сообщаемой информации.

Вышеперечисленные факторы предопределяют набор стилевых черт, в общем виде присущий и другим речевым разновидностям, но в научной речи приобретающих специфический характер. К ним относятся логичность, точность, ясность, абстрактность, безличность, объективность, краткость, отсутствие эмоциональности, интеллектуальность и даже «необщедоступность» и «холодность» изложения.

М.Н. Кожина считает такими специфическими главными стилевыми чертами научной речи отвлеченно-обобщенность и подчеркнутую специальными средствами логичность изложения. Отвлеченно-обобщенность наиболее очевидно показывает зависимость стиля речи от формы мышления. [4, с. 165].

На синтаксическом уровне одним из основных лингвистических признаков отвлеченно-обобщенности изложения является исключение из структуры предложения личного субъекта действия (агенса).

Описание последовательности действий, направленных на познание объективного мира и результатов его познания, представляется в обобщенной форме как процесс коллективного творчества. Осуществляется это широким использованием синтаксических структур с элиминированным личным субъектом, в которых результат выражен агентивным глаголом, предполагающим действие субъекта лица. Это прежде всего односоставные предложения, построенные по двум структурным схемам $V_{\text{Грл}}$ и $V_{\text{Грл}}$, традиционно рассматриваемые как неопределенно- и определенно-личные¹, однако под влиянием специфики научного стиля приобретающие иную семантику, из-за чего в научной литературе их принято называть обобщенно-личными, а также безличные предложения.

Изучение глаголов, употребляемых в односоставных предложениях, построенных по вышеуказанным схемам, привело нас к мысли, что семантика этих глаголов подвергается определен-

¹ Отметим, что академическая грамматика, отраженная в «Грамматике-80», в § 2257 рассматривает личные односоставные предложения как редуцированные двусоставные предложения с редукцией подлежащего (подлежащей субстанции), т.е. как вариант (регулярную реализацию) полной конструкции S – P (предложения с определенным грамматическим подлежащим) [7, с. 247].

ным изменениям. Последнее, на наш взгляд, обусловлено влиянием вышеприведенного набора стиливых черт.

Известно, что главной чертой предложения является его способность формировать и выражать мысль.

Философы и лингвисты, разделяющие это положение, различают три вида мысли:

- а) «мысль-сообщение»;
- б) «мысль-вопрос»;
- в) «мысль-побуждение».

Различия этих видов мысли обуславливают особые структурные и семантические свойства предложений, классифицируемых обычно только по цели высказывания: повествовательных, вопросительных и побудительных [9, с. 92].

Однако нетрудно заметить, что подавляющее большинство определенно-личных и неопределенно-личных (обобщенно-личных, по Н.М. Лариохиной [5, с. 123]) предложений в научном стиле речи, будучи повествовательными по форме, в семантическом аспекте носит побудительный характер, т.е. будучи «мыслью-сообщением», тяготеют к «мысли-побуждению». Любопытен, на наш взгляд, факт использования в названных типах односоставных предложений глаголов, для которых характерно обращение к зрительному восприятию человека, «видению», что вполне оправдано, если принять во внимание исследования когнитивной психологии (существует мнение, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, больше связаны с рациональной природой человека).

Наше внимание привлекла семантика глаголов, употребляемых в определенно-личных и неопределенно-личных предложениях. Даже самое поверхностное ознакомление с текстами научно-технического характера позволяет выделить группу глаголов, употребляемых при изложении материала. Из их числа нами выделены глаголы, так или иначе связанные со зрительным восприятием человека. К ним относятся: *рассмотреть, посмотреть, обратить внимание, заметить, показать, выяснить, пояснить, подчеркнуть*.

Естественно, что при прочтении нижеприведенных предложений читатель может «увидеть» примеры и опыты лишь на бумаге, в виде уже написанных формул и уже имеющихся графических изображений:

Покажем сначала, что вероятность события $\{(x0, y0)\}$, состоящего из одной точки $(x0, y0)$, равна 0.

(11, с. 35)

Покажем это на примере хемилюминесценции.

Соединим полости с помощью небольшого отверстия (рис. 31) и тем самым позволим стенкам полостей вступить в теплообмен через излучение.

(8, с. 15)

Для примера рассмотрим, как будут протекать процессы при подаче входного синфазного напряжения, уменьшающего токи транзисторов $T1, T2$.

(3, с. 186)

Рассмотрим систему квадратуемых подмножеств.

(11, с. 35)

Рассмотрим излучение, находящееся в равновесии с веществом.

(8, с. 14)

По этому поводу справедливо заметил А.Л. Пумпянский:

«Научная и техническая литература призвана как можно точнее описывать и объяснять определенные факты... В связи с этим, в функциональном стиле научной и технической литературы нами отмечена десемантизация глагола-сказуемого... Как и в художественной литературе, в языке науки и техники встречаются образные, зрительные представления, но они имеют схематическую форму чертежей или самих моделей (а не самих предметов) и тем самым приобретают отражённый, логический характер». [6, с. 95].

Зрение – основной источник узнавания, классификации, интерпретации, установления каузальных и иных связей, поставщик информации для многих представителей животного мира, во всяком случае, для приматов. Считается, что 90% информации о внешнем мире поступает к нам через глаза, и эта интуитивная оценка, по-видимому, верна.

Экспериментальные данные, полученные исследователем В.Д. Глезером [2], свидетельствуют об аналогии между структурой образа и синтаксисом языка, что и позволило высказать предположение об общих принципах организации мышления и речи. Исследователем предпринята также попытка показать общность механизмов описания образов и предметных отношений в пред-

метном мышлении с грамматическими механизмами языка. Через эту общность делается попытка доказать, что механизмы описания отношений вместе с предметными номинациями – глубинные структуры, которые лежат в основе грамматики и словарного фонда языка.

Зрительные впечатления создают иллюзию гомогенности воспринимаемых свойств (например, того, что доступно осязанию, слуху и зрению) благодаря наличию между ними естественной связи. Мир изначально воспринимался как *книга*, которую следует научиться *читать*, но принципы чтения менялись. Научная проза же, как известно, призвана доносить до читателя/слушателя некую новую информацию познавательного (рационального) характера, помогать *читать* «книгу мира». Отметим также, что современная когнитивная психология настаивает на неразрывной связи восприятия с эпистемическими процессами.

Здесь для нас важно подчеркнуть следующее. Значение пропозиционального отношения непосредственно связано с ментальным (когнитивным, эпистемическим) модусом. Оно может быть присуще другим предикатам лишь в той степени, в какой они включают в свое значение когнитивный компонент, позволяющий им вводить пропозицию. Для глаголов восприятия этот компонент вторичен: он вырастает из перцептивных смыслов, произведен от них. Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию. Эмоции имеют под собой когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного. Поэтому переход в категорию глаголов пропозициональной установки связан для них с ослаблением эмотивного значения и выдвиганием на первый план эпистемического смысла; между тем для глаголов восприятия этот переход сопровождается развитием в них нового – когнитивного значения. Волеизъявление основано на «планирующей» и коррегирующей деятельности разума, и оно, так же, как и эмоции, следует за когнитивной (ментальной) фазой. Хотя в значении предикатов пропозициональной установки ментальные смыслы сложно переплетены с перцептивными, эмотивными и волеизъявительными, в этом переплетении есть определенная упорядоченность, вносимая отношением к фазам развития психических процессов.

Способность к приобретению когнитивных значений различна у разных перцептивных глаголов. Она зависит от первичного значения глагола, в частности его семантического типа, а также от специфики конкретных языков. Значение пропозициональной установки несовместимо с обозначением деятельности. Поэтому оно не развивается у таких глаголов, как *слушать*, *смотреть*, *нюхать*, *ощупывать*. Оно возникает у глаголов результативной, «констатирующей» семантики (*слышать*, *видеть*, *чувствовать* и т.д.).

Один из перцептивных глаголов – обычно это «глава» перцептивной иерархии – начинает более активно развивать когнитивные смыслы, чем другие предикаты восприятия. Чаще всего это предикат зрительного восприятия, занимающий доминирующее положение в иерархии чувств, но возможен также предикат слуха. Любопытно отметить, что доминирующая позиция визуального восприятия дает о себе знать и в таких философских терминах как *мировоззрение*, *миросозерцание*. Однако в концепциях, обращенных к временному аспекту мира, к потоку происходящего, быстротекущим ощущениям (ср. разные версии экзистенциализма), акцент перенесен на «мировнимание» (М. Хайдеггер: цит. по [1, с. 113]).

Можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые впечатления. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются, скорее, с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем к зрению.

Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвигание на первый план глагола зрительного восприятия. На это обращал внимание уже Бл. Августин: «Видеть – собственно дело глаз. Но мы пользуемся этим словом и для остальных чувств, если речь идет о познании <...> Мы не только говорим: *погляди, как светло*, о чем могут дать знать только глаза, но и говорим также: *смотри, как звучит, гляди, как пахнет, гляди, как вкусно, смотри, как твердо*. <...> Дело созерцания, которое преимущественно принадлежит глазам, присваивается и прочим чувствам, когда посредством их приобретаются какие-либо знания» (Исповедь Бл. Августина в 13 книгах. М., 1914. С. 287: цит. по [1, с. 114]). Дж. Беркли четко поставил вопрос о том, «как происходит, что мы с помощью идей зрения постигаем другие идеи, которые не похожи на них, не причиняют их, не вызываются ими,

не имеют какой-либо необходимой связи с ними». (Беркли, 1978, с. 145: цит. по [1, там же]).

Ср. также высказывание Л. Витгенштейна, который в характерной для него манере автодиалога писал: «Есть ли что-нибудь удивительное в сочетании зрения и мышления? – Нет. Многие наши концепты пересекаются в этом пункте». (Wittgenstein, 1958, с. 197: цит. по [1, там же]).

В русском языке наиболее эпистемически активен глагол «*видеть*». В этом значении ему синонимичен глагол «*чувствовать*».

Способность восприятия к анализу, расчленению понятия предмета и его актуальных состояний уже сама по себе сближает его с эпистемическим модусом. Глаголы восприятия, подобно когнитивным предикатам, получают возможность управлять придаточным предложением. Если изъяснительное придаточное, следующее за ментальными глаголами, вводится союзом *что*, то перцептивные предикаты соединяются с придаточным при помощи местоимения *как*. Оно служит показателем того, что перцептивные глаголы имеют в качестве своего объекта доступную восприятию действительность. Мы *видим*, *как* разворачиваются события, *как* протекают процессы, *как* расположены предметы, *как* осуществляются действия, *как* живут люди и т.д.

На наш взгляд, отмеченное нами употребление глаголов со значением «видения» в научном стиле речи оправдано, если учесть, что цель научной речи – предъявление (подача) информации, которая должна быть *понята, усвоена* читателем/слушателем.

Нельзя не признать, что при написании текстов научного характера автор употребляет описанные выше глаголы «без оглядки» на специфику их семантики. Однако не следует забывать, что именно благодаря семантике глаголы, которые стали предметом анализа настоящей статьи, получили широкое употребление в качестве предикатов односоставных предложений со значением обобщенного субъекта в научном стиле современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт // Отв. ред. Г. В. Степанов. АН СССР. Инст-т языкознания. М.: Наука, 1988. 339 с.

2. Глезер В. Д. Зрение и мышление. Л.: Наука, 1985. 246 с.
3. Гусев В. Г., Гусев Ю. М. Электроника. М.: Высшая школа, 1982. 495 с.
4. Кожина Н. М. Стилистика русского языка //2-е изд., перераб., доп. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
5. Лариохина Н. М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М.: Рус. яз., 1979. 240 с.
6. Пумпянский А. Л. Функциональный стиль научной и технической литературы. – Вопросы языкознания, 1977, № 2. С. 87 – 97.
7. Русская грамматика. В 2-х томах // Под ред. Н. Ю. Шведовой (гл. ред). М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
8. Савельев И. В. Курс общей физики: Учеб. пособие. В 3-х тт. Том 3. Квантовая оптика. Атомная физика. Физика твердого тела, Физика атомного ядра и элементарных частиц // 3-е изд., испр. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. 320 с.
9. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. (ч. III) В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
10. Частотный словарь общенаучной лексики // Под ред. Е. М. Степановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 88 с.
11. Чистяков В. П. Курс теории вероятностей. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1978. 224 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Меликсетян Л.С. О категории времени в ранних пьесах У. Сарояна	5
Егиазарян А.К. Художественный вымысел	29
Григорян А.П. Поэтическая ситуация свободы в целостности литературного произведения	49
Вартазарян С.Р. Интенция в диалоге	58
Саркисян А.Г. Русско-армянские словари сложносокращенных слов	79
Акопян К.С. Штрихи к лингвистическому «портрету» частицы даже и ее армянских эквивалентов	89
Меликсетян А.В. О семантике глагола-сказуемого одной из регулярных реализаций подлежащно-сказуемых глагольных предложений научного стиля современного русского языка.....	130

Филология. (Коллективная монография). Книга 1

Главный редактор – М.Э. Авакян
Корректор – Э.А. Рухкян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян

Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского
(Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел/факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 7

Подписано к печати 18.06.2015г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 9 п.л. Тираж 200 экз.